
№ 6 (84) 2014 год

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77–42557
от 1 ноября 2010 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service
for communication, informational
technologies and media control:
ПИ № ФС77–42557
of November, 1, 2010.

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

**Учредитель:
Финансовый университет**

**Founder:
Financial University**

Журнал ориентирован на научное
обсуждение актуальных проблем
в сфере *экономики, финансов и права*

The journal is oriented towards scientific
discussion of present-day topics in the sphere
of *Economics, Finance and Law*

Журнал входит в Перечень периодических научных
изданий, рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученой степени кандидата и доктора наук

The journal is included into the list of periodicals
recommended for publishing doctoral research results
by the Higher Attestation Commission

Журнал включен в систему
Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

The journal is included into the system
of Russian Science
Citation Index

Журнал распространяется
только по подписке.
Подписной индекс 82140
в объединенном каталоге
«Пресса России»

The journal is distributed only
by subscription
Subscription index 82140
in the consolidated catalogue
«The Press of Russia»

№ 6 (84) 2014

BULLETIN of the FINANCIAL UNIVERSITY

International
Scientific and Practical Journal

Рукописи представляются
в редакцию в электронном виде
(на диске или по электронной почте:
fin.jurnaly@yandex.ru)

Минимальный объем статьи –
10 тыс. знаков, включая пробелы
и сноски; оптимальный – 40 тыс. знаков.

Редакция в обязательном порядке осуществляет
экспертную оценку (рецензирование,
научное и стилистическое редактирование)
всех материалов, публикуемых в журнале

Более подробно об условиях публикации
см.: **http://www.fa.ru**

Мнение редакции и членов редколлегии
может не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций

Письменное согласие редакции при
перепечатке, а также ссылки при цитировании
на журнал «Вестник Финансового
университета» обязательны

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

В. АДАМОВ, ректор Хозяйственной академии
им. Д. А. Ценова (Болгария);
Р. БЕК, профессор Нью-Йоркской школы права,
доктор права (США);
Д. ВЕБЕР, директор Амстердамского центра налогового
права Университета Амстердама, доктор права, профессор
(Нидерланды);
В. ЖИЛЬ, профессор Университета Париж 1 Пантеон-
Сорбонна (Франция);
Д. ЛАФОРДЖИА, ректор Университета Саленто (Италия);
А. МАЗАРАКИ, ректор Киевского национального
торгово-экономического университета (Украина);
А. МУЛИНО, профессор финансовой экономики
и заместитель декана бизнес-школы Университета
Борнмута (Великобритания);
Н. ОРДУЭЙ, профессор Гавайского университета (США);
Я. ОСТАШЕВСКИ, декан факультета управления и
финансов Варшавской школы экономики (Польша);
Г. ФЛУГ, декан экономического факультета Венского
университета (Австрия);
В. САПАТЕРО, ректор Университета Алькала (Испания);
К. ТИТЬЕ, декан факультета экономики, бизнеса и права
Университета имени Мартина Лютера Галле-Виттенберг,
доктор наук, профессор (Германия);
Т. ХАЙМЕР, управляющий декан Франкфуртской школы
финансов и менеджмента (Германия);
С. ХАН, руководитель департамента экономики
Блумсбергского университета (США);
ЧАН ВЭЙ, президент Ляонинского университета (Китай)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М. А. ЭСКИНДАРОВ – председатель совета,
ректор Финансового университета;
А. У. АЛЬБЕКОВ, ректор Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ);
Р. Е. АРТЮХИН, руководитель Федерального казначейства
(Казначейства России), заведующий кафедрой
«Финансовое право» Финансового университета;
Т. Д. ВАЛОВАЯ, член Коллегии (министр) по основным
направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской
экономической комиссии;
О. В. ГОЛОСОВ, главный ученый секретарь Финансового
университета;
В. А. ДМИТРИЕВ, председатель госкорпорации «Банк
развития и внешнеэкономической деятельности
(Внешэкономбанк»);
А. В. ДРОЗДОВ, руководитель Пенсионного фонда
Российской Федерации;
А. Ю. ЖДАНОВ, член Правления, заместитель
председателя Правления ОАО «Россельхозбанк»;
Г. Б. КЛЕЙНЕР, член-корреспондент Российской академии
наук, заместитель директора ЦЭМИ РАН;
А. А. ЛИБЕТ, член Общественной палаты Российской
Федерации;
Д. Е. СОРОКИН, член-корреспондент Российской
академии наук, проректор по научной работе Финансового
университета;
М. В. ФЕДОРОВ, ректор Уральского государственного
экономического университета (УрГЭУ-СИНХ);
А. Г. ХЛОПОНИН, заместитель Председателя
Правительства Российской Федерации – полномочный
представитель Президента Российской Федерации
в Северо-Кавказском федеральном округе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д. Е. СОРОКИН – главный редактор, член-корреспондент
РАН, профессор, проректор по научной работе;
М. А. ФЕДОТОВА – заместитель главного редактора,
Заслуженный экономист Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор;
И. Я. ЛУКАСЕВИЧ – заместитель главного редактора,
доктор экономических наук, профессор;
В. И. АВДИЙСКИЙ, доктор юридических наук, профессор;
М. А. АБРАМОВА, кандидат экономических наук, профессор;
Н. Ф. АЛТУХОВА, кандидат экономических наук, доцент;
В. И. БАРИЛЕНКО, доктор экономических наук, профессор;
Л. И. ГОНЧАРЕНКО, доктор экономических наук, профессор;
В. Б. ГИСИН, кандидат физико-математических наук,
профессор;
Л. Н. КРАСАВИНА, доктор экономических наук, профессор;
О. И. ЛАВРУШИН, доктор экономических наук, профессор;
Е. В. МАРКИНА, кандидат экономических наук, профессор;
М. В. МЕЛЬНИЧУК, доктор экономических наук, профессор;
Р. М. НУРЕЕВ, доктор экономических наук, профессор;
Л. А. ОРЛАНЮК-МАЛИЦКАЯ, доктор экономических наук,
профессор;
Т. П. РОЗАНОВА, доктор экономических наук, профессор;
Б. Б. РУБЦОВ, доктор экономических наук, профессор;
В. Н. САЛИН, кандидат экономических наук, профессор;
А. А. ФАТЬЯНОВ, доктор юридических наук, профессор;
И. З. ЯРЫГИНА, доктор экономических наук, профессор

Manuscripts are to be submitted
to the editorial office in electronic form
(on CD or via E-mail:
fin.jurnaly@yandex.ru)

Minimal size of the manuscript:
10 ths characters, including spaces
and footnotes; optimal – 40 ths characters.

The editorial makes a mandatory expertise
(review, scientific and stylistic editing)
of all the materials to be published in the
journal

More information on publishing terms
is at: **<http://www.fa.ru>**

Opinions of editorial staff and editorial board
may not coincide with those of the
authors of publications

It is obligatory to get a written
approval of the editorial on reprint,
and to make references to the journal
«Bulletin of the Financial University» if quoting

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

V. ADAMOV, Rector, D. A. Tsenov Academy of Economics (Bulgaria);
R. BECK, Professor, New York Law School (USA)
D. WEBER, Director of the Amsterdam Centre for Tax Law at the University of Amsterdam (Holland);
W. GILLES, Professor, University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne (France);
D. LAFORGIA, Rector, University of Salento (Italy);
A. MAZARAKI, Rector, Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);
A. MULLINEUX, Professor of Financial Economics and Deputy Dean Research, Business School, Bournemouth University (UK);
N. ORDWAY, Professor, University of Hawaii (USA);
J. OSTASZEWSKI, Dean, Management and Finance Faculty, Warsaw School of Economics (Poland);
G. PFLUG, Dean, Faculty of Economics, Vienna University (Austria);
V. ZAPATERO, Rector, University of Alcala (Spain);
C. TIETJE, Dean, Faculty of Economics, Business and Law, Martin Luther University Halle-Wittenberg (Germany);
T. HEIMER, Managing Dean, Frankfurt School of Finance and Management / University (Germany);
S. KHAN, Head, Department of Economics, Bloomsburg University (USA);
CHENG WEI, President, Liaoning University (China).

EDITORIAL BOARD:

M. A. ESKINDAROV – Chairman of the Board, Rector, Financial University;
A. U. ALBEKOV, Rector, Rostov State University of Economics (RINKH);
R. E. ARTUKHIN, Head of the Russian Federal Treasury, Head of the Chair «Financial Law», Financial University;
T. D. VALOVAYA, Member of Ministry Board (Minister) for Principle Directions of Integration and Macroeconomics, Eurasian Economic Committee;
O. V. GOLOSOV, Chief Academic Secretary, Financial University;
V. A. DMITRIEV, Chairman, State Corporation «Bank for Development and Foreign Economic Affairs (Vnesheconombank)»;
A. V. DROZDOV, Head, Pension Fund of the Russian Federation;
A. YU. ZHDANOV, Member of the Board, Deputy of Chairman of the Board, OJSC «Rosselkhozbank»;
G. B. KLEINER, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Russian Academy of Sciences Central Economics and Mathematics Institute;
A. A. LIBET, Member of the Public Chamber of the Russian Federation;
D. E. SOROKIN, Doktor of Economics, Full Professor, RAS Corresp. Member of Russian Academy of Sciences;
M. V. FYODOROV, Rector, Ural State University of Economics;
A. G. KHLOPONIN, Vice Premier, the President's Plenipotentiary Representative in the North Caucasus Federal District

EDITORIAL STAFF:

D. E. SOROKIN – Doktor of Economics, Full Professor, RAS Corresp. Member, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Vice – Rector for Research;
M. A. FEDOTOVA – Deputy Editor-in-Chief, Honored Economist of the Russian Federation, PhD in Economics, Professor;
I. YA. LUKASEVICH – Deputy Editor-in-Chief, PhD in Economics, Professor;
V. I. AVDIYSKY, PhD in Law, Professor;
M. A. ABRAMOVA, Candidate of Science in Economics, Professor;
N. F. ALTUKHOVA, PhD (Economics), associate professor;
V. I. BARILENKO, PhD in Economics, Professor;
L. I. GONCHRENKO, PhD in Economics, Professor;
V. B. GISIN, PhD (Physics and Mathematics), professor;
L. N. KRASAVINA, PhD in Economics, Professor;
O. I. LAVROUSHIN, PhD in Economics, Professor ;
E. V. MARKINA, Candidate of Science in Economics, Professor;
M. V. MELNICHUK, PhD in Economics, Professor;
R. M. NUREYEV, PhD in Economics, professor;
L. A. ORLANYUK-MALITSKAYA, PhD in Economics, Professor;
T. P. ROZANOVA, PhD in Economics, professor;
B. B. RUBTSOV, PhD in Economics, Professor;
V. N. SALIN, Candidate of Science in Economics, Professor;
A. A. FATIANOV, PhD in Law, Professor;
I. Z. YARIGINA, PhD in Economics, Professor

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

М.А. Эскиндаров

Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности.
Первый Международный форум Финансового университета 6

А.И. Татаркин

Социальный вектор смешанной модели экономического развития России.....10

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Б.Е. Одинцов, А.Н. Романов

Проблемы создания информационных систем управления эффективностью бизнеса.....22

О.В. Лосева, В.А. Дресвянников

Методология оценки интеллектуального потенциала региона в условиях инновационного развития.....37

Л.В. Оболенская, М.М. Кандохова

Анализ современной практики классификации субъектов инновационной деятельности по степени использования знаний50

В.Р. Маркарян

Перспективные направления развития регионов на примере Краснодарского края.....59

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

И.З. Ярыгина

Межгосударственные кредитные институты в условиях современной России67

Н.Е. Саввина

Инновации в российском страховании: мода или необходимость?.....74

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.Н. Сильвестров

Совет по финансовой стабильности как четвертая опора глобальной финансовой системы84

В.Я. Пищик, Е.А. Звонова

Институциональные аспекты регулирования валютно-финансовых отношений в Евразийском экономическом союзе.....92

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Г. Краус, Л.А. Чалдаева, А.А. Килячков

Критерии оценки программы антикоррупционного комплаенса на малых и средних предприятиях 101

А.И. Селиванов

Противодействие легализации преступных доходов и коррупции: финансово-экономические аспекты..... 110

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Е.И. Акулич

Экономические предпосылки финансового обеспечения государственных нужд 118

Н.Е. Котова

Элементы несправедливой конкуренции США и Украины в отношении российских компаний..... 128

Содержание журнала за 2014 г. 133

CONTENTS

TOPICAL ISSUE

M.A. Eskindarov
The Summary of the First International Forum of the Financial University «Russia's Economic Policy in the Presence of Global Turbulence» 6

A.I. Tatarkin
The Social Vector of a Mixed Model of the Russian Economic Development.....10

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY MANAGEMENT

B. Ye. Odintsov, A.N. Romanov
How to Create Business Performance Management (BPM) System.....22

O.V. Loseva, V.A. Dresvyannikov
Evaluation of the Intellectual Potential of a Region in the Context of Innovative Development.....37

L.V. Obolenskaya, M.M. Kandokhova
Subjects of Innovative Activity: Analysis of Classification Based upon the Extent of Knowledge Use50

V.R. Markarian
Perspectives of Regional Development (by an Example of the Krasnodar Territory) 59

FINANCE, MONEY CIRCULATION AND CREDIT

I.Z. Yarygina
Inter-State Credit Institutions in Modern Russia.....67

Natalya Ye. Savvina
Russian Innovation Business: Innovation Is a Buzzword or a Competitive Necessity?.....74

GLOBAL ECONOMY

S.N. Silvestrov
The Financial Stability Board as the Fourth Pier of the Global Financial System..... 84

V. Ya. Pishchik, Ye. A. Zvonova
Institutional Aspects of Monetary and Financial Regulation in the Eurasian Economic Union92

ISSUES AND OPINIONS

G. Crouse, L.A. Chaldaeava, A.A. Kilyachkov
Criteria for Verification of Anticorruption Compliance Programs at Small and Medium Enterprises..... 101

A.I. Selivanov
Fighting Money Laundering and Corruption: Financial and Economic Aspects..... 110

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

E.I. Akulich
Economic Preconditions for Financial Support of State Needs..... 118

N.E. Kotova
Elements of Unfair Competition Run by the USA and Ukraine against Russian Companies 128

Contents of the journal in 2014 133

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
№ 6 (84) 2014

Подписка в редакции
по тел./факс: (499) 943-99-29
Главный редактор –

Д. Е. Сорокин

Заведующий редакцией
научных журналов –

В. А. Шадрин

Выпускающий редактор –

Л. И. Корнеева

Корректор – **Е. В. Маурина**

Переводчики – **Е. А. Орлова,**

В. М. Осипова

Верстка – **С. М. Ветров**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т,
51/3, к. 105

Тел.: **8 (499) 943 9929**

E-mail: fin.jurnaly@yandex.ru

<http://www.fa.ru>

Подписано в печать 25.12.2014

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 15,8 п. л.

Заказ № 16. Тираж: 147 экз.

Отпечатано

в ООП Издательства

Финансового университета

(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Subscription in editorial office

tel./fax: (499) 943-99-29

Editor-in-Chief –

D.E. Sorokin

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

L. I. Korneeva

Proofreader – **Ye.V. Maurina**

Translators – **Е. А. Орлова,**

V. M. Osipova

Design, make up – **S. M. Vetrov**

Editorial address:

51/3, Leningradsky prospect,
office 105

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 943 9929**

E-mail: fin.jurnaly@yandex.ru

<http://www.fa.ru>

Signed for press on 25.12.2014

Format – 60 x 84 1/8.

Size 15,8 printer sheets.

Order № 16

Circulation: 147 copies

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospect)

© Financial University

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Первый Международный форум Финансового университета

М.А. ЭСКИНДАРОВ

доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Финансового университета

В конце ноября 2014 г. в Финансовом университете прошел первый Международный форум «Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности», в работе которого приняли участие более 3000 слушателей и докладчиков из России и зарубежных стран. Высокопрофессиональный состав участников определялся участием в нем 12 действительных членов и членов-корреспондентов Российской академии наук, свыше 400 докторов наук и почти 700 кандидатов наук, представлявших ведущие российские вузы (МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский госуниверситет, РАНХиГС при Президенте РФ, НИУ — Высшая школа экономики при Правительстве РФ, Казанский (Приволжский) и Сибирский федеральные университеты и т. д.), руководители федеральных и региональных органов государственной власти. Такое внимание к форуму — не случайно. Глобальная экономика переживает сегодня период сложных и неоднозначных изменений.

Причины, вызвавшие нынешнее состояние мировой экономической системы, во-первых, порождены тем, что наиболее экономически развитые страны до сих пор не смогли преодолеть последствий мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., выйти на устойчивый экономический рост, что, в свою очередь,

сказывается на всей мировой экономике. Попытки предпринять в этой связи скоординированные меры, в том числе в рамках G20, до сих пор не принесли сколько-нибудь значимых результатов. Национальные экономические интересы, по-видимому, берут верх над объективными потребностями регулирования глобальной экономики, да и огромные международные финансовые корпорации зачастую воздействуют на практическую экономическую политику в направлении обеспечения приоритета своих узкокорпоративных устремлений.

Во-вторых, продолжается формирование новых мировых центров экономического развития, экономической мощи, что неизбежно влечет переформатирование всей системы глобальных экономических отношений. Это, в свою очередь, обостряет конкурентную борьбу на глобальном экономическом поле, в том числе с использованием внеэкономических и политических инструментов. Пожалуй, наиболее ярко это проявляется сегодня в отношении России. Как справедливо отмечено в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, — украинский кризис лишь предлог для нынешнего политического и экономического давления на Россию и «если бы всего этого не было, то придумали бы какой-нибудь другой повод для того, чтобы сдержать растущие

возможности России, повлиять на нее, а еще лучше — использовать в своих интересах. Политика сдерживания придумана не вчера. Она проводится в отношении нашей страны многие годы, можно сказать, десятилетия, если не столетия. Словом, всякий раз, когда кто-то считает, что Россия стала слишком сильной, самостоятельной, эти инструменты включаются немедленно»¹. По сути, мы видим подтверждение тезиса одного из крупнейших представителей западноевропейской политико-экономической мысли Й. Шумпетера, сформулированного в самом начале «холодной войны», подававшейся, как идеологическое противостояние двух систем, что на самом деле для Запада ««российская проблема состоит не в том, что Россия — социалистическая страна, а в том, что она — Россия»².

В-третьих, все более явственно проявляется тренд перехода к новому технологическому укладу. Как показывает исторический опыт, такой переход сопровождается глубокой структурной перестройкой экономики, что неизбежно порождает целый ряд кризисных явлений.

Наложение этих процессов друг на друга породило явление, получившее название «турбулентность глобальной экономики», которая возникает каждый раз при переходе к новому качеству экономического бытия. В этих условиях эффективной будет лишь та экономическая политика, которая основывается на понимании объективной сущности происходящих процессов и потому опирается на стратегические ориентиры, а не на конъюнктурные сиюминутные обстоятельства. Вместе с тем, как заметил в преддверии последнего саммита G-20 В.В. Путин, «сегодняшний мир живет в условиях очень ограниченного горизонта планирования, особенно в сфере политики и безопасности. Все живут от выборов до выборов. А это очень маленький горизонт планирования

и не дает возможности посмотреть перспективно в будущее более отдаленное»³.

Что касается не политического, а научного сообщества, то его профессиональная обязанность (опираясь на знание о фундаментальных причинах нынешней турбулентности, научное предвидение) — предлагать сценарии экономической политики, направленные на стратегические перспективы развития.

Именно таким подходом мы руководствовались, формулируя тему нынешнего форума и состав секционных (панельных) дискуссий. И судя по профессиональному составу, количеству и географии участников, этот подход оказался правильным.

Востребованность в научно-обоснованных сценариях социально-экономического развития России очевидна. Вместе с тем работа над этими сценариями осложнена рядом значимых обстоятельств.

После периода бурного экономического роста 2000–2008 гг., прервавшегося кризисом конца 2008–2009 гг., российская экономика вошла в период «затухания темпов роста», которые к 2013 г. подвели ее к состоянию стагнации. Учитывая потребности страны, соотношение экономических сил в неизбежной глобальной конкуренции, необходима выработка мер, позволяющих в кратчайшие сроки добиться перелома сложившихся негативных трендов. В упомянутом выше Послании Президента поставлена практическая задача «вырваться из ловушки нулевых темпов роста, в течение трех-четырех лет выйти на темпы роста выше среднемировых. Только так можно увеличить долю России в глобальной экономике, а значит, укрепить наше влияние и хозяйственную независимость».

Вместе с тем принимавшиеся до сих пор меры для изменения сложившейся ситуации не дали значимых результатов. Более того, опубликованные прогнозы Минэкономразвития России, по существу, предполагают ее сохранение вплоть до 2017 г. Что это? Недостаточная настойчивость

¹ Послание Президента России В.В. Путина Федеральному собранию URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/messages> (дата обращения: 5.12.2014).

² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ. М.: Экономика, 1995. С. 522.

³ В преддверии саммита G-20 (14 ноября 2014 г.). URL: <http://russian.rt.com/article/59480> (дата обращения: 16.11.2014).

в осуществлении продекларированной экономической политики или необходимость ее более-менее глубокой корректировки? Неоднозначность ответов на эти вопросы видна в тексте самих прогнозов Минэкономразвития России. Так, в прогнозе до 2016 г., принятом в сентябре 2013 г., ориентиром денежной политики, провозглашался «переход в 2015 г. к таргетированию инфляции», а поддержание устойчивости бюджетной системы планировалось осуществлять «за счет введения бюджетного правила и ограничения в рамках него уровня расходов федерального бюджета». Но спустя всего семь месяцев (в мае 2014 г.) в сценарии до 2017 г. отмечалось, что «умеренно-оптимистический вариант развития экономики предполагает модернизацию бюджетного правила... путем увеличения дефицита федерального бюджета», а в сентябрьском прогнозе «одним из основных внутренних рисков» российской экономики называется «достаточно жесткий ориентир по инфляции, таргетируемый Банком России». Различие подходов отражает тот факт, что различные научные школы предлагают порой взаимоисключающие меры экономической политики.

В этих условиях, памятуя о том, что в науке не может быть монополии на абсолютную истину, мы видели задачу форума в том, чтобы на нем были представлены и сопоставлены в ходе очной дискуссии различные взгляды на формирование экономической политики. Считаю, что это удалось и именно этим форум Финансового университета выгодно отличается от тех, где собираются представители лишь какой-либо одной научной школы. В выступлениях на пленарном заседании первого заместителя Председателя Совета Федерации А. Торшина, заместителя Председателя Правительства О. Голодец, министра финансов А. Силуанова, председателя Комитета Госдумы по налогам и сборам А. Макарова, представителей предпринимательских структур (президента Ассоциации российских банков Г. Тосуняна, зам. председателя А.Н. Клепача), научного сообщества (директора Института экономики

РАН Р. Гринберга) сталкивались различные суждения и мнения. Однако только таким образом и можно формировать научно выверенный курс экономической политики в нынешнем беспокойном мире. Этот дискуссионный дух в полной мере был перенесен на панельные дискуссии форума, которые в совокупности обогатили наши представления о закономерностях современного экономического развития и условиях их практического использования.

В силу своих масштабов Россия неизбежно является значимым фактором, определяющим глобальные политические и экономические процессы. Поэтому понятен интерес к ее экономической политике со стороны зарубежного научного сообщества. В свою очередь, нам, конечно, были небезынтересны оценки происходящих процессов, как в глобальной экономике, так и нашей стране, со стороны зарубежных коллег. На приглашение откликнулись представители из 16 стран дальнего и ближнего зарубежья, в том числе лауреат Нобелевской премии по экономике 2011 г. профессор Т. Сарджент, чья лекция вызвала интерес, выразивший не только в виде заданных вопросов докладчику, но и в ходе обсуждений, продолжившихся в кулуарах.

Финансовый университет на сегодняшний день является классическим университетом, где наряду с традиционными экономическими факультетами органически развиваются факультеты по подготовке бакалавров и магистрантов в области юридических, социологических, политологических специальностей, а также информационных технологий. Это позволило в ходе форума комплексно взглянуть на (казалось бы) чисто экономические проблемы. Ведь практическая экономическая политика должна опираться не только на понимание объективных экономических закономерностей, но и на такие факторы, как состояние общественного сознания и культурные, исторические традиции; учитывать соотношение политических сил, интересов и т.п. В рамках форума были проведены панельные дискуссии о социальных факторах экономического роста, влиянии правовых

аспектов на экономические отношения, возможностях информационных технологий, состоянии и путях развития высшего образования. Совместно с Государственным историческим музеем реализовался очередной этап международного научно-просветительского проекта «Власть и гражданское общество в истории экономических трансформаций».

Важнейшей задачей любого вуза является подготовка будущих научных кадров. Участие студентов и аспирантов в работе форума явилось важным шагом на пути ее реализации. Молодежь не только присутствовала на научных площадках, но и активно участвовала в разворачивающихся там дискуссиях, нередко демонстрируя глубокое понимание происходящих процессов. Не случайно на вопрос, заданный одним из студентов, профессор Т. Сарджент ответил встречным: «А Вы действительно — студент?». Кроме того, были организованы специализированные молодежные площадки, где студенты не только встретились с известными учеными, но и сами выступали с интересными научными сообщениями. На организованной интерактивной выставке «Ярмарка научных и бизнес-идей» были представлены студенческие проекты научно-прикладного плана. Сейчас стоит задача

помочь авторам наиболее перспективных проектов в их практической реализации.

Конечно, нельзя думать, что за четыре дня работы форума были найдены ответы на все вопросы. К тому же стремительно меняющаяся динамика современной экономики будет постоянно порождать все новые вызовы, на которые необходимо будет адекватно реагировать. Именно поэтому мы хотим сделать наш форум постоянно действующим, не допустить прерывания связи между его участниками, вовлекать в начатую работу новые интеллектуальные силы, в том числе подрастающую научную молодежь. Планируется создание механизма, который продолжит обмен мнениями по поставленным проблемам и позволит сформулировать новые. Современные информационные технологии позволяют создать такой механизм, действующий в режиме онлайн. Таким образом, следующая встреча на втором Международном форуме Финансового университета органически продолжит и, будем надеяться, разовьет на основе дискуссий между представителями различных научных школ, предпринимательских кругов и экономических ведомств наше понимание современного экономического развития, выдвинет новые идеи устойчивого социально-экономического прогресса России.

НОВОСТИ ЭКОНОМИКИ

Алексей Кудрин, бывший министр финансов, а ныне глава Комитета гражданских инициатив, уверен, что российские власти в любом случае выполнят свои обязательства по выплате внутренних и внешних долгов. Об этом он заявил на Гайдаровском форуме спустя несколько дней после того, как дефолт в России не исключил финансист Джордж Сорос.

Ранее глава Правительства РФ Дмитрий Медведев заявил, что Россия будет соблюдать свои международные обязательства. «Мы не отказываемся от их исполнения. Наша страна — надежный заемщик, надежный кредитор, надежный поставщик», — заверил Медведев, отметив, что власти могут использовать накопленные средства для оказания помощи важным для государства компаниям, лишившимся доступа к международным рынкам капитала. «Санкции приходят и уходят, кстати, как и их авторы, а деловые отношения и экономические интересы и репутация у государства остаются. У нас по-прежнему значительные резервы, которые гарантируют выплаты по долгам государства, и при необходимости мы сможем помочь компаниям при выплате ими внешних долгов», — пояснил премьер-министр.

Источник: <http://top.rbc.ru/economics/14/01/2015/54b66e7f9a7947d6cdea752f>

УДК 330.342.146 (045)

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР СМЕШАННОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ*

ТАТАРКИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, директор Института экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

E-mail: *tatarkin_ai@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы социальный вектор регулирующих возможностей используемых на практике моделей и их влияние на социально-экономическое и общественное развитие. В основе авторской позиции используется широко обсуждаемый тезис о необходимости органического сочетания государственного регулирования с рыночным саморегулированием и саморазвитием рыночных агентов.

В рамках смешанной (конвергируемой или двухпутной) модели социального, экономического и общественного развития предлагается активнее и результативнее использовать государственное регулирование, создавая наиболее благоприятные макроэкономические условия для жизнедеятельности населения и развития бизнеса.

Ключевые слова: социальное самочувствие населения; модели социально-экономического развития; рынок; рыночное саморегулирование; регулирующие возможности государства; регулирующий потенциал социального развития; результативность регулирующего воздействия.

THE SOCIAL VECTOR OF A MIXED MODEL OF THE RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

ALEXANDER. I. TATARKIN

ScD (Economics), Professor, Member of the Russian Academy of Sciences Director of the Institute for Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg

E-mail: *tatarkin_ai@mail.ru*

ABSTRACT

The social vector of regulating capabilities of field-used models and their impact on social and economic development are investigated. The focus is made on the widely discussed thesis of the necessity of an organic combination of the state regulation with market self-regulation and self-development of market players.

Based on the mixed (convergent or double-track) model of social and economic development it is concluded that the state regulation should be used with better efficiency and effectiveness by creating the most favorable macroeconomic conditions for the life of population and business development.

Keywords: social feeling of the population; models of socio-economic development; market; market self-regulation; regulatory capacity of the state; regulatory potential of social development; regulatory impact effectiveness.

*«Великие нации никогда не беднеют
из-за расточительности
и небагоразумия частных лиц,
но они нередко беднеют в результате
расточительности и небагоразумия
государственной власти»*

А. Смит [1, с. 18]

В отечественной и зарубежной литературе активно обсуждается роль регулирующего воздействия государства на социально-экономические и общественные процессы [2, с. 8–14; 7, с. 8–17], предлагаются методики экономической оценки регулирующего воздействия субъекта регулирования на регулируемый

* Статья подготовлена на средства гранта Президента РФ НШ-1182.2014.6 «Ведущая научная школа».

** The paper was prepared under the grant of the President of the Russian Federation NSH-1182.2014.6 «Leading Scientific Schools».

объект¹ [3, с. 69–75], формулируются предложения по совершенствованию правовых регуляторов для достижения устойчивости развития [3, с. 3–10; 6, с. 24–28]. Обосновываются математические модели «оптимальности разрабатываемого регулирующего решения» [8, с. 33–51; 9, 67–84], на основе «экономико-математического моделирования обосновывается несостоятельность действующей социальной политики в России, а также погрешности ее конструкции...» [10, с. 2].

РЕГУЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Традиционно считается, что каждая страна обладает и использует в интересах развития широкий набор регулирующих воздействий на всех субъектов и участников рынка с учетом, *во-первых*, сложившихся в стране социальных, инфраструктурных, пространственных, экономических и иных особенностей и стоящих перед обществом приоритетных задач; *во-вторых*, сформировавшихся в обществе национальных, культурных, исторических и иных традиций и образа жизни населения; *в-третьих*, принятых населением форм государственного устройства (унитарного, федеративного, конфедеративного) и государственного правления (монархия, президентская и парламентская республика). С учетом социального вектора можно классифицировать основные научные подходы и модели по трем укрупненным группам.

Первая группа — с преимущественно рыночным подходом к выбору, использованию и оценке регулирующего воздействия на рыночные отношения и процессы. Наиболее известна Саламанская научная школа, преобладала в XVI–XVII вв. (Хуан де Матъенсо, Хуан де Луго и др.), считается родоначальницей теории свободных рынков с конкурентным соперничеством, с полной свободой действий рыночных агентов. Социальная сфера и социальные аспекты развития практически не исследовались.

С конца XVII и на протяжении XVIII–XIX вв. национальные рыночные системы развивались в рамках классической школы, у истоков

которой были величайшие экономисты В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, Ж.Б. Сэй. По их мнению, использование принципов невмешательства и полная свобода рыночной деятельности обеспечивают наиболее эффективное распределение по Паретто. Главный их постулат — перепроизводство в рыночной экономике невозможно в принципе, поскольку производство через рыночные механизмы «невидимой рукой» (по А. Смигу) автоматически формирует свой собственный спрос на производимые в обществе товары и услуги. Хотя «невидимая рука рынка» используется автором не в плане признания за рынком всеобщего и единственно эффективного регулятора экономических отношений, а в качестве механизма, способного через достижение собственного экономического интереса в производстве и присвоении прибавочной стоимости обеспечивать «поддержку отечественной промышленности» [1, с. 443]. А. Смит последовательно и решительно выступал против ограничений свободы предпринимательства и торговли, в том числе и посредством ограничения монополизации экономики, излишнего государственного вмешательства в экономическое развитие, возрастающих государственных расходов. При этом А. Смит выступал за устранение равенства в оплате труда, свободное передвижение работников, их конкуренцию за более высокую оплату, требовал от государства устранения чрезмерного регулирования оплаты труда [1, с. 149–162, 165, 185–187].

В XIX в. зародилась и в XX в. приобрела популярность Кембриджская научная школа А. Маршалла, А. Пигу и др. Свободная конкуренция как особый институт организации бизнеса принимает у Маршалла форму свободы производства и предпринимательства. Свободная конкуренция рассматривается как способ организации, обеспечивающий оптимальное распределение труда, ресурсов и возрастающую эффективность экономики. Это, по мнению автора, и обеспечивало социальную справедливость в распределении доходов [11, с. 525].

Представители австрийской научной школы (Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес, Б. Андерсон и др., XIX–XX вв.) в своих теоретических исследованиях исходили из убеждения, что эффективный обмен и рациональное использование ресурсов возможно лишь посредством

¹ Использование оценок регулирующего воздействия для совершенствования корпоративного законодательства / Колл. авторов: С.Б. Авдышева и др. М.: ТЕИС, 2006. 255 с.

ценового механизма на свободном от государственного вмешательства рынке. Ценовой механизм, по их мнению, способен оптимально разделить и синхронизировать общее и личное знание, позволяя обществу добиваться наивысших результатов за счет самоорганизации. Из этих посылов они делали вывод о невозможности централизованного государственного планирования рыночных систем.

Центральной идеей Чикагской научной школы, видными представителями которой считаются М. Фридман, А. Харбергер, Г. Демсец, стала децентрализация власти и передача полномочий на максимально низовой уровень, поскольку, по их мнению, существует прямая зависимость между экономическим ростом и экономической свободой населения и рыночных агентов.

Вторая группа — с преобладанием государственного планового регулирования всех социально-экономических, в том числе и рыночных, отношений и процессов. В этой группе интерес представляют две научные школы. Представители Школы экономического романтизма (Жан Шарль Сисмонди, Пьер Жозеф Прудон) считали, что «невидимая рука» рынка работает не всегда в интересах поддержания равновесия, как и погоня за увеличением личного дохода. Необходимость регулирующего вмешательства государства обосновывается необходимостью «сглаживать страдания населения» в периоды кризисов.

Видные представители марксистской научной школы К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Каутский, В. Ленин настаивали, что только общественная собственность на средства и результаты производства при плановой организации производства способна устранить «анархию и диспропорции» рынка и обеспечить устойчивость социально-экономического развития и возрастающий рост народного благосостояния.

Третья группа — смешанный вариант регулирующего воздействия государства на социально-экономическое развитие и рыночное саморегулирование. Многие авторы характеризуют его как двухпутную (*double track*) экономику, достаточно успешно реализуемую в Швеции, Китае, Бразилии и некоторых других странах. Смешанный (конвергируемый, двухпутный) вариант имеет свои относительно обособленные

научные школы и направления исследования. В частности, Кейнсианская научная школа (Дж. Кейнс, Дж. Хикс, Дж. Робинсон и др.) за основу своего исследования принимают объективную неизбежность экономических кризисов при капитализме, что делает обязательным участие государства и его регулирующего потенциала для поддержания устойчивости и сбалансированности. Представители научного направления по конвергенции (сближению) капиталистической рыночной и государственной плановой систем регулирования (Дж. Гэлбрейт, Т. Веблен и др.) исходят из неизбежности постепенного сближения капитализма и социализма заимствованием друг у друга положительных качеств в целях формирования постиндустриального общества, свободного от рыночных и плановых изъянов [12, с. 27, 28].

Краткий экскурс в содержание наиболее обобщаемых моделей социально-экономического развития и научных школ, их предлагающих, позволяет выделить то общее, что их объединяет, и то сущностное, что их разъединяет. Объединяющим началом для всех моделей и школ является поиск наиболее эффективных и результативных государственных (ГР) и рыночных (РР) регуляторов, зачастую отвергая другие по основаниям, далеким от экономики, — идеологическим, политическим, нравственным. Разъединяет все вышеперечисленные модели и школы, на наш взгляд, отсутствие стремления осознать очевидную истину: в природе и обществе нет и не может быть явления (процесса, отношения, института, модели, теории, механизма и т.п.) только с положительными или только с отрицательными характеристиками, как нет «атома» только с положительным или только отрицательным зарядом. Тем более если исследуется проблема социально-экономического развития, где каждый, даже незначительный, источник или фактор роста может стать решающим в конкурентном противостоянии.

Диалектика развития любого явления (процесса, отношения, института) основана на «борьбе противоположностей», которые и становятся источником их устойчивого или замедленного развития, а то и гибели. Именно поэтому регулирующим потенциалом общества нами предлагается рассматривать в единстве всех существующих и действующих в обществе форм,

институтов и моделей регулирующего воздействия на социально-экономические и общественно-политические процессы в целях обеспечения устойчивого и сбалансированного экономического роста, поддержания социального согласия в обществе и повышения качества жизни всего населения.

Предлагаемая формулировка регулирующего потенциала общественного и социально-экономического развития требует, на наш взгляд, большей ее конкретизации к разным уровням общественного и государственного обустройства — регионам, муниципалитетам и иным территориально-пространственным образованиям (агломерациям, экономическим зонам, кластерным объединениям).

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГУЛЯТОРОВ

Общепринятым считается положение, что регулирование может тройным образом влиять на развитие социально-экономических и общественных процессов. *Во-первых*, оно может содействовать и мотивировать социально-экономическое развитие в нужном направлении, если объективно учитывает внешние условия и реально оценивает регулируемый потенциал общества. *Во-вторых*, регулирование может сдерживать социально-экономическое развитие при формальном отношении к оценке возможностей достижения конечного результата регулирования. Примеров подобного сдерживания можно назвать много: от чисто субъективного желания правительственных чиновников вплоть до 2020 г. ежегодно повышать цены и тарифы на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки, коммунальные услуги на 8–31% до увеличения страховых и пенсионных взносов для малого бизнеса и индивидуальных предпринимателей (что привело к резкому сокращению их численности, а следовательно, и деловой активности во всех российских регионах).

В-третьих, при слабой научной проработанности регулирующее воздействие может выступать искусственным барьером на пути устойчивого социально-экономического развития в целом или отдельных его сегментов. По мнению Т. Фомченкова, «500 тыс. или даже

миллион человек можно вовлечь в малый бизнес дополнительно, правильно отрегулировав и настроив налоговую систему» [13, с. 5]. К сожалению, настрой у российской власти зачастую получается вредным для регулируемого объекта.

Неподготовленное, исключительно волевое повышение в 2013 г. Правительством РФ более чем в 2 раза размера фиксированного страхового взноса по обязательному пенсионному страхованию для индивидуальных предпринимателей вызвало резкое снижение их численности и снятие с учета: во Владимирской области — 6800, в Кировской — 6493, в Республике Бурятия — 4133, в Томской области — 4000, Калининградской — 2872, Брянской — 7557. Подобное государственное регулирование не только «выбросило» из экономической деятельности более 100 тыс. индивидуальных предпринимателей, лишив их (и работающих с ними) работы и источника существования, но и не обеспечило реализацию цели — «наполнить до краев» страховую часть Пенсионного фонда. По оценке аудитора счетной палаты Ю. Росляка, бюджеты Белгородской области от «регулирующих щедрот правительства» оскудели в 2013 г. на 247 млн руб., Владимирской — на 46 млн, Кировской — на 28 млн руб.² И это только прямые налоги! Слишком дорого обходится российскому обществу формальное отношение власти к качеству государственно-правовых регуляторов.

Серьезные претензии к качеству ГР и у Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Главной проблемой, сдерживающей развитие российских компаний, по мнению членов РСПП, стала нехватка квалифицированных кадров и слабая научная проработка принимаемых Правительством регулирующих решений³.

Проблема ценового и тарифного регулирования, по результатам опроса членов РСПП, продолжает оставаться «сдерживающим» развитие бизнеса фактором. Более 38% опрошенных членов Союза высказали обеспокоенность неконтролируемым ростом цен и тарифов, созданием государством льготных ценовых (тарифных) условий для отдельных компаний, отсутствием

² Мирер Я. Ограниченная Россия // Мир перемен. 2011. № 4. С. 153–169.

³ О состоянии делового климата в России. Доклад. Краткая версия. М.: Издательский дом РСПП. 2013. С. 38–41.

эффективных регуляторов ценовых действий посредников. Представители бизнеса предлагают активнее использовать «ценовые стимулы» для импортозамещения, освоения инновационной продукции, повышения конкуренции, модернизационного обновления и др.

Научный анализ и многочисленная практика успешной реализации проектов в отдельных странах [реформы — А.Н. Косыгина в 1965–1970 гг.; в Сингапуре; новых индустриальных странах (НИС); в КНР; Индии; Бразилии] позволяют сформировать определенную модель проектирования реформ и успешную, поэтапную реализацию проекта, ориентированного на результат.

Первый этап. Понятная для каждого формулировка реально достижимой цели и общественно значимого конечного результата проводимых реформ (экономического, социального, экологического) с тем, чтобы каждый мог рассматривать себя как участника проектируемых преобразований и оценивать свой личный (семейный, корпоративный, групповой, национальный, интернациональный) интерес в проведении реформ и достижении поставленной цели. Импульсивность инициирования реформ, их неподготовленность при отсутствии четких и воспринимаемых большинством населения целей и социально значимых результатов, непоследовательность в реализации превратили «реформаторские гонки» российского руководства в своеобразные «игры для избранных», больше раздражающие население своей бессистемностью и ставшие уже навязчивой идеей любой правительственной инициативы — переложить на население и бизнес издержки непрофессионального регулирования и управления, но никоим образом не мобилизующих население на согласованное участие в их реализации.

Показательна оценка государственного регулирования бывшим министром финансов и заместителем главы Правительства РФ А.Л. Кудриным, инициатором централизации бюджетных средств и отказа от бюджетной самодостаточности региональных и муниципальных органов власти. Комментируя результаты проверки Генеральной прокуратурой использования бюджетных средств и решения Правительства РФ активнее привлекать представителей бизнеса и население к контролю за

расходом бюджетных средств, Алексей Леонидович вынужден признать, что эффективным государство будет не только тогда, когда официальные контрольные органы — Счетная палата и Госфиннадзор будут работать. «Мы все платим налоги ...», — признал он, — но мы не всегда спрашиваем о том, куда идут полученные казной деньги. Без этой формы контроля расхода бюджетных средств нет эффективного государства» [14, с. 1, 2].

Действительно, результаты проверки Генеральной прокуратурой использования бюджетных средств за 2013 г. впечатляют и размахом, и последствиями. За год прокуратурой выявлено 73 900 нарушений во всех сегментах госзакупок для государственных и муниципальных нужд; по результатам проверки возбуждено более 500 уголовных дел, внесено более 16 100 представлений и 2700 протестов на незаконные правовые акты. К ответственности привлечены 20 000 руководителей разного уровня. Но в бытность А.Л. Кудрина министром финансов тоже были нарушения: в МВД, Министерстве обороны, Росрыболовстве и др.

Второй этап. Научная экспертиза своевременности, обоснованности и реализуемости проекта с позиции достижения поставленной цели и выхода на прогнозируемые результаты. Научная обоснованность проекта может обеспечиваться двумя путями. Представители профессионального научного сообщества могут, а по логике и должны привлекаться к подготовке проекта с момента обсуждения проектной идеи до его реализации. Хотя уже сейчас высказываются предложения формировать специализированные проектные институты и/или конструкторские бюро, в работе которых «должны принимать участие не только инженеры, экономисты, менеджеры, но и демографы, социологи, юристы. Но руководство проектом, его разработкой и реализацией следует осуществлять на принципах единоначалия».

По мнению академика РАН В.Л. Макарова, возглавлять проект должен генеральный или главный конструктор, профессионал в инженерных делах и организации проектного развития. По мнению автора, руководитель проекта «должен держать в голове главное — достижение цели. А если во главе проекта будет менеджер, бизнесмен, то какова бы не была исходная

цель, он будет стремиться получить прибыль». [2, с. 12]. Примеры приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, проекты создания РОСНАНО и фонда «Сколково» — наглядное тому подтверждение.

Третий этап. Любое управленческое решение, призванное регулировать социально-экономические и общественные отношения, *обязано* соответствовать Конституции РФ. Невинное отступление от Конституции в части выборов в законодательные собрания разных уровней по партийным спискам превратилось в «снежный ком» сплошных и все более опасных отхождений от всенародного волеизъявления. Здесь и отказ от прямых выборов губернаторов, административное введение института сити-менеджеров в муниципальных образованиях, изменение срока выборности депутатов и Президента, превращение центров регионов в своеобразный «гибрид» местного самоуправления с административным распоряжением его ресурсами.

Четвертый. Любая принимаемая государственными властными структурами регулирующая норма, если она направлена на изменение уже сложившихся правил, норм и регламента поведения коллективов, сообществ, групп населения, в обязательном порядке должна быть поддержана сообществом, условия функционирования которых меняются. И только при согласии групп населения, союзов регулирующее решение может официально приниматься. Действующая практика принятия регулирующих решений исходит из противоречащей Конституции РФ презумпции «верховенства власти над народом», а не провозглашенной Конституцией (ст. 3, ч. 1): «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Если строго следовать Конституции, то принятые Федеральным законодательным собранием законы о реформировании РАН, реформе общего и высшего образования, многочисленные ограничения в части предоставления населению медицинской помощи и др., утверждаются и принимаются с нарушением Конституции РФ — без предварительного обсуждения с профессиональным сообществом и одобрения общероссийским референдумом.

Предлагаемая практика по оценкам большинства отечественных и зарубежных

специалистов, *во-первых*, будет способствовать существенному повышению качества государственно-правовых регуляторов, объективной оценке сложившейся в обществе потребности в обновлении регулирующего воздействия для поддержания устойчивости, сбалансированности, социальной и экологической направленности развития. Проблема качества регулирующего воздействия в условиях глобализации и обновления внутривосточных источников и факторов развития становится для Российской Федерации приоритетной задачей. *Во-вторых*, повысит ответственность и будет мотивировать представителей власти всех уровней, чиновников и разработчиков регулирующих нормативных актов более ответственно относиться к разработке и экспертизе, обсуждению и учету предложений, принятию и мониторингу всего процесса их реализации. Реализация выданного предложения, на наш взгляд, будет более результативной и действенной при условии, если в обсуждаемом проекте будут указаны инициатор (инициаторы), мотивы и целесообразность принятия нормативного акта, разработчики и эксперты проекта, прогнозируемые результаты его реализации. *В-третьих*, укрепит доверие населения и всего российского сообщества к власти и проводимой ею политике по развитию демократических принципов управления общественным развитием. Не очень продолжительная практика использования института «обратной связи» городской власти Екатеринбурга с городским сообществом показала и доказала, что подобный институт способен внести новые импульсы в процессы системного развития не только крупных городов и муниципальных образований, но и регионов, федеральных округов и страны в целом.

Пятый этап. Использование разнообразных механизмов и институтов плановой и рыночной направленности для привлечения к реализации государственного регулятора максимального количества заинтересованного населения. Для этого, как нам представляется, будет полезным не только определять орган, ответственный за реализацию государственно-правового регулятора (ГПР), но и обязывать его осуществлять мониторинг хода исполнения для своевременной корректировки и обновления в связи с меняющимися условиями.

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. и его последствия, особенно ощутимые для российской экономики, в очередной раз поставили перед руководством и всем обществом вопрос о способности либерально-рыночной модели обеспечивать стабильно устойчивый и социально ориентированный рост экономики при относительно высокой занятости населения и росте его доходов. Е.М. Примаков в своем докладе «2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неоллибералов», сделанном на заседании «Меркурий-клуба», аргументированно объяснил существующие «изъяны» и «провалы» рыночного саморегулирования, которые, в принципе, невозможно устранить и даже минимизировать в рамках либерально-рыночной модели. Е.М. Примаков выделил восемь причин, которые дают основание требовать принципиальной корректировки неоллиберального курса Правительства РФ⁴. Обратим внимание лишь на одну — принципиальную позицию неоллибералов по отношению к социальной справедливости. По их мнению, именно свободная конкуренция «экономических сил», а не государственное регулирование, обеспечивает и поддерживает социальную справедливость в обществе.

На фундаментальную неопределенность рынка (ФНР) и рыночного саморегулирования обращает внимание и Ю.Я. Ольсевич, утверждая, что «фундаментальная неопределенность рынка может быть преодолена лишь при условии обеспечения оптимально необходимого и скоординированного государственного регулирования на всех трех уровнях: макро-, мезо- и микроуровне. Рынок способен к конкурентному саморегулированию лишь в той мере, в какой государство обеспечивает регулирование институциональных и организационных основ рынка, а также его макропропорции» [15, с. 95].

Очередной аргумент сторонников универсальности рыночного саморегулирования —

понижающаяся эффективность государственного регулирования и функционирования государственных корпораций. На самом деле, по оценке Е.М. Примакова, именно государственные корпорации остаются «локомотивами экономического развития Российской Федерации», хотя претензий к их работе высказывается много и в большинстве своем справедливых. В то время как российский «Газпром» приоритетом своей деятельности продолжает считать полученное от государства право на ежегодное повышение цен на газ на внутреннем рынке, французские энергетические компании, полностью или частично принадлежащие государству, за последние 15 лет осуществили успешную международную ценовую и сервисную экспансию. Эта тенденция, в общем и целом, стала результатом процесса консолидаций, организованных и направляемых государством во исполнение плановых директив ЕС для осуществления успешной конкуренции на европейском и мировом рынках.

Сравнивая результативность регулирующего воздействия российского и французского правительств, Я. Мирер, доктор, основатель журнала *Politique americaine*, учредитель и президент *Nexus Forum* — независимой организации по проведению семинаров по экономике и промышленному развитию развивающихся рынков (Париж–Нью-Йорк), приводит примеры успешного согласования и интеграции государственных плановых регуляторов с самоорганизацией государственных и частных компаний для поддержания общественной устойчивости и наращивания конкурентных преимуществ на мировом рынке. По его мнению, скорее «политическая, чем правовая обстановка, в которой развивается российская государственная промышленность, не создает аналогичных возможностей и препятствует шансам получения международного статуса российским промышленным группам»⁵. Именно политическая обстановка в Российской Федерации с начала рыночных преобразований 90-х гг. прошлого столетия была и остается основным тормозом использования «конвергентной» модели социально-экономического развития.

⁴ Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неоллибералов. Доклад. // Российская газета. 2014. 22 января. URL: <http://www.rg.ru/nomera/2014/01/22.html> (дата обращения: 18.09.2014).

⁵ Мирер Я. Ограниченная Россия // Мир перемен. 2011. № 4. С. 161.

**Динамика валового внутреннего продукта
в сопоставимых ценах, % к предыдущему году**

Страна	Годы						Место
	2001	2003	2005	2007	2009	2011/2000	
Швеция	101,1	101,5	103,2	103,3	94,7	104/124,5	1
Канада	101,9	101,7	103,0	102,2	97,2	102,5/123,7	2
США	100,8	102,7	103,1	101,9	96,5	101,7/119,2	3
Англия	102,3	102,2	102,2	102,7	95,6	100,7/115,1	4
Франция	102,1	100,8	101,9	102,2	97,3	101,7/114,3	5
Германия	101,2	100,0	100,9	102,8	94,9	103,0/113,5	6
Япония	100,4	102,6	101,9	102,3	94,5	99,3/109,6	7
Китай	107,2	110,2	111,3	114,2	109,2	109,2/292,5	1
Индия	105,8	108,2	109,5	109,3	106,6	107,2/225,5	2
Россия	105,1	107,3	106,4	108,5	92,2	104,3/166,8	3
Словакия	103,8	104,5	106,7	110,6	94,9	104,0/165,9	4
Чили	103,8	103,7	106,5	105,1	99,0	106,1/157,0	5
Юж. Корея	103,8	103,1	104,0	105,1	100,3	103,7/155,6	6
Польша	101,0	103,9	103,6	106,8	102,0	104,4/152,4	7
Азербайджан	109,9	111,2	126,4	125,0	109,3	100,1/403,0	1
Казахстан	113,5	109,3	109,7	108,9	101,2	107,5/238,0	2
Армения	109,6	114,0	113,9	113,7	85,9	104,7/225,0	3
Белоруссия	104,1	107,0	109,4	108,6	100,2	105,3/213,3	4
Украина	109,2	109,6	102,7	107,9	85,2	105,2/160,2	5
Литва	106,4	109,7	107,8	109,8	85,3	105,9/160,0	6

Многолетний пример соединения государственных (плановых, программно-проектных, индикативных) регуляторов с рыночным саморегулированием в единой «смешанной модели хозяйствования» демонстрируют Швеция, Китай, Индия, Казахстан, Беларусь и другие страны, показатели развития которых достойно представляют преимущества избранной модели (таблица) [15, с. 3].

Не нарушая высказанных выше необходимых требований, которым должны соответствовать все принимаемые государством регуляторы, сошлемся на мнение российского населения, которое было высказано в 2012–2014 гг. в части предпочтений к плановым и рыночным институтам регулирования. В январе-марте 2012 г. «Левада-Центр» провел опрос более 10 тыс. россиян из 47 регионов на тему: «Целесообразность использования института планирования в российской практике». Результаты опроса резко расходятся с политическим курсом Правительства РФ, но вполне соответствуют мнению большинства российского населения. Более 51% опрошенных считают целесообразным использовать институт планирования, особенно в части социально-экономического развития. Еще

15% опрошенных считают возможным использовать планирование с различными ограничениями и оговорками.

В 2011–2012 гг. Институт социологии РАН опрашивал 1750 респондентов из 22 субъектов РФ, но по другому вопросу: «Какой общественный строй наиболее подходит России?». Результаты в очередной раз не укладываются в русло проводимой Правительством РФ социально-экономической и общественной политики. Более 56% респондентов отдали предпочтение модели «смешанной экономики». В границах «смешанной экономики» более 31% опрошенных отдали предпочтение «социализму с плановой экономикой и элементами рыночных отношений» и 25% — «капитализму с рыночной экономикой с элементами планирования и сохранения социалистических принципов» (доступность образования, здравоохранения, государственное регулирование в интересах населения цен и тарифов, дифференцированное налогообложение доходов и др.). Категорично высказались за «социализм с плановой экономикой и господством государственной и колхозно-кооперативной собственности» 22% респондентов и лишь 17% отдали предпочтение

либерально-рыночной модели — «капитализму со свободной рыночной экономикой и господством частной собственности»⁶.

Результаты социологических опросов дают основание считать, что в Российской Федерации сложилось «двухслойное» предпочтение модели социально-экономического и общественного развития: *одно* — официально действующее, либерально-рыночное, поддерживаемое меньшинством населения, находящимся «во власти и при власти», а потому и навязываемым большинству исключительно рыночную модель развития. Модель, явно не способную, как показали 20 лет рыночных преобразований, изменить в лучшую сторону динамику социально-экономического и общественного развития, обеспечить и поддерживать общественно-политическую, экономическую стабильность в стране и повысить социальный статус российского населения.

Другое предпочтение — модель «смешанной экономики», официально не признанная, но активно поддерживаемая большинством населения. По разным опросам, лишь 20–25% в начале 90-х гг., а сейчас от 17 до 21% населения готовы поддержать классический вариант либерально-рыночной модели. Однако исключительно «советскую» модель в ее классическом виде готовы поддержать лишь 20–26% взрослого населения. Большая часть взрослого населения (до 60%) стабильно отдадут предпочтение смешанной или конвергентной модели развития экономики и общества в целом, основанной на оптимальном, с учетом предпочтений большинства населения, сочетании плановых и рыночных институтов и механизмов. Среди аргументов называются следующие.

Во-первых, как бы ни критиковался социализм за его изъяны и чрезмерную плановую централизацию «всего и вся», по своей сути и социальной направленности он может претендовать на одну из самых социально справедливых и устойчивых моделей общественного развития. Всеобщая доступность и государственная поддержка всеобщего (общего и высшего) образования, его качество и востребованность остаются образцами подражания для многих государств и народов. Качество

медицинских услуг, как и вся система здравоохранения, далеко не по всем показателям отвечала интересам населения. Но она была доступной для каждого, нуждающегося в ее помощи. Не было и такой резкой дифференциации населения по уровню доходов.

По оценкам Е.М. Примакова, 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех российских активов. Международная финансовая корпорация *Credit Suisse Group*, на которую он ссылается, вынуждена констатировать: «Во время переходного периода были надежды на то, что Россия будет преобразована в высокодоходную экономику с высококвалифицированными работниками и сильными программами социальной защиты, унаследованными от советского времени. На практике получилась почти пародия».

По количеству вузов, объектов здравоохранения и даже по количеству дипломов о высшем образовании сегодняшняя Россия вряд ли уступает Советскому Союзу. А вот по грамотности, профессиональным навыкам, способности современного учителя, профессора вуза качественно учить, врача — качественно лечить, ученого — качественно заниматься научными исследованиями Россия не просто отстала. Она взяла, по оценкам большинства населения, курс на «отстать навсегда». Разрешив создание и функционирование частных образовательных, медицинских и научно-исследовательских организаций, государство одной рукой развернуло целевую направленность их деятельности с качества подготовки (лечения, исследований) под общественные потребности, на зарабатывание денег, которое стало и целью деятельности, и основным мотивом, и конечным результатом. Другой «государевой» рукой было «высочайше разрешено» государственным бюджетным учреждениям образования, здравоохранения, науки и другим в интересах «сокращения нагрузки на бюджет» вводить плату за оказание государственных услуг, что неизбежно привело к увеличению нагрузки на работников и закономерному снижению качества государственных услуг в образовании, здравоохранении, научных исследованиях и во всех других сферах. Те, кто сомневается в справедливости данного утверждения, могут убедиться в этом, исследовав на грамотность любую работу, вплоть до

⁶ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Ктумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Вест Мир. 2013. С. 27–30.

кандидатской диссертации, выпускника общеобразовательной школы конца 90-х — начала 2000-х гг. И сомнения пройдут сразу⁷.

Во-вторых, конкурентный рынок может рассматриваться как необходимое, но не единственное условие для устойчивого развития экономики и общественного благополучия. В оценках большинства специалистов он рассматривается как благоприятная среда, которая может обеспечить, а может и не обеспечить успешное развитие и общественное процветание. Заслуживает внимания аргумент Г.Б. Клейнера в пользу смешанной экономики как имманентной для российской экономики. По его мнению, на российском пространстве во все времена существовали, существуют и будут существовать самые разнообразные уклады, в том числе и «номерные», если их располагать по исторической или технологической «лесенке», со своей особой системой отношений [17, с. 7–10].

ЧТО ИЗ ЭТОГО СЛЕДУЕТ?

Во-первых, необходимо всем миром развивать и совершенствовать многообразие культур, традиций и социально-экономических укладов, превращая их в основу развития и благосостояния. Представители каждого уклада счастливы и удовлетворены условиями труда и жизни в соответствии с традициями «своего уклада». Это подтверждают и результаты социологических опросов народов: например, примерно 90% ханты, манси, ненцев и других народностей предпочитают традиционные условия своей жизни и деятельности.

Во-вторых, российское руководство и российское общество в целом призвано уделять особое внимание сохранению и естественному развитию разнообразных укладов и образов жизни. В России всегда была и есть надежда, что сохранится смешанная экономика. Большие проблемы и беды начинаются в России при появлении людей, которые утверждают, что на месте «смешанной экономики» они готовы в короткие сроки создать новую, хорошую, эффективную и сверхсовременную, — «как у них» экономику. Надо признать раз и навсегда, вплоть до

включения в Конституцию РФ, что смешанная экономика, основанная на многообразии укладов и форм хозяйствования, была и остается имманентной характеристикой нашего многонационального, многообразного и разбросанного на огромном пространстве общества.

В-третьих, соотношение «рыночных» и «социалистических» регуляторов и институтов в каждой национальной модели смешанной экономики может и должно быть разным, в зависимости от политических, исторических, национальных и культурных особенностей. При разности культур, вероисповедания, политических структур и образов жизни населения, к примеру, в Беларуси и Казахстане функционируют смешанные планово-рыночные системы хозяйствования как основа их более устойчивого развития. Но в Беларуси преобладают планово-регулирующие формы воздействия государства на социально-экономическое развитие, тогда как в Казахстане, наоборот, рыночные и частно-капиталистические уклады. Но в обеих национальных социально-экономических системах поддерживается баланс двух несхожих и во многом противоположных, но взаимодополняющих государственных и рыночных регуляторов.

В-четвертых, с точки зрения объектов регулирующего воздействия плановых и рыночных регуляторов международная практика стран со смешанной экономикой дает основание утверждать: прогнозно-плановые государственные регуляторы наиболее эффективны и результативны при регулировании социальных и макроэкономических процессов, реализации общественно значимых (социальных, экологических, инновационных) проектов и программ, требующих мобилизации средств и ресурсов, инициативы и предприимчивости, профессионализма и общественной активности всего населения.

В-пятых, предложенное разграничение сфер регулирующего воздействия плановых и рыночных механизмов во многом условно, ибо модель смешанной экономики основана не на противопоставлении, а на объединении плановых и рыночных регуляторов и их взаимодействии для достижения большего эффекта и результативности. Планирование модернизационных обновлений приоритетных для страны сфер не

⁷ ЕГЭ на Урале: без права на ошибку // Аргументы и факты». 2014. 26 мая. URL: <http://www.aif.ru/dosug/article/67927> (дата обращения: 18.09.2014).

может быть результативным без активного использования рыночных институтов, механизмов мотивации и внутрифирменного контроля. Институт государственно-частного партнерства, как и некоторые другие институты (социальной ответственности бизнеса, трехсторонние комиссии и др.), зародился и развивается, на наш взгляд, исключительно как *институциональная основа* формирования смешанной (конвергируемой) модели социально-экономического и всего общественного развития.

Возрастающие потребности регионов и муниципалитетов к системному и устойчивому развитию при нарастающем дефиците их бюджетной обеспеченности побуждают активнее привлекать средства населения и бизнеса для обустройства и развития территорий. Для этого отдельные муниципалитеты, в основном в городах-миллионниках, начали внедрять институт программно-проектного развития территории, органично соединяя в одном документе — Стратегическом плане — прогнозные параметры развития с рыночными потребностями и возможностями городского предпринимательского сообщества и предпринимателей из сопредельных территориальных образований. Результаты их работы позволяют утверждать, что смешанная модель экономики дает возможность использовать в интересах развития преимущества рыночной и плановой систем [18, с. 19–25]. Было бы понимание, бескорыстие, политическая воля. И все получится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2009. 960 с.
2. Макаров В.Л. К вопросу о проектной экономике // Экономические науки современной России. 2013. № 3. С. 8–14.
3. Бочарова А.К. Развитие института оценки эффективности государственного управления // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 9. С. 69–75.
4. Татаркин А.И. Государственно-правовое регулирование в России. Как его оценивать? // Экономика и управление. 2013. № 9. С. 3–10.
5. Кириллова Н. Адам Смит и «невидимая рука» // Человек и труд. 2013. № 11–12. С. 13–18.
6. Марголин А., Бучнев О. Правотворческая деятельность: оценка регулирующего воздействия // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 1. С. 24–28.
7. Тодосийчук А. Наука как объект государственного регулирования // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 1. С. 8–17.
8. Зутлер И.А. Оптимальность выбора марковским блужданием // Журнал новой экономической ассоциации. 2013. № 4. С. 33–51.
9. Эйсен Н., Горбунов В. Политэкономические аспекты реализации функций управления системой «наука — производство — потребление» // Общество и экономика. 2013. № 11–12. С. 67–84.
10. Дасковский В.Б., Киселев В.Б. Контуры новой модели развития экономики России. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. 592 с.
11. Маршалл А. Основы экономической науки / предисл. Дж.М. Кейнса; пер. с англ. В.И. Бомкина, В.Т. Рысина. Р.И. Столпера. М.: Эксмо, 2008. 832 с.
12. Гэлбрейт Джеймс К. Третий кризис в экономической науке // Мир перемен. 2013. № 1. С. 24–28.
13. Фомченков Т. Соберут у одного окна. Все налоги для малого бизнеса могут заменить одним платежом. // Российская газета. 2014. 28 января. URL: http://www.podatinet.net/index2.php?id=34824&Itemid=34&option=com_content&page=0&pop=1&task=view (дата обращения: 19.08.2014).
14. Титов Д. Бизнес и граждан приглашают контролировать госрасходы // Экономика и жизнь. 2014. № 5. С. 1–2.
15. Ольсевич Ю.Я. Экономическая наука и политика перед фундаментальной неопределенностью рынка // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 92–95.
16. Басковский В., Киселев В. Об управлении экономическим ростом и развитием // Инвестиции в России. 2014. № 2. С. 3–14.
17. Клейнер Г.Б. Экономические задачи не решить без участия государства //

Экономика. Налоги. Право. 2013. № 2. С. 7–10.

18. *Татаркин А.И., Некрасов А.А.* Теоретико-методологические подходы к оценке стратегий городов-миллионников: роль местного сообщества // *Управленец*. 2014. № 1. С. 19–25.

REFERENCES

1. *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Translated from English; the Foreword by *V.A. Afanasiev*. M.: EKSMO, 2009, 960 p.
2. *Makarov V.L.* К вопросу о проектной экономике [On the issue of project economics]. *Экономические науки современной России — Economics of Contemporary Russia*, 2013, no. 3, pp. 8–14. (In Russ.)
3. *Bocharova A.K.* Razvitie instituta otsenki effektivnosti gosudarstvennogo upravleniia [Development of the institution for evaluating the government efficiency]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia — World Economy and International Relations*, 2013, no. 9, pp. 69–75. (In Russ.)
4. *Tatarkin A.I.* Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie v Rossii. Kak ego otsenivat'? [State and legal regulation in Russia. How to assess it?]. *Экономика и управление — Economics and Management*, 2013, no. 9, pp. 3–10. (In Russ.)
5. *Kirillova N.* Adam Smit i «nevidimaia ruka» [Adam Smith and the «invisible hand»]. *Chelovek i trud — Man and labor*, 2013, no. 11–12, pp.13–18. (In Russ.)
6. *Margolin A., Buchnev O.* Pravotvorcheskaia deiatel'nost': otsenka reguliruiushchego vozdeistviia [Legislative activities: assessment of the regulatory impact]. *Problemy teorii i praktiki upravleniia — Problems of the theory and practice of management*, 2014, no. 1, pp. 24–28. (In Russ.)
7. *Todosiichuk A.* Nauka kak ob'ekt gosudarstvennogo regulirovaniia [Science as an object of state regulation]. *Problemy teorii i praktiki upravleniia — Problems of the theory and practice of management*, 2014, no. 1, pp. 8–17. (In Russ.)
8. *Zutler I.A.* Optimal'nost' vybora markovskim bluzhdeniem [The optimal choice by using Markov random walk]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii — Journal of the New Economic Association*, 2013, no. 4, pp. 33–51.
9. *Eisen N., Gorbunov V.* Politekonomicheskie aspekty realizatsii funktsii upravleniia sistemoi nauka — proizvodstvo — potreblenie» [Political economy aspects in the «science — production — consumption» system management]. *Obshchestvo i ekonomika — Society and Economy*, 2013, no. 11–12, pp. 67–84. (In Russ.)
10. *Daskovskii V.B., Kiselev V.B.* Kontury novoi modeli razvitiia ekonomiki Rossii [Outline of a new model of the Russian economic development]. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiia Publishers», 2013, 592 p. (In Russ.)
11. *Marshall A.* Principles of Economics / foreword by J.M. Keynes; translated from English by *V.I. Bomkina, V.T. Rysina, R.I. Stolper*. M.: Eksmo, 2008, 832 p.
12. *Galbraith J.K.* The Third Crisis in Economics. *Mir Peremen — World of Change*, 2013, no. 1, pp. 24–28.
13. *Fomchenkov T.* Soberut u odnogo okna. Vse nalogi dlia malogo biznesa mogut zamenit' odnim platezhom [Gathered in a single window. All taxes for small businesses to be replaced with one payment]. *Rossiiskaia gazeta — The Russian Newspaper*, 2014, 28 January. URL: http://www.podatinet.net/index2.php?id=34824&Itemid=34&option=com_content&page=0&pop=1&task=view (access as of 19.08.2014).
14. *D.* Biznes i grazhdan priglashaiut kontrolirovat' gosraskhody // *Экономика и жизнь*. 2014, no 5. pp. 1–2.
15. *Ol'sevich Iu.Ia.* Ekonomicheskaiia nauka i politika pered fundamental'noi neopredelennost'iu rynka // *Voprosy ekonomiki*. 2013, no 6. pp. 92–95.
16. *Baskovskii V., Kiselev V.* Ob upravlenii ekonomicheskim rostom i razvitiem // *Investitsii v Rossii*. 2014, no 2, pp. 3–14.
17. *Kleiner G.B.* Ekonomicheskie zadachi ne reshit' bez uchastiia gosudarstva // *Экономика. Налоги. Право*. 2013, no 2. pp. 7–10.
18. *Tatarkin A.I., Nekrasov A.A.* Teoretiko-metodologicheskie podkhody k otsenke strategii gorodov-millionnikov: rol' mestnogo soobshchestva // *Управленец*, 2014, no 1, pp. 19–25.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 681.3

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ БИЗНЕСА

ОДИНЦОВ БОРИС ЕФИМОВИЧ

доктор экономических наук, профессор кафедры «Информационные технологии», Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: odintsov45@list.ru

РОМАНОВ АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Финансового университета, Москва, Россия

E-mail: aromanov@fa.ru

АННОТАЦИЯ

Современный уровень развития информационных технологий позволяет управлять не просто бизнесом, но и его эффективностью с помощью систем *Business Performance Management* (BPM-систем). Управление эффективностью – это новый взгляд, базирующийся на эволюции известных принципов и законов управления предприятиями, что, в свою очередь, потребовало создания под него новых средств информационной поддержки, аккумулирующих в себе новейшие достижения информатики.

Однако их реальное создание сталкивается с проблемами синтеза теорий целевого управления и сбалансированной системы данных, важнейшими среди которых можно назвать следующие: поиск и расчет показателя, измеряющего управляемую эффективность; превращение сетевых структур, отображающих целевые причинно-следственные связи, в иерархические; обеспечение мягкого замещения одних ресурсов другими в процессе управления эффективностью; необходимость использования многоаргументных функций в расчетах, предназначенных для поиска целевых предписаний, а также необходимость решения задач поиска ограничений на динамику и пути достижения целей. В качестве платформы для их решения предлагается использовать теорию обратных вычислений, обеспечивающую трансформацию требований стратегического управления в управляющие предписания (целевые бюджетные или плановые показатели).

Причины появления перечисленных проблем, их семантика и особенности анализируются здесь с точки зрения практического создания BPM-систем. Особое внимание при этом уделяется вопросам обработки показателей, измеряемых в различных шкалах, и превращения сетевых структур, отражающих причинно-следственные связи между целями предприятия, в древовидные.

Обсуждаются следующие функции BPM-систем: моделирование и разработка системы сбалансированных показателей и стратегической карты функционирования предприятия; прогнозирование стратегических индикаторов деятельности предприятия и ключевых показателей эффективности, корректировка их целей и расчет плановых значений; мониторинг деятельности предприятия и финансово-экономический анализ состояния предприятия.

Ключевые слова: BPM-система; информационная система; управление предприятием; стратегические цели; ключевые показатели эффективности; проблемы; целевое управление; система сбалансированных показателей; обратные вычисления.

HOW TO CREATE BUSINESS PERFORMANCE MANAGEMENT (BPM) SYSTEM

BORIS YE. ODINTSOV

ScD (Economics), Professor, the Information Technology Chair, the Financial University, Moscow, Russia

E-mail: odintsov45@list.ru

ANATOLY N. ROMANOV

ScD (Economics), Professor, Honored Worker of Science, Research Manager, the Financial University, Moscow, Russia

E-mail: aromanov@fa.ru

ABSTRACT

The modern information technology makes it possible not only to run business but to optimize business performance management with Business Performance Management Systems (BPM-systems). The performance management is a new approach based on the evolution of the well-known principles and laws of business management. It requires to create the advanced means of information support. To build such systems it is necessary to synthesize the theory of targeted management and balanced scorecard. However, in practice, the creation of new systems faces several problems; the most important of them can be summarized as follows: search and calculation of the index which measures the manageable efficiency; transformation of network structures that reflect target causal relationships into hierarchical ones; providing soft replacement of resources in the process of performance management; the need to use multiple-argument functions in calculations designed to find the target requirements; the need to solve problems on limitations of dynamics and ways to achieve goals.

The theory of back calculations providing transformation of strategic management requirements into the control requirements (target budget or target indicators) may be used as a platform to solve the above mentioned problems. The reasons of occurrence of these problems as well as their semantics and features are analyzed in terms of practical creation of BPM-systems. Particular attention is paid to processing of indicators measured in different scales and the transformation of network structures that reflect the causal relationships between the objectives of the enterprise into treelike ones.

The paper discusses the following functions BPM-systems: modeling and development of the balanced scorecard and strategy map of company's operation; forecasting strategic indicators of the company and key performance indicators; adjusting the company's goals and calculation of the planned values; monitoring the activities of company and performing financial and economic analysis of the company's operation.

Keywords: BPM-system; information system; business administration; strategic objectives; key performance indicators; problem; target management; balanced scorecard; back calculations.

1. АКТУАЛЬНОСТЬ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ПОДДЕРЖКИ ПРОЦЕССОВ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ БИЗНЕСА

Нерешенные проблемы менеджмента стимулируют генерацию новых идей, оформляемых в соответствующие концепции принятия управленческих решений, ориентированных на современные информационные технологии. Несомненно, одной из таких идей, представленной в работе [1], является управление эффективностью бизнеса — *Business Performance Management (BPM)*.

На нынешнем этапе развития науки управления появление *BPM*-систем явление столь

значительное, что сравнить его пока что не с чем, так как управление эффективностью в условиях рынка есть ни что иное, как стремление к повышению рентабельности предприятий с учетом фундаментальных требований экономических **законов (зависимость между ценой, спросом и предложением, убывающей доходности, возрастания дополнительных затрат и т.д.) и вытекающих из них законов управления:** закон обеспечения необходимого разнообразия систем управления, закон единства и соподчиненности критериев эффективности, используемых в процессе управления, **и др.**

BPM-системы, вобрав в себя все лучшее, что известно в области информационных технологий, по праву находятся на вершине

достижений в сфере управления предприятием. На наш взгляд, их положение не изменится даже при появлении абсолютно новых идей, выходящих за рамки известной нам парадигмы экономики. Как представляется, эффективность бизнеса и экономики в целом будет учитываться лишь как часть спектра эффективности развития общества.

Значительность *ВРМ*-систем обуславливается тем, что все новые идеи в сфере информационных технологий в ближайшей перспективе останутся под куполом *ВРМ*-системы, подчиняясь и обслуживая ее. Бурное развитие и внедрение интеллектуальных технологий всех классов и типов, средств анализа и прогнозирования, ориентированных на бизнес, обречено подчиняться законам стоимости, а так как эффективность всегда будет в центре внимания как экономики, так и менеджмента, по значимости *ВРМ*-системы будут выше всех иных систем. Поэтому цель их создания — обеспечение трансформации конечного результата бизнеса в стратегию, обеспечивающую необходимую эффективность. Для того чтобы эти системы могли оправдать возлагаемые на них надежды, они должны обеспечить связь целей бизнеса и стратегии управления с разделами бюджетирования (планирования).

Удовлетворение данного условия ставит *ВРМ*-системы выше всех других программных продуктов управления предприятием. Даже сетевая экономика, в части управления ею на базе информационных технологий, также обречена на подчинение *ВРМ*-системам, так как и она вынуждена подчиняться фундаментальным законам экономики.

Приведем некоторые определения. В работе [3] управление эффективностью бизнеса определяется как совокупность интегрированных циклических процессов управления и анализа, а также соответствующих технологий, имеющих отношение как к финансовой, так и к операционной деятельности организации. В работе [2, с. 22] содержание понятия *ВРМ*-систем разъясняется следующим образом: «В целом *ВРМ* можно интерпретировать как процесс установления соответствия целей и задач бизнеса со средствами выработки управляющих воздействий». Как видим, к сожалению, в них не упоминается одно из ключевых

предназначений *ВРМ*-систем: управление эффективностью бизнеса.

Но это не главное. Практика показала, что в процессе создания *ВРМ*-систем трудности возникают как с обеспечением «соответствия целей и задач бизнеса», так и с определением средств «выработки управляющих воздействий». Поэтому в качестве основной задачи настоящей статьи является рассмотрение причин возникновения этих трудностей и изложение возможных путей их преодоления.

Очевидно, что подобного рода системы настолько сложны, что не многие фирмы, в том числе и зарубежные, могут позволить себе их создание. Но даже и они, к удивлению, до сих пор не могут в полной мере объединить в одно целое стратегию и тактику предприятия для системного, методичного и ежемесячного составления бюджетов предприятий. Причины столь странного положения дел лежат на поверхности — это отсутствие ясного понимания того, что без серьезной математической платформы, на которой должно строиться подобное управление, невозможно отразить стратегию предприятия в его бюджете. Именно поэтому «выработка управляющих воздействий», преимущественно в практике, рассматривается не как результат систематизированной и непрерывной последовательной работы, организованной на базе информационных технологий, а как процесс неформализованной деятельности менеджера, носящей точечный характер, т.е. воздействия «по факту».

Анализ эффективности распространенных в нашей стране информационных технологий порождает ряд вопросов, и прежде всего следующие.

1. Почему информационные технологии, которые ориентированы на поддержку управления эффективностью бизнеса, в большинстве своем непосредственно эффективностью не управляют?

2. Если в компьютерной поддержке учета и анализа экономических данных имеются впечатляющие успехи [созданы первоклассные инструменты класса *IC* и *BI (business intelligence)*], с помощью которых можно выявить причины, повлекшие то или иное состояние предприятия, то почему в поддержке реализации других функций управления, например, формирования

Рис. 1. Демонстрация отсутствия алгоритмической связи между стратегической картой предприятия и его системой бюджетирования

управленческих воздействий на основе имеющихся тактических, оперативных и других плановых параметров, результаты такого же качества отсутствуют?

3. Почему, следуя сложившейся в управлении традиции выявления отклонений от заданных параметров и выработки управляющих воздействий существующими информационными системами, реализуется, как правило, только первая ее часть? Вторая часть до сих пор остается в плену разработки необходимых математических моделей, большинство из которых пока базируется на математической статистике и теории вероятностей.

Практика управления, к сожалению, показывает, что экономико-математические модели, которые сегодня часто используются, не в полной мере ориентированы на реализацию плановых целевых установок (показателей), вытекающих из требований единой для всех структурных подразделений предприятия стратегической цели.

Это главный недостаток известных систем, ориентированных на информационную поддержку управления. Доказательство — на

рис. 1, где показано, что оба инструмента, используемых для управления (фрагмент стратегической карты, демонстрирующей причинно-следственные связи целей всех уровней управления, и система бюджетирования предприятия) существуют в разных семантических пространствах. Между ними нет прямой связи, так как у этих инструментов даже терминология различна.

Отсюда, например, на вопрос: «Каким образом такая стратегическая цель, как «повысить к концу календарного года конкурентоспособность товара А на 10%» ответ отсутствует, ибо нет алгоритмической связи между целью и расчетами в системе бюджетирования. Ни в одном из бюджетов (продаж, производства, затрат, закупок и т.д.), не фигурирует уровень конкурентоспособности. Пока эта аномалия не будет ликвидирована, идея управления эффективностью бизнеса останется лишь хвалебной мантрой, распеваемой хором заинтересованных авторов, демонстрирующих экзерсисы в различных печатных изданиях. Описываемые системы, созданные якобы для управления эффективностью

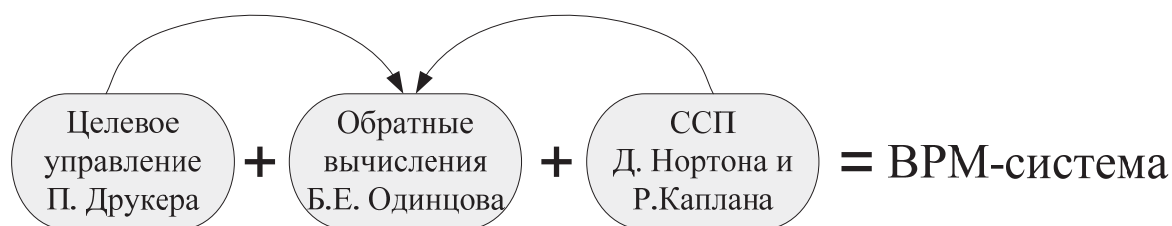

Рис. 2. Схема объединения трех теорий для получения VRM-системы

бизнеса, будут и далее оставаться тем, чем они являются сегодня.

Следует вывод, что эффективная система управления должна быть призвана на основе стратегической цели, развернутой в стратегической карте, формировать для различных разделов бюджета предприятия оперативные (ежемесячные) целевые показатели. Именно такой поход к управлению будет системным, так как он базируется на установлении алгоритмической связи между стратегическими целями и конкретными разделами бюджета предприятия, согласно которому функционируют его структурные подразделения.

Решение данной проблемы опирается на идеи П. Друкера [4], разработавшего основы целевого управления, и созданную Д. Нортон и Р. Капланом [5] эффективную теорию системы сбалансированных показателей (ССП), в основе использования которой лежит фундаментальное требование, заключающееся в следующем: необходимо обеспечить *трансформацию стратегических целей на все уровни управления*. Именно эти разработки были положены в основу теории обратных вычислений [7], ориентированной на поддержку теории СПП в части ее практической реализации. В связи с тем что до сих пор каждая из этих теорий существует сама по себе, в статье сделана попытка разработать подход к созданию системы, построенной на базе объединения перечисленных выше идей и теорий, с целью получения системного эффекта (эффекта эмерджентности), являющегося в значительной мере VRM-системой (рис. 2).

Осуществление представленной на рис. 2 интеграции базируется на использовании основ трех областей знаний: теории целевого управления, теории СПП и теории обратных вычислений. При этом связующим звеном и основой такой интеграции служит теория обратных вычислений.

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ НА ПУТИ СОЗДАНИЯ VRM-СИСТЕМ

Сегодня ни целевое управление, ни СПП не имеют под собой строгой математической базы, обеспечивающей процесс непосредственного внедрения заданной стратегии предприятия в практику управления. Решение данной проблемы должно ориентироваться на синтез трех названных теорий. Однако здесь несколько проблем не столько научного, сколько технологического (проектного) характера. Перечислим их и сформулируем направления реализации.

2. ПОИСК И РАСЧЕТ ПОКАЗАТЕЛЯ, ИЗМЕРЯЮЩЕГО УПРАВЛЯЕМУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Речь идет об управлении эффективностью, поэтому в соответствии с требованием П. Друкера ее необходимо измерять. В связи с этим следует ответить на следующие вопросы:

- какой из ряда ключевых показателей эффективности предприятия должен играть роль главного (интегрированного);
- если показатель выбран, то каким образом его можно рассчитать.

Очевидно, в роли интегрированного показателя должен выступать тот, который отражает уровень в достижении стратегической цели. Эффективность сама по себе не имеет смысла, смысл появляется лишь в сочетании с целью. Цель всегда первична по отношению к любым характеристикам предприятия.

При этом наличие цели и интегрированного (главного) показателя еще не означает возможности его расчета таким образом, чтобы впоследствии можно было получить управляющие предписания. Одним из способов осуществления такого расчета является дерево целей. Но даже если построено дерево целей, это вовсе не гарантирует возможности расчета интегрированного показателя, так как современная

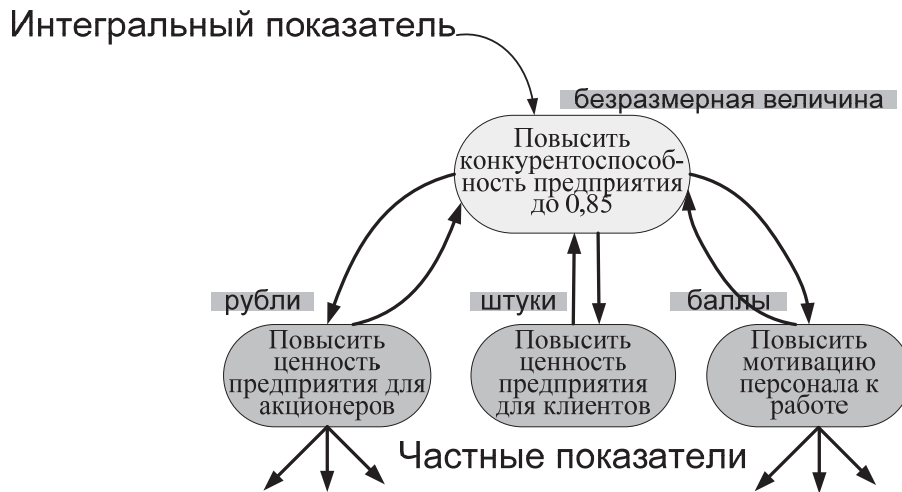

Рис. 3. Фрагмент схемы обратного шкалирования

теория управления эффективностью бизнеса настоятельно требует всестороннего описания моделируемого объекта (предприятия). Например, ССП Нортон и Каплана ориентирует на четырехстороннее описание предприятия: финансы, клиенты, внутренние процессы и развитие. Однако можно описать предприятие еще с нескольких сторон. В результате получится сеть из множества показателей, измеряемых как в разных шкалах, так и единицах. Большинство формируемых показателей, составляющих узлы сети, должно обрабатываться совместно, что и составляет проблему. И чем больше показателей, тем она стоит острее.

Как преодолеть трудности, возникающие в процессе совместной обработки показателей, измеряемых не только в различных единицах, но и различных шкалах, которые, как известно, делятся на метрические (интервальная, отношений) и неметрические (номинативная, порядковая)? Для их совместной обработки современная наука предлагает процедуру шкалирования, под которой понимается приведение всех показателей объекта управления к одному обобщенному безразмерному показателю. Известны разные методы шкалирования, простейшим из которых является взвешенная свертка множества показателей в единый интегральный показатель. Для этого используется процедура нормирования, т.е. монотонное преобразование шкал измерения показателей. В таком случае наиболее часто используют преобразования, переводящие частные показатели в интервал 0,1.

При этом проблема, требующая своего теоретического осмысления и практического

решения, заключается в разработке основ обратного шкалирования, так как в менеджменте бюджетные (плановые) показатели рассчитываются на основе обратных вычислений. Для того чтобы это объяснить, обратимся к примеру, в котором фигурирует цель: «Повысить конкурентоспособность с 0,80 до 0,85» (рис. 3). Именно значение 0,85 нового интегрированного безразмерного показателя должно трансформироваться в целевые частные показатели, предназначенные для разработки финансового и операционных планов отделом бюджетирования.

Для того чтобы такую трансформацию обеспечить, после этапа свертки отдельных показателей в интегрированный, а в данном случае таковым выступает «уровень конкурентоспособности», равный 0,85, необходима процедура их обратной развертки. Это требуется потому, что планы выдаются не в безразмерных единицах, а в рублях, тоннах, штуках, баллах и т.д. Осуществить это можно, когда будет ясно, как выбраться из безразмерной шкалы в первоначальные шкалы.

Возникает ключевой вопрос: можно ли получить обратно из вновь установленного интегрированного показателя новые значения частных показателей? Хочется вспомнить В. Леонтьева, лауреата Нобелевской премии в области математических методов в экономике, который утверждал, что *можно получить яичницу из яиц, но невозможно получить обратно яйца из яичницы* [6]. Это предостережение сильно смущает исследователей. Тем не менее оказывается, что выход есть, и он заключается в создании

Рис. 4. Пример применения прямого и обратного шкалирования

обратного шкального преобразователя для каждого элемента отдельно взятого интегрированного показателя. Попробуем объяснить это следующим образом. Большинство известных нам прямых зависимостей, например зависимость рентабельности от величины прибыли и оборотных средств, фондоемкости от среднегодовой стоимости основных производственных фондов и объема выпущенной продукции и т.д., носят констатирующий характер. Они направлены в прошлое. Рассматривая эти зависимости, невозможно увидеть то, что объективно сопровождает управленческую деятельность человека — т.е. цель, в соответствии с которой он действует. Но в силу своей природы человек после изучения «того, как есть» затем непременно инициирует процесс перехода к тому «как нужно». Людям не свойственна лишь пассивная констатация фактов или событий, в большинстве случаев им требуется воздействовать на эти события в соответствии со своими целями (потребностями). Для осуществления этого вводятся цель, требования которой реализуются с помощью обратных вычислений [8].

При этом, с одной стороны, имеется множество частных показателей, которые можно нормировать и свернуть в единый интегрированный показатель, а с другой стороны, после управленческой корректировки интегрального показателя возникает потребность в выполнении обратной процедуры — его

разворачивания для получения новых значений показателей, которые должны характеризовать достижение частных целей. При этом частные показатели должны пересчитываться обратно в свои шкалы и единицы измерения. Представить последовательность вычислений можно с помощью схемы на рис. 4.

В прямом шкалировании рубли, штуки и баллы превращаются в безразмерные величины, которые затем сворачиваются в интегрированный показатель I . Далее для каждого из элементов показателя I на основе его, заданного менеджером прироста, вначале рассчитывается прирост безразмерных величин показателей $\Delta P_1, \Delta P_2, \Delta P_3$. Потом безразмерные величины с помощью обратного шкалирования переводятся обратно в рубли, штуки и баллы. Именно здесь требуются исследования адекватности полученных результатов.

Для реализации данной схемы должны быть созданы прямые и обратные шкальные преобразователи. Общая схема преобразования показателей демонстрируется на рис. 5. На ней с помощью обозначений C, A и B показаны три вершины дерева целей:

- 1) C — главная цель, характеризуемая показателем C ;
- 2) частная цель A , характеризуемая показателем $A1$;
- 3) частная цель B , характеризуемая показателем $B1$.

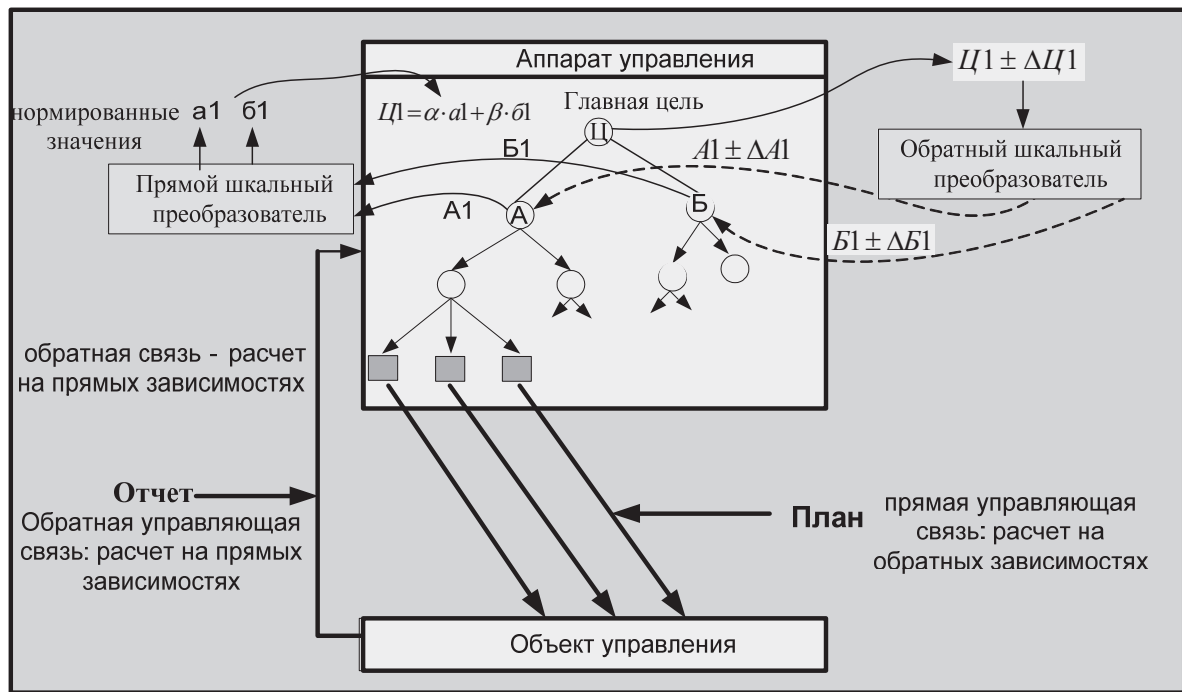

Рис. 5. Схема информационных потоков при прямом и обратном шкальном преобразовании

Эти показатели направляются в прямой шкальный преобразователь, откуда выходят нормированными ($a1$, $b1$) и подготовленными для расчета интегрированного показателя по формуле: $Ц1 = \alpha \cdot a1 + \beta \cdot b1$. Полученное значение интегрированного показателя корректируется менеджером. В результате оно становится равным $Ц1 \pm \Delta Ц1$. Далее оно направляется в обратный шкальный преобразователь с целью получения новых значений показателей А и Б, которые будут равны: $A1 \pm \Delta A1$ и $B1 \pm \Delta B1$.

3. ПРЕВРАЩЕНИЕ СЕТЕВЫХ СТРУКТУР, ОТОБРАЖАЮЩИХ ЦЕЛЕВЫЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ, В ИЕРАРХИЧЕСКИЕ

Как правило, всестороннее описание целей предприятия выливается в сетевые структуры, которые по причине невозможности их эффективной обработки должны быть превращены в древовидные. Алгоритмы преобразования сетей в дерево типа «И/ИЛИ» существуют уже давно, однако их реальное применение требует дополнительных усилий.

Обратимся к рис. 6, на котором приведен фрагмент дерева целей в форме стратегической карты, отражающей исходную сетевую структуру. Она является сетевой по той причине, что цель К зависит сразу от трех «отцов»

(Е, П, Р), цель Е — от двух (Г, В) и цель Л — от двух (Т, Ж). Особенность таких структур заключается в исключительной сложности их обработки. На практике это означает, что не всегда представляется возможным установить алгоритмическую связь между показателями, характеризующими цели, что затрудняет распространение управляющих требований стратегического индикатора выбранной цели на все уровни иерархии.

Появление сетевой структуры является отражением реальной сложности объекта описания (в данном случае предприятия). Кроме того, как правило, в сеть входят как количественные, так и качественные показатели, измеряемые в различных шкалах. Все это существенно усугубляет положение. Для реальной обработки сети ее необходимо упростить за счет деления на части, как показано на рис. 7.

Первая часть состоит из количественных показателей, составляющих содержание стратегической карты с древовидной структурой для количественных показателей. Она позволяет на основе обратных вычислений трансформировать заданный менеджером текущий прирост стратегической цели в требования подцелей на все уровни иерархии управления.

Вторая часть состоит из качественных нечетких показателей, составляющих содержание

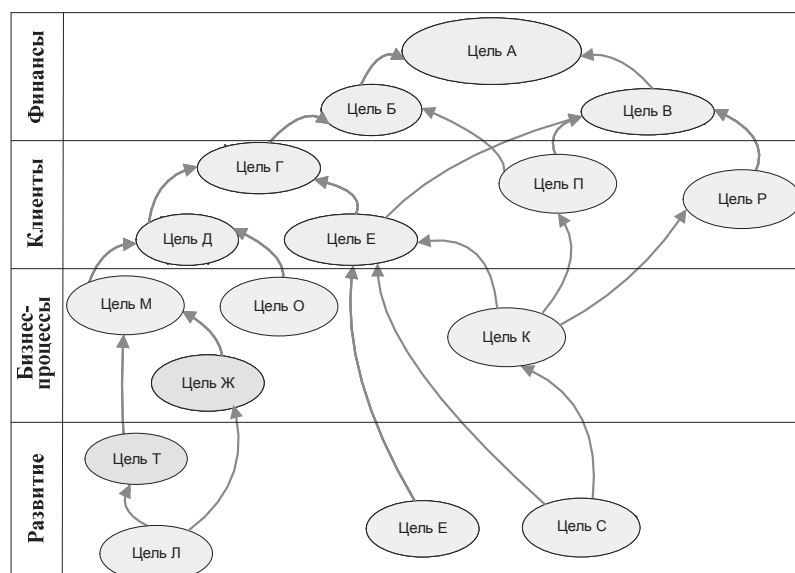

Рис. 6. Фрагмент дерева целей предприятия

стратегической карты с древовидной структурой для качественных показателей. Если имеются цели, которые не могут быть сформированы четкими установками, то следует прибегать к применению нечетких понятий (высокая прибыль, низкая выручка, высокие затраты и т.д.). На рис. 8, где приведен пример иерархически связанных нечетких правил, использованы следующие обозначения:

K — коэффициент кредитоспособности;

RSS — рентабельность собственных средств (коэффициент);

KTL — коэффициент текущей ликвидности;

P — объем прибыли;

SS — объем собственных средств;

OS — объем оборотных средств;

KSO — объем краткосрочных обязательств.

Для расчетов управляющих предписаний, предназначенных для достижения стратегической цели, известные правила решения нечетких задач (нечеткие выводы) дополняются специализированными этапами, детально рассмотренными нами в [9].

По аналогии с поиском приростов четких показателей корректирующие приросты нечетких показателей также необходимо рассчитывать в прямой или обратной зависимости от приоритетов целей. Аналогия требует составления системы уравнений (по одному на каждый корректировочный прирост).

Здесь следует обратить внимание на некоторые обстоятельства. *Снижение уровня принадлежности нечеткого понятия к некоторому*

базовому множеству его значений свидетельствует об ухудшении качества принимаемого решения, а повышение — об его улучшении. Поэтому изменение знака или изменение природы функции принадлежности, возникающего в результате поиска решений, должно анализироваться и в случае его снижения соответствующим образом корректироваться. Цель корректировки заключается если не в полном нивелировании снижения данного уровня, то, по крайней мере, его сокращении.

Третья часть содержит оставшиеся показатели, иерархическая структуризация которых невозможна. Они должны обрабатываться так, как это предлагается в обычных системах, — без алгоритмической связи с оставшимися показателями, а значит, и без всякой возможности алгоритмической трансформации требований стратегических целей на нижележащие уровни управления. Как правило, таковых может быть немного.

Деление всех целей (показателей) на три части вынуждает ввести объединяющий их единый интегрированный стратегический показатель, о котором речь шла выше. На рис. 7 он представлен в форме эллипса.

4. ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЯГКОГО ЗАМЕЩЕНИЯ ОДНИХ РЕСУРСОВ ДРУГИМИ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ

Большинство решений, принимаемых в экономике, так или иначе касается ресурсов,

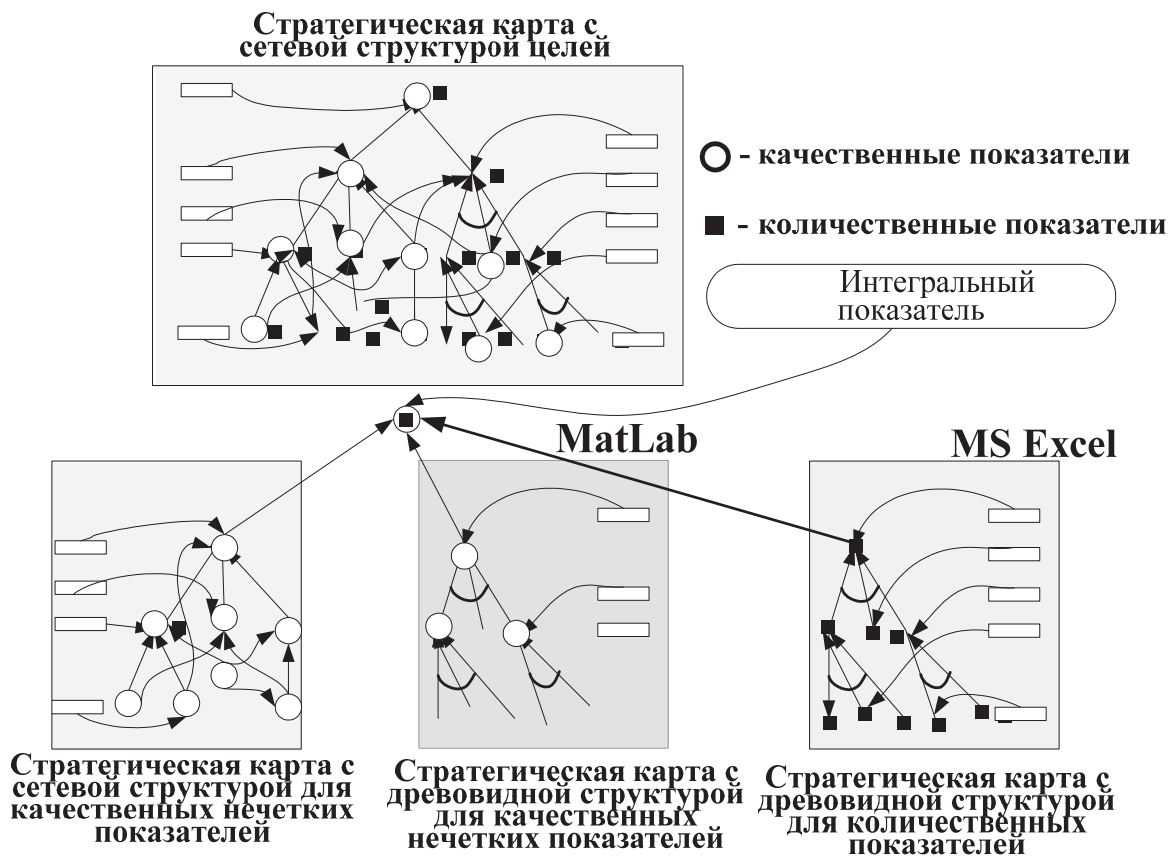

Рис. 7. Иллюстрация результатов преобразования стратегической карты сетевой структуры в карты с древовидной структурой

связанных с достижением целей управления предприятием. При этом рациональное (мягкое) заимствование ресурсов свидетельствует о высоком качестве управления, способствующем повышению конкурентоспособности предприятия.

Для описания постановки задачи заимствования ресурсов введем понятие «взаимозаменяемость ресурсов», которое несколько отличается от обычного его понимания. Например, замена одного материала вовсе не предполагает поиск иного материала. Вместо этого происходит перекалывание ответственности за достижение цели на другой ресурс, применение которого позволит ее достичь. Новое понятие будет объединять два компонента: собственно ресурсы (СР) и условные ресурсы (УР). СР включают в себя традиционные ресурсы (материальные, трудовые, финансовые, энергетические и т.д.), а УР — это абстрактные объекты, которые не могут рассматриваться в качестве ресурсов с обычной точки зрения, но с их помощью можно выполнить специальные расчеты.

К УР относятся цены, затраты, себестоимость, банковский процент и т.д. Например, если для достижения цели «увеличить выручку» не хватает материальных средств на производство нужного объема товара, то их нехватку можно возместить за счет УР, например увеличения продажной цены. Здесь для достижения цели цена наравне с материальными ресурсами также выступает в качестве таковых. Это возможно, потому что пересчет происходит по формуле, которая связывает количество и цену.

Все это позволяет ввести следующее определение: под *взаимозаменяемостью ресурсов* будет пониматься процесс вычисления эквивалентного объема одного или нескольких недостающих ресурсов различной природы.

Расширенное понимание понятия взаимозаменяемости ресурсов, в свою очередь, позволяет ввести процедуру их заимствования.

Обратимся к уже упомянутому показателю выручки, зависимой от количества изготавливаемой продукции и его продажной цены за единицу (рис. 9).

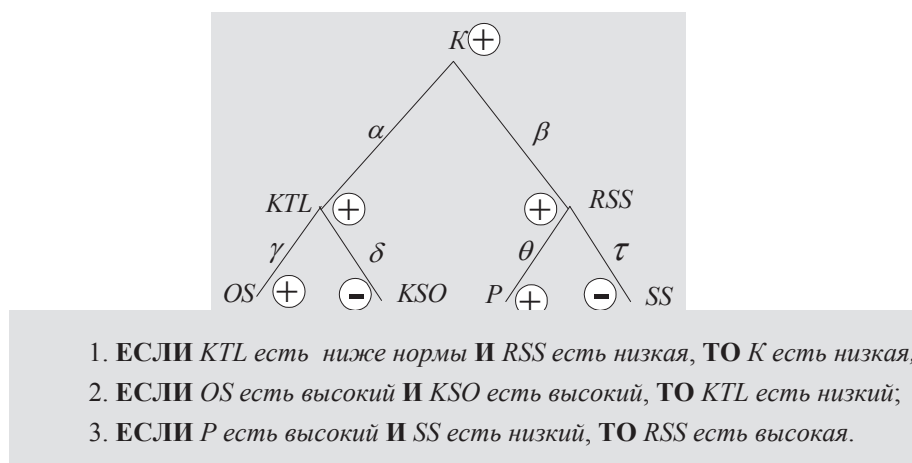

Рис. 8. Пример иерархически связанных нечетких правил

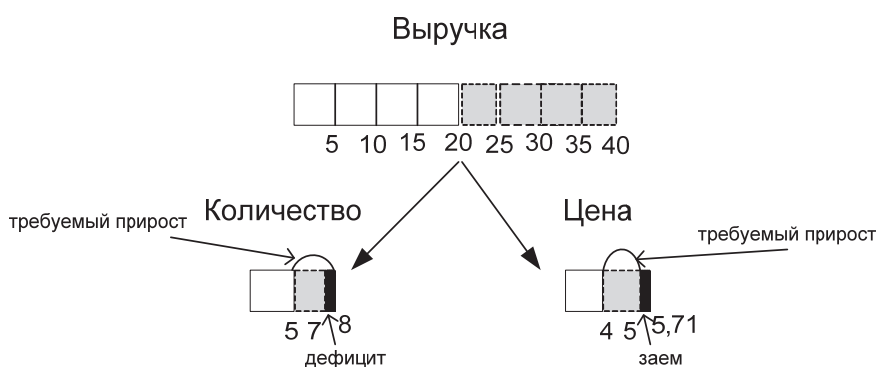

Рис. 9. Иллюстрация процедуры заимствования ресурсов

На рис. 9 представлена следующая ситуация. Известна фактическая выручка (равная 20 ед.), полученная путем умножения количества продукции, равного 5 ед., на цену, равную 4 ед. Ставится цель повысить объем выручки до 40 ед. Пусть за счет обратных вычислений получено новое требование увеличения количества до 8 ед. и повышения цены до 5 ед. Если при этом повышение количества возможно лишь до 7 ед., то, естественно, полное достижение цели можно получить за счет повышения цены на величину, примерно равную 5,71 (40/7). Здесь цена наравне с количеством продукции рассматривается в качестве ресурса, позволяющего достичь поставленной цели. Таким образом, ресурс одной природы может быть заменен на другой, той же или иной природы.

Так как заимствование изменяет приоритеты в достижении целей (изменяется нагрузка на ресурсы), оно должно отразиться на коэффициентах приоритетности. Например, пусть задана следующая целевая установка:

$$P^+ = \frac{\Pi^+(\alpha)}{C^-(\beta)}, \alpha > \beta,$$

где P^+ — рентабельность собственного капитала, которую следует увеличить; Π^+ — чистая прибыль, которую следует увеличить; C^- — величина собственного капитала, которую следует снизить.

Пусть исходные данные имеют следующие величины: $\Pi = 100$; $C = 25$; $P = 4$; $\Delta P = 1$; $\alpha = 0,6$; $\beta = 0,4$; при этом $\max(\Pi + \Delta \Pi) = 105$; ограничение на C не установлено. Рассчитаем приросты для $\Delta \Pi$ и ΔC , воспользовавшись обратными вычислениями и единым коэффициентом, который равен:

$$x = \frac{C \cdot \Delta P}{\alpha + \beta(P + \Delta P)} = 9,6.$$

Зная величину x , можно рассчитать новую величину чистой прибыли и новую величину собственного капитала:

$$\begin{aligned} \Pi + \Delta \Pi &= \Pi + \alpha x = 105,76; \\ C - \Delta C &= C - \beta x = 21,16. \end{aligned}$$

Таким образом, величина прибыли превысила порог 105. Поэтому рассчитаем новый коэффициент приоритетности α' , обеспечивающий

рост прибыли до величины 105, и коэффициент приоритетности β' , который обеспечит рост рентабельности до требуемой величины за счет величины C , исходя из следующего уравнения:

$$\Pi + \alpha' x = \max(\Pi + \Delta\Pi).$$

Формула для определения величины α' имеет следующий вид:

$$\alpha' = \frac{\max(\Pi + \Delta\Pi) - \Pi}{x} = 0,52.$$

Рассчитав величину β' , получим: $\beta' = 1 - \alpha' = 0,48$.

А теперь удостоверимся в правильности решения по повышению рентабельности:

$$\Pi + \Delta\Pi = 100 + 0,52 \cdot 9,6 = 104,992;$$

$$C - \Delta C = 25 - 0,48 \cdot 9,6 = 25 - 4,61 = 20,39;$$

$$P = \frac{104,99}{20,39} = 5,14 \approx 5.$$

Однако если в результате пересчета коэффициентов приоритетности получится, что $\alpha' < \beta'$, то задача данным методом решена не будет. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно указать прирост P равным 2. Выходом из этого положения может служить применение иного метода обратных вычислений.

5. НЕОБХОДИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНОГОАРГУМЕНТНЫХ ФУНКЦИЙ В РАСЧЕТАХ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ ПОИСКА ЦЕЛЕВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ

В экономических расчетах нередко используются функции, количество аргументов в которых более двух. В этих случаях рекомендуется применение процедуры свертки/развертки, что позволит существенно упростить процесс обратных вычислений путем применения стандартных базовых конструкций. Процедура свертки/развертки достаточно проста и основывается на введении фиктивных переменных, объединяющих блоки по два аргумента. Допустим, имеется функция с тремя аргументами:

$$y^+ = \frac{x^+(\alpha)}{z^+(\beta) + k^-(\gamma)},$$

где $\beta > \gamma$.

Заменим знаменатель следующим образом:

$$y^+ = \frac{x^+(\alpha)}{p^+(\beta + \gamma)}.$$

Знак около p указан «плюс», так как $\beta > \gamma$.

Вначале выполняется процедура свертки в соответствии со следующими правилами:

- последовательно объединять аргументы попарно в группы, обозначая полученные пары новыми идентификаторами;
- если знаки приростов полученных пар аргументов одинаковы, то общий знак прироста будет тот же, что и аргументов, в противном случае указывается знак аргумента, имеющего большую приоритетность;
- если знаки приростов полученных пар аргументов различны, но при этом приоритетность одинакова, то в качестве общего знака прироста указывается любой из них;
- коэффициент приоритетности объединенной группы равняется сумме коэффициентов приоритетности аргументов;
- определяется общий прирост, зависящий от суммы коэффициентов приоритетности группы объединенных аргументов.

После свертки функции происходит вычисление новых значений ее аргументов. Осуществление обратного процесса (развертки) реализуется по следующим правилам:

- выполняется перенормирование коэффициентов приоритетности для отдельных аргументов, объединенных в группу, по формулам:

$$\beta' = \frac{\beta}{\beta + \gamma}; \gamma' = \frac{\gamma}{\beta + \gamma};$$

- определяется прирост аргументов, объединенных в группу.

Рассмотрим пример:

$$P^+ = \frac{\Pi^+(\alpha)}{\Phi^+(\beta) + O^-(\gamma)} D^-(\beta + \gamma) = \Phi^+(\beta) + O^-(\gamma);$$

$$\Pi + \Delta\Pi = k_1 \Pi; D^- - \Delta D = \frac{D}{k_2};$$

$$k_1 = \frac{\alpha + (\beta + \gamma)P}{(\beta + \gamma)P + \frac{\alpha P}{P + \Delta P}}; k_2 = \frac{P + \Delta P}{k_1 P}.$$

Иллюстрацией приведенных правил может служить *рис. 10*, где представлена функция

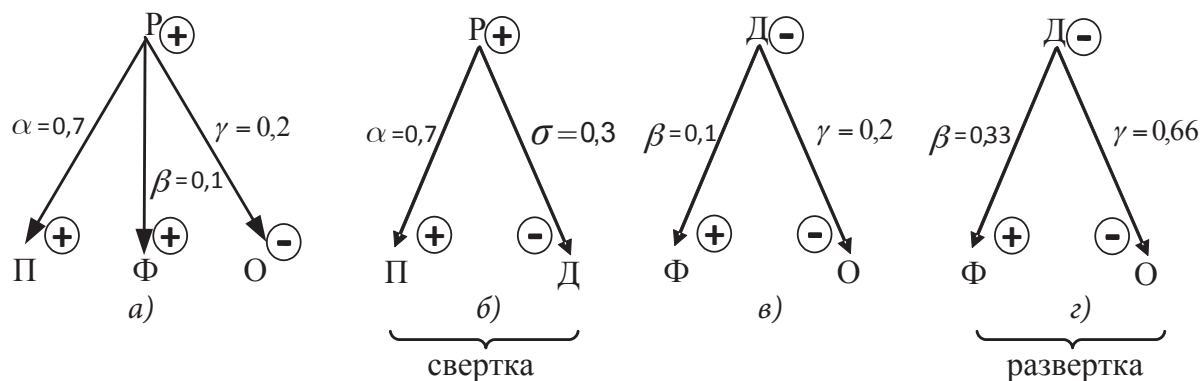

Рис. 10. Схема сведения трехаргументной функции к двум аргументам

с тремя аргументами: ее начальный исходный вид (а), затем свернутый (б), часть функции, требующей нормирования (в), и, наконец, результаты нормирования (г).

Проиллюстрируем приведенный пример на конкретных расчетах.

Расчет для Р:

если $\alpha = 0,7; \beta = 0,1; \gamma = 0,2; \Pi = 510; \Phi = 2000; O = 295, P = 0,22$ и $\Delta P = 0,1$,

то тогда $\beta + \gamma = \sigma = 0,3; D = 2295; k_1 = 1,4; k_2 = 1,04; \Pi + \Delta \Pi = 714$, а $D - \Delta D = 2206,7$.

$$\text{Проверка: } P + \Delta P = \frac{\Pi + \Delta \Pi}{D - \Delta D} \approx 0,32.$$

Расчет для Д: $D^-(\beta + \gamma) = \Phi^+(\beta) + O^-(\gamma)$ при

$$\gamma > \beta; \Phi + \Delta \Phi = k_1 \Phi; O - \Delta O = \frac{O}{k_2};$$

$$k_1 = \frac{\beta O + \gamma \Phi - \frac{\beta O}{k_2}}{\gamma \Phi}; \quad k_2 = \frac{O(\gamma - \beta)}{\gamma(D - \Delta D) - \beta O - \gamma \Phi}.$$

Если $\beta = 0,1; \gamma = 0,2, \Phi = 2000, O = 295$, то $\beta' = 0,33, \gamma' = 0,66$.

Тогда получим: $k_1 = 1,044; k_2 = 2,49; \Phi + \Delta \Phi = 2088; O - \Delta O = 120,4$.

Проверка: $D - \Delta D = 2208,4 \approx 2206,7; P + \Delta P = 0,32$.

ФУНКЦИИ ВРМ-СИСТЕМ

При успешном решении перечисленных проблем для функционирования ВРМ-системы необходима ее интеграция с различными программными инструментами, которые могут быть настроены в соответствии с индивидуальными потребностями предприятия. В отличие

от классического представления систем управления, где указываются только аппарат и объект управления, в рамках аппарата управления ВРМ-система рассматривается в качестве дополнительной структуры. Находится она между информационной системой и аппаратом управления. Поэтому обратная связь из информационной системы раздваивается на два информационных потока: один направляется в аппарат управления, второй — в ВРМ-систему. Факт нахождения ВРМ-системы в контуре не прямой, а обратной связи указывает на то, что результаты ее функционирования направляются не в информационную систему, а в аппарат управления. Это согласуется с местом, которое она занимает в архитектуре предприятия, и указывает на тот факт, что ВРМ-система играет главную роль в управлении, поэтому информационная система обслуживает именно ее, а не наоборот.

Кроме того, ВРМ-система пользуется инструментами ERP-системы (SCM, CRM, MRP и др.). Поэтому результаты ее работы и результаты функционирования уже перечисленных инструментов направляются как аппарату управления, так и в информационную систему, чего требует главная цель создания подобных систем — *распространение требований стратегической цели на все уровни управления и во все структурные подразделения*. В заключение перечислим основные функции, выполняемые ВРМ-системой в процессе своего функционирования:

- синтез целевого (деревьев целей) и сбалансированного управлений (стратегических карт сбалансированных систем показателей) на базе теории обратных вычислений;

- трансформация требований бизнеса в целевые управляющие предписания за счет корректировки оперативных целей и расчета плановых показателей эффективности в соответствии со стратегическими целями;

- прогнозирование стратегических индикаторов деятельности предприятия и ключевых показателей эффективности;

- бюджетирование, корректировка целей и расчет целевых значений ключевых показателей эффективности;

- мониторинг деятельности предприятия и его финансово-экономический анализ.

Резюмируя, можно отметить следующее: логика настоящей работы сводится к тому, что сегодня ни целевое, ни стратегическое управление, изученные в различных ракурсах и аспектах, не имеют под собой строгой формальной основы, способной ради внедрения в практику управления предприятием *ВРМ*-системы объединить революционные идеи авторов целевого управления и системы сбалансированных показателей. Вполне очевидно, что пока стратегия предприятия не примет форму бюджетных планов, она не будет являться основой для управления эффективностью бизнеса. Именно поэтому были детально проанализированы причины отставания известных информационных технологий от требований современного менеджмента. Анализ этих причин показал, что только синтез целевого управления и системы сбалансированных показателей на базе теории обратных вычислений позволит создать полезные *ВРМ*-системы.

Авторы уверены, что сегодня лишь начало эпохи *ВРМ*-систем, так как эффективность предприятия будет оставаться всегда в центре внимания как экономики, так и менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shaw A. Business Performance Management: Gaining Insight and Driving Performance. Hyperion Solutions Corp., 2003. 34 p.*
2. Системы управления эффективностью бизнеса / под ред. *Н.М. Абдикеева, О.В. Котовой*. М.: ИНФРА-М, 2010. 280 с.
3. Управление эффективностью бизнеса. Концепция Business Performance Management / под ред. *Г.В. Генса*. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 269 с.
4. *Друкер П.* Классические работы по менеджменту. М.: [The Practice of Management (1954)]. М.: Вильямс, 2003. С. 220.
5. *Каплан Р., Нортон Д.* Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-бизнес, 2003. С. 12–24.
6. *Леонтьев В.В.* Межотраслевая экономика. М.: Экономика, 1997. 479 с.
7. *Одинцов Б. Е.* Обратные вычисления в формировании экономических решений. М.: Финансы и статистика, 2004. 192 с.
8. *Одинцов Б.Е., Романов А.Н.* Интеграционный метод оптимизации управления предприятиями средствами обратных вычислений // Вестник Финансового университета. 2014. № 2 (80). С. 60–73.
9. *Одинцов Б.Е.* Целевое управление эффективностью бизнеса в нечеткой среде // Информатизация образования и науки. 2014. № 2 (22). С. 100–110.
10. Информационные ресурсы и технологии в экономике: / под ред. *Б.Е. Одинцова, А.Н. Романова*. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2013. С. 462.
11. Создание решений на основе SOA при помощи Rational SDP / *У. Уолли* [и др.]; пер. с англ. *С. Лунин*. М.: IBM Corporation, 2008. 514 с.
12. *Чистов Д.В., Мельников П.П.* Информационные технологии в финансово-экономической сфере: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научной конференции / под ред. *О.В. Голосова, Д.В. Чистова*. М.: 1С-Паблишинг, 2013. С. 161–167.
13. *Дадян Э.Г.* Анализ рисков и прогнозирование эффективности вложений в паевые фонды с помощью нейронных сетей // Материалы Международной научной конференции / под ред. *О.В. Голосова, Д.В. Чистова*. М.: 1С-Паблишинг, 2013. С. 296–302.
14. *Городецкая О.Ю., Шуремов Е.Л.* Влияние деятельности посредников на возможности достижения рыночного равновесия // РИСК (ресурсы, информация, снабжение, конкуренция). 2012. № 1. С. 167–169.
15. *Амириди Ю., Кудинов А.* Рынок средств управления эффективностью бизнеса:

ситуация и тенденции // Byte. 2007. № 9 (107). С. 19–25.

REFERENCES

1. *Shaw A.* Business Performance Management: Gaining Insight and Driving Performance. Hyperion Solutions Corp., 2003, p. 34.
2. *Sistemy upravleniia effektivnost'iu biznesa / pod red. N.M. Abdikeeva, O.V. Kotovoi* [System performance management / ed. NM Abdikeeva, OV Kotova]. INFRA-M, 2010, 280 p. (In Russ.)
3. *Upravlenie effektivnost'iu biznesa. Kontseptsiia Business Performance Management / pod red. G.V. Gensa* [Performance Management. The concept of Business Performance Management / ed. GV Gens]. Moscow, 2005, 269 p. M.: Al'pina Biznes Buks — Alpina Business Books, 2005, 269 p. (In Russ.)
4. *Druker P.* Klassicheskie raboty po menedzhmentu [The Practice of Management]. Moscow, Williams, 2003, 220 p. (In Russ.)
5. *Kaplan R., Norton D.* Sbalansirovannaia sistema pokazatelei. Ot strategii k deistviu [Kaplan, R., Norton D. Balanced Scorecard. From strategy to action]. Olympus business, M.: Olimp-biznes- Olymp business, 2003, pp. 12–24. (In Russ.)
6. *Leont'ev V.V.* Mezhotraslevaia ekonomika [Inter-sectoral economy]. M.: Ekonomika- Economics, 1997, 479 p. (In Russ.)
7. *Odintsov B.E.* Obratnye vychisleniia v formirovanii ekonomicheskikh reshenii [Back calculations in shaping economic decisions]. M.: Finansy i statistika — Finance and Statistics, 2004, 192 p.
8. *Odintsov B.E., Romanov A.N.* Integratsionnyi metod optimizatsii upravleniia predpriiatiiami sredstvami obratnykh vychislenii [Integration method for optimizing the management of enterprises using tools of inverse calculation]. Vestnik Finansovogo universiteta — Bulletin of Financial University, 2014, no. 2 (80), pp. 60–73. (In Russ.)
9. *Odintsov B.E.* Tselevoe upravlenie effektivnost'iu biznesa v nechetkoi srede [Target business performance management in a fuzzy environment] Informatizatsiia obrazovaniia i nauki — Informatization of Education and Science, 2014, no. 2 (22), pp. 100–110. (In Russ.)
10. *Informatsionnye resursy i tekhnologii v ekonomike: pod red. B.E. Odintsova, A.N. Romanova* [Information resources and technologies in the economy: ed. B.E. Odintsov, A.N. Romanov]. M.: Vuzovskii uchebnyk — University Textbook: INFRA-M, 2013, 462 p. (In Russ.)
11. *U. Uolli i dr.* Sozdanie reshenii na osnove SOA pri pomoshchi Rational SDP per. s angl. S. Lunin. [Wally W. et al. Creating solutions based on SOA using rational SDP translated from English by S. Lunin]. M.: IBM Corporation, 2008, 514 p. (In Russ.)
12. *Chistov D.V., Mel'nikov P.P.* Informatsionnye tekhnologii v finansovo-ekonomicheskoi sfere: proshloe, nastoiashchee, budushchee. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsi: pod red. O.V. Golosov, D.V. Chistova [Information technology in the financial and economic sphere: the past, present and future. Proceedings of the International Scientific Conference: ed. O.V. Golosov, D.V. Tchistov.]. M.: IS-Publishing — IC-Publishing, 2013, pp. 161–167. (In Russ.)
13. *Dadian E.G.* Analiz riskov i prognozirovaniie effektivnosti vlozhenii v paevyie fondy s pomoshch'iu neironnykh setei. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsi: pod red. O.V. Golosov, D.V. Chistova [Information technology in the financial and economic sphere: the past, present and future. Proceedings of the International Scientific Conference: ed. O.V. Golosov, D.V. Tchistov.]. M.: IS-Publishing — IC-Publishing, 2013, pp. 296–302. (In Russ.)
14. *Gorodetskaia O. Iu., Shuremov E.L.* Vliianie deiatel'nosti posrednikov na vozmozhnosti dostizheniia rynochnogo ravnovesiia [Effect of intermediaries in the ability to achieve market equilibrium]. RISK (resursy, informatsiia, snabzhenie, konkurentsii) — RISK (resources, information, procurement, competition), 2012, no. 1, pp. 167–169. (In Russ.)
15. *Amiridi Iu., Kudinov A.* Rynok sredstv upravleniia effektivnost'iu biznesa: situatsiia i tendentsii [Market of business performance management: current state and trends]. Byte, 2007, no. 9 (107), pp. 19–25. (In Russ.)

УДК 33.338.24

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ*

ЛОСЕВА ОЛЬГА ВЛАДИСЛАВОВНА*доктор экономических наук, профессор кафедры «Оценка и управление собственностью», Финансовый университет, Москва, Россия***E-mail:** lov191171@yandex.ru**ДРЕСВЯННИКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ***доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и маркетинг», Пензенский филиал Финансового университета, Пенза, Россия***E-mail:** dva5508@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено инновационное развитие региона (на базе готовых и созданных инноваций), которое предполагает наличие интеллектуального потенциала высокого уровня качества. Под интеллектуальным потенциалом региона понимается совокупность двух взаимосвязанных составляющих – ресурсного потенциала, определяющего условия и возможности осуществления инновационной деятельности, и достигнутого потенциала, представляющего собой результаты деятельности. Приводится структура интеллектуального потенциала региона. Представлены основные элементы методологии его оценки: научный базис, семантическая модель предметной области, принципы, цели, функции, виды, методы. Особое внимание уделяется развитию нефинансовых методов оценки на основе статистики качества, использования системы индикаторов, индексов динамики и рейтингов, учитывающих энтропию частных индикаторов. Описаны производственно-отраслевой и статистический подходы к оценке интеллектуального потенциала региона.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал; регион; методология оценки; инновационное развитие.

EVALUATION OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF A REGION IN THE CONTEXT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT**

OLGA V. LOSEVA*ScD (Economics), professor of the Property Evaluation and Management Chair, the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia***E-mail:** lov191171@yandex.ru**VLADIMIR A. DRESVYANNIKOV***ScD (Economics), professor of the Management and Marketing Chair, the Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza Branch)***E-mail:** dva5508@yandex.ru

ABSTRACT

The article discusses the innovative development of a region (based on available and newly created innovations) assuming a high quality intellectual potential. The intellectual potential of the region is understood as a set of two interrelated components – the resource potential that determines conditions and possibilities of the innovative activity and the achieved capacity representing the results of this activity. The structure of the region's intellectual

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2014 г.

** This paper was written based on the findings of a budget-funded research carried out under the state assignment of the Financial University for 2014.

potential is shown. The principal elements of the methodology for its evaluation including the research basis, the semantic domain model, principles, objectives, functions, types, methods of assessment are described. Particular attention is paid to the development of non-financial evaluation methods based on statistical quality, use of a system of indicators, dynamics indices and ratings taking into account the entropy of partial indicators. The industry-based and statistical approaches to the assessment of the intellectual potential of the region are described.

Keywords: intellectual potential; region; evaluation methodology; innovative development.

Инновационное развитие региона направлено на достижение конкурентоспособности территории во всех социально-экономических сферах за счет использования готовых и разработки собственных инноваций в процессе интеллектуальной деятельности [1]. Можно выделить две взаимосвязанные технологии обеспечения конкурентоспособности территории, основанные на капитализации инноваций, — имитационную и радикальную. Первая ориентирована на привлечение инвестиционного капитала (ИК), с помощью которого в регионе создаются необходимые институциональные условия для расширенного воспроизводства материального капитала на основе готовых инноваций и заимствованных технологий. Вторая технология образована путем привлечения венчурного капитала и генерации собственных цепочек создания стоимости (разработка → производство → маркетинг → доставка → сервисное обслуживание) на базе разработанных региональных инновационных продуктов и технологий (региональных брендов). В свою очередь, посредством брендов возможно привлечение в регион различных видов материального капитала и с его помощью конструирование нового экономического пространства, обеспечивающего прирост валового регионального продукта (ВРП).

Взаимосвязь двух технологий, обеспечивающих инновационный характер регионального развития, представлена на *рис. 1*.

Таким образом, конкурентоспособность региона зависит от органичного использования обеих форм капитала — материального и интеллектуального. Преимущество ускоренного воспроизводства материального капитала региона становится структурной частью глобального рынка с производственной или торговой специализацией, концентрируя на своей территории отдельные виды экономической деятельности (например, контрактное производство,

распределение продукции, обмен). Превосходство ускоренного воспроизводства ИК приводит к тому, что на первый план выходит инновационное развитие территории, создание уникальных интеллектуальных продуктов. За счет этого на территории аккумулируется управление движением капитала с соответствующей специализацией в сфере услуг и высокотехнологичных наукоемких отраслях экономики, что представляется особенно важным в условиях перехода к инновационной экономике. Реализация второй технологии обеспечения конкурентоспособности региона требует наличия развитого интеллектуального потенциала. Управление его качеством базируется на соответствующих оценочных механизмах. В связи с этим разработка методологии оценки интеллектуального потенциала региона является актуальной задачей, имеющей научную и практическую значимость.

Под *интеллектуальным потенциалом* в широком смысле (функциональный подход) понимается такое продуцирование интеллекта социально-экономического субъекта, которое обеспечивает его обладателю (работнику, организации, региону) эффективное функционирование и развитие в процессе интеллектуально-инновационной деятельности.

В узком смысле (структурный подход) интеллектуальный потенциал региона представляет собой две взаимосвязанные составляющие: *ресурсный потенциал*, т.е. потенциал условий, возможностей инновационной деятельности, и *достигнутый потенциал*, или результаты инновационной деятельности, благодаря которым ресурсный потенциал становится интеллектуальным капиталом, имеющим стоимостное измерение. Производным видом данных вариантов потенциала является *приращенный потенциал*, который определяется как достигнутый потенциал плюс неиспользуемые ресурсы (внутренние и внешние) инновационной деятельности.

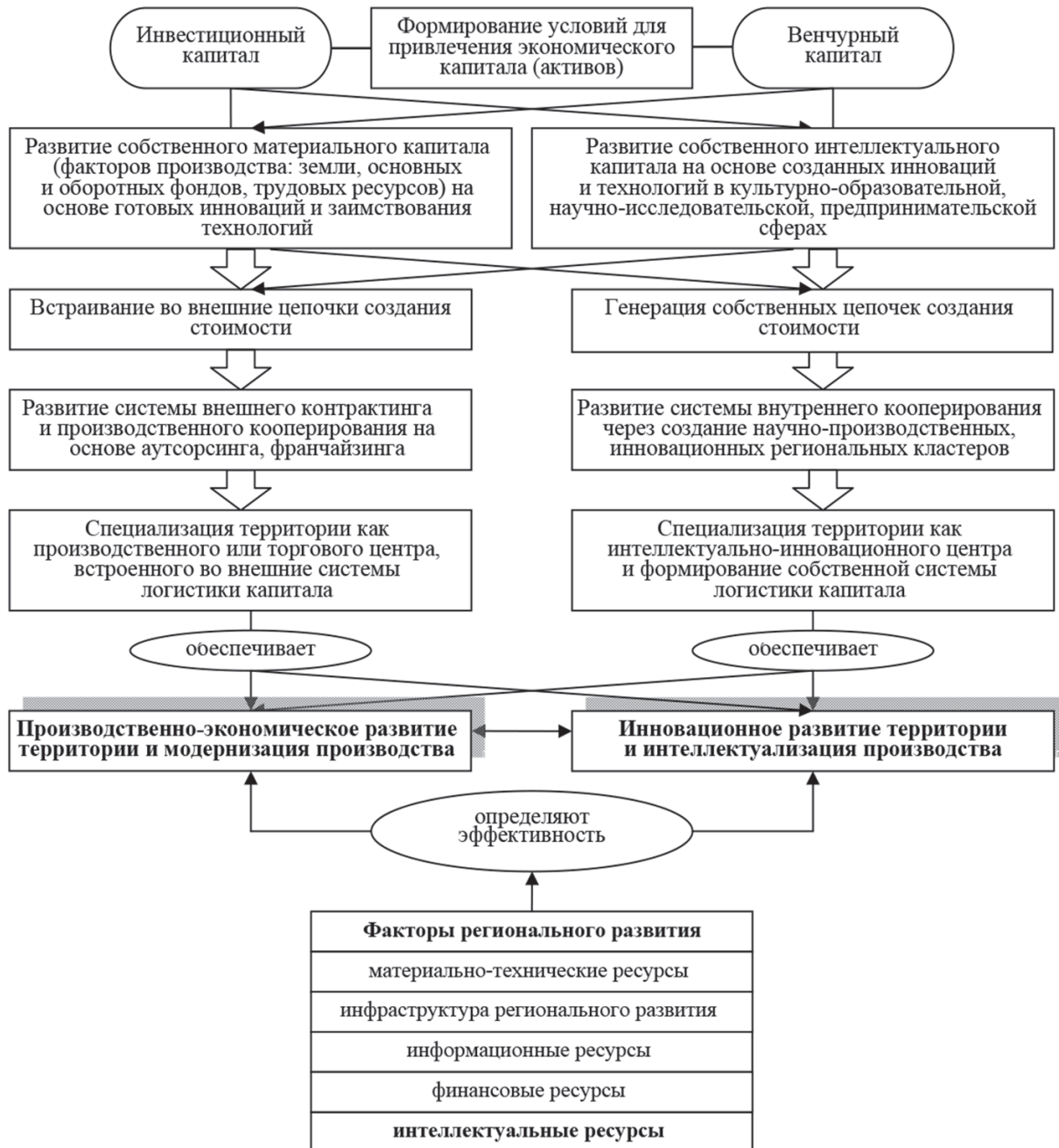

Рис. 1. Взаимосвязанные технологии обеспечения конкурентоспособности и развития региона

Ресурсной составляющей интеллектуального потенциала региона является так называемое интеллектуальное ядро, т.е. интеллектуальный потенциал руководства региона и интеллектуальный потенциал организаций, составляющих значительную долю в отраслевой региональной структуре, которые могут образовывать научно-технические или производственные кластеры, характеризующиеся однотипностью применяемой техники и технологии, обрабатываемого сырья. При этом доля кластеров, их наукоемкость определяются существующей отраслевой

ориентированностью и особенностями самого региона [1].

Организации функционируют в культурно-образовательной среде, обладающей этническим своеобразием, культурными традициями, системой высшего образования, включающей подсистему подготовки и переподготовки кадров. Кроме того, большое значение для развития интеллектуального потенциала имеет научно-исследовательская среда региона со своими наукоградом, научно-исследовательскими центрами, институтами, научными школами, системой подготовки научных кадров. Наконец,

ПОТЕНЦИАЛ В КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ											
Система среднего и высшего профессионального образования	ПОТЕНЦИАЛ В ИННОВАЦИОННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЕ										
	Организационные структуры управления интеллектуально-инновационным развитием региона					Система сервисного обслуживания интеллектуально-инновационной деятельности организаций					
	ПОТЕНЦИАЛ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СФЕРЕ										
	Система среднего и высшего профессионального образования	Система подготовки кадров, в том числе государственной службы	Система обучения предпринимательству в интеллектуально-инновационной сфере	Научно-исследовательские институты	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ЯДРО Интеллектуальный потенциал органов власти и организаций, образующих производственные кластеры и/или вносящих существенный вклад в ВРП				научноградские и пр. научные центры	Финансово-кредитные институты и страховые компании	Система культурно-досуговых и спортивно-оздоровительных учреждений
Система среднего и высшего профессионального образования	Информационно-коммуникационные технологии	Система подготовки научных кадров	Сенсорный интеллект	Эмоциональный интеллект	Логический интеллект	Креативный интеллект	Социально-культурный интеллект	Экономический интеллект	Бизнес-инкубаторы	Малое предпринимательство	Система социального обеспечения

Рис. 2. Содержательные составляющие ресурсного интеллектуального потенциала региона

результативность интеллектуально-инновационной деятельности региона определяется во многом качеством соответствующей инфраструктуры.

Выделенные составляющие ресурсного интеллектуального потенциала региона как социально-экономической системы, направленной на инновационное развитие, представлены на рис. 2.

Преобразование ресурсного интеллектуального потенциала региона в достигнутый интеллектуальный потенциал осуществляется через полученные результаты интеллектуально-инновационной деятельности региона:

- отчуждаемые интеллектуальные продукты отдельных организаций или производственных, научно-технических кластеров, составляющих интеллектуальное ядро (созданные передовые производственные технологии, другие объекты интеллектуальной собственности);

- отчуждаемые результаты интеллектуально-инновационной деятельности руководства региона и организаций (разработанные законы для поддержки малого предпринимательства и внедрения инноваций; достижения в культурно-образовательной, научно-исследовательской сферах; введенные в эксплуатацию объекты ин-

фраструктуры инновационной деятельности; вновь созданные субъекты малого предпринимательства и пр.);

- неотчуждаемые результаты интеллектуально-инновационной деятельности руководства и трудовых ресурсов региона в выделенных сферах (инвестиционный климат, деловая репутация, имидж, культурно-историческое своеобразие).

Предложенная структура интеллектуального потенциала региона определяет границы объекта оценки и является основой разрабатываемой методологии оценки, которая представляет собой последовательное рассмотрение и конкретизацию ее оснований:

- научного базиса, связанного с предметной областью исследования;
- объектов и субъектов оценки;
- множества принципов, определяющих требования к методологии оценки интеллектуального потенциала;
- подходы к оценке индивидуального потенциала региона, позволяющие осуществить выбор способов оценки;
- цели, функции, виды, методы и модели оценки.

Таблица 1

Требования к оценке интеллектуального потенциала региона

Функциональные требования (зачем измерять)	Содержательные требования (что измерять)	Виды и методы измерения (как измерять)
Конкурентоспособность региона на основе инновационного развития	Качество интеллектуального потенциала региона	Рейтинговая оценка с учетом энтропии частных индикаторов в системе регионов
Определение резервов инновационного развития региона	Условия интеллектуально-инновационной деятельности (ресурсный потенциал)	Косвенное относительное измерение методом непосредственной оценки с применением системы относительных индикаторов
Стимулирование инновационной активности бизнеса в регионе	Результаты интеллектуально-инновационной деятельности (достигнутый потенциал)	Косвенное относительное измерение методом непосредственной оценки с применением системы относительных индикаторов
Мониторинг инновационного, социально-экономического развития региона	Динамика изменений индивидуальных, групповых и сводных индикаторов	Измерение с применением методов рядов динамики и индексного метода

Поскольку предметом методологии является оценка, ее научным базисом служат аксиология и теория измерений. Аксиологический подход играет роль связующего звена между теорией и практикой оценки. Его суть заключается в осмыслении, признании, актуализации и создании материальных и нематериальных ценностей, в частности стоимости, компетентности, конкурентоспособности и пр. Применение данного подхода к формированию методологии оценки интеллектуального потенциала предполагает определение *содержательных* требований к оценке (что измерять), *функциональных* требований (для чего измерять — учет потребностей всех заинтересованных сторон).

Содержательные требования характеризуют объект оценки и определяются, в нашем случае, структурой интеллектуального потенциала региона, рассмотренной выше. Функциональные определяются потребностями стейкхолдеров, в том числе являющихся субъектами оценки.

Связь функциональных и содержательных требований к оценке интеллектуального потенциала с рекомендуемыми видами и методами измерений представлена в *табл. 1*.

Субъектами оценки являются региональные и федеральные органы власти, ориентированные на достижение конкурентоспособности экономики региона на основе инновационного развития территории, эффективную реализацию государственных программ.

Обобщенную модель предметной области исследования можно представить в виде изображенной на *рис. 3* семантической сети, отражающей взаимосвязи объекта и субъектов оценки в интеллектуально-инновационной деятельности.

Методология оценки интеллектуального потенциала региона опирается на две группы принципов. Первая группа направлена на содержательную сторону оценки и включает в себя следующие взаимосвязанные сущностные принципы: релевантности функций оценки текущим и стратегическим целям субъекта оценки; иерархичности и наследственности; эмерджентности и синергии; формализуемости и нормативности; экономичности и оптимальности; динамичности и сопоставимости.

Вторая группа определяет требования к организации оценочных процедур и включает в себя принципы адаптивности, преемственности, непрерывности, концентрации, специализации, практической доступности, стандартизации.

Нами предложены следующие два подхода к оценке интеллектуального потенциала.

1. Производственно-отраслевой подход

Оценивается интеллектуальный потенциал преобладающих отраслей экономики региона, обеспечивающих существенный вклад в валовой региональный продукт. При этом требуется разработка системы соответствующих

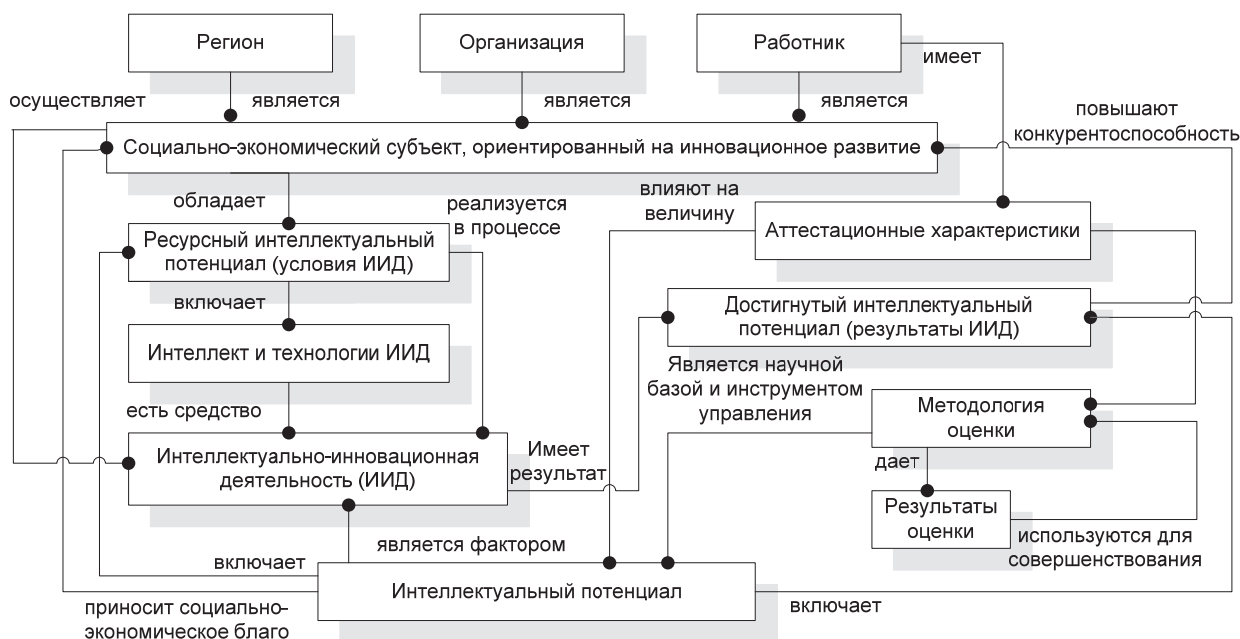

Рис. 3. Семантическая модель предметной области исследования

отраслевых показателей. Данный подход применим для регионов, имеющих градообразующие предприятия, сложившиеся производственные, научно-технические или инновационные кластеры, а также характерные природно-географические и климатические условия, которые определяют преобладание тех или иных видов деятельности.

2. Статистический подход

Интеллектуальный потенциал оценивается на основе имеющихся статистических данных по принятым Росстатом, а также специально разработанным показателям, характеризующим как условия, так и результаты интеллектуальной деятельности региона, ориентированного на инновационное развитие. Данный подход является более универсальным, но не всегда учитывает специфику того или иного региона.

Необходимо отметить, что реализация производственно-отраслевого подхода требует внедрения на региональных предприятиях, составляющих интеллектуальное ядро, методик оценки интеллектуального потенциала, что является перспективным, но затратным процессом. Поэтому основной упор при дальнейшем изложении сделан на описании статистического подхода.

Основные цели оценки интеллектуального потенциала региона:

- определение уровня развития интеллектуального потенциала и его структурных состав-

ляющих — ресурсного потенциала и потенциала результатов;

- формирование и целенаправленное развитие интеллектуального потенциала на основе динамического анализа результатов оценки в интересах повышения эффективности инновационной региональной системы и инвестиционной привлекательности территории;
- совершенствование системы регионального управления, направленной, в том числе, на реализацию программ инновационного развития, вовлечения молодежи в инновационную деятельность.

Функции оценки взаимосвязаны и определяют направления использования ее результатов (табл. 2).

Схематическая модель оценки построена на уровне региона с использованием статистического подхода и разработанной структуры интеллектуального потенциала (рис. 4).

Поскольку уровень интеллектуального потенциала региона представляет собой интегральный показатель, полученный на основе множества входящих в него разнородных показателей, характеризующих условия и результаты интеллектуальной деятельности в инновационно-предпринимательской, научно-исследовательской и культурно-образовательной сферах, необходим переход от количественных значений показателей к качественным аналогам. Это обеспечит

Функции оценки интеллектуального потенциала региона

Название функций	Содержание
Мотивирующая	Стимулирование инновационной активности управленческих и бизнес-структур
Контролирующая	Обеспечение мониторинга качества интеллектуального потенциала региона
Управляющая	Рационализация процессов управления трудовыми ресурсами, интеллектуальным капиталом, интеллектуальным ядром региона
Развивающая	Планирование и реализация программ коррекции, формирования и развития индивидуального потенциала региона
Экономическая	Учет и анализ результатов инновационной деятельности, эффективности инвестиций в интеллектуальный потенциал
Информационная	Предоставление результатов оценки заинтересованным пользователям, обеспечение обратной связи в управлении инновационным развитием региона
Аналитическая	Использование результатов оценки для совершенствования методологии и анализа эффективности управления интеллектуальным регионом
Прогрессивная	Создание предпосылок для формирования социального субъекта нового типа (инновационно развивающегося региона)

соизмеримость показателей, возможность их интегрирования в сводный показатель и, следовательно, позволит сопоставить регионы по уровню интеллектуального потенциала, осуществить их ранжирование и кластеризацию.

Данную модель рекомендуется использовать в качестве базы для разработки механизма управления качеством интеллектуального потенциала региона в интересах инновационного развития и повышения конкурентоспособности территории.

Виды оценки интеллектуального потенциала региона:

1) нефинансовая оценка ресурсного и достигнутого потенциала, в основе которой находятся статистические, социально-психологические, экспертные методы. Результаты оценки показываются в баллах и рейтингах с учетом весов структурных составляющих;

2) финансовая оценка (стоимостная), направленная на определение стоимости интеллектуального потенциала региона с обязательным учетом результатов нефинансовой оценки.

В статье сделан акцент на развитии методов нефинансовой оценки интеллектуального потенциала региона.

Необходимость применения методов нефинансовой оценки интеллектуального потенци-

ала определяется прежде всего наличием в его структуре ресурсной компоненты — человеческого интеллектуального потенциала, которую сложно оценить финансовыми методами. Но и оценка достигнутого интеллектуального потенциала в форме интеллектуальных продуктов и технологий часто затруднена в силу нематериальной природы объекта оценки. Результаты интеллектуально-инновационной деятельности человеческих ресурсов в целях ее контроллинга также целесообразно оценивать с помощью нефинансовых показателей, в том числе качественных. Таким образом, посредством нефинансовых методов рекомендуется оценивать качество интеллектуального потенциала в интересах инновационного развития социально-экономических систем, а также анализировать динамику его состояния.

При этом наиболее эффективным является структурно-интегральный подход, который даст возможность оценить не только совокупный интеллектуальный потенциал, но и его составные элементы, что позволит выявить проблемные зоны и факторы развития интеллектуального потенциала.

При нефинансовой оценке интеллектуального потенциала на основе *структурного подхода* необходимо:

Рис. 4. Схематическая модель оценки интеллектуального потенциала региона

- выделить структурные элементы оценки;
- сформировать критерии отбора для формирования системы показателей.
- При нефинансовой оценке интеллектуального потенциала на основе *интегрального подхода* необходимо:
 - определить способ сведения в одно целое совокупности характеристик, зачастую различных и разноименных;
 - выбрать форму построения сводного индекса динамики показателей.

Системы показателей нужны для качественно-количественной оценки интеллектуального потенциала как основного фактора, определяющего успешность инновационной деятельности социально-экономических субъектов.

Для региона необходима разработка системы показателей (индикаторов), характеризующих потенциал и результаты функционирования человеческих ресурсов в научно-исследовательской, инновационно-предпринимательской

и культурно-образовательной сферах, на основе которых формируется сводный рейтинг региона по уровню интеллектуального потенциала и осуществляется анализ динамики его развития [2].

Основными критериями отбора и формирования индивидуальных показателей (индикаторов) являются:

1) релевантность целям оценки. Включаемые в систему показатели по смысловому содержанию должны соответствовать цели решаемой задачи, например показатели должны быть информативными с точки зрения оценки интеллектуального потенциала в качестве ключевого фактора инновационного развития и конкурентоспособности организации (региона);

2) репрезентативность. Индивидуальные показатели должны достаточно полно представлять выделенную целевую группу показателей, например функционирование человеческого интеллектуального потенциала подразделения

организации как субъекта интеллектуально-инновационной деятельности или наиболее значимые аспекты результатов функционирования человеческого интеллектуального потенциала региона в научно-исследовательской сфере деятельности;

3) ограниченность объема. Количество индивидуальных показателей не должно быть большим, чтобы не затруднять интерпретацию и не повышать трудоемкость сбора первичной информации;

4) доступность данных. Значения показателей преимущественно могут находиться по данным управленческого учета предприятий, организаций, органов местного самоуправления (при этом возможно директивное введение дополнительных показателей в практику статистического учета), а на уровне региона предпочтительно из источников Росстата и его территориальных подразделений (непосредственно или на основе расчетов по официальным данным);

5) допустимость косвенной оценки. В случае отсутствия статистических отчетных показателей, прямо характеризующих значимые стороны функционирования человеческого интеллектуального потенциала, допустимо включение аналогов, по которым можно косвенно оценить состояние интеллектуального потенциала организации (региона) в той или иной сфере деятельности;

6) предпочтительность использования относительных величин. В качестве индивидуальных индикаторов необходимо брать относительные показатели, поскольку величина абсолютных может находиться в прямой зависимости от размера территории региона и вследствие этого исказить реальную оценку;

7) независимость показателей. Индивидуальные показатели не должны быть взаимозаменяемыми, т.е. дублирующими смысловое содержание, либо взаимодополняющими, когда один показатель можно выразить через другой;

8) сонаправленность изменений. Положительное изменение (рост) индивидуальных показателей приводит к положительным изменениям состояния интеллектуального потенциала в целом. Это требование особенно важно для определения общей динамики интеллектуального потенциала на основе анализа динамики отдельных факторов.

При построении конкретной системы показателей данный перечень критериев может быть дополнен, исходя из специфики целей и сферы применения.

При интегральном подходе к оценке интеллектуального потенциала наибольшие сложности возникают при построении обобщающих (сводных) показателей, что связано, во-первых, со сложностью самого объекта оценки, а во-вторых, с необходимостью объединения в одно целое совокупности не всегда однородных и одноименных величин.

Построение интегральных показателей при изучении социально-экономических явлений является дискуссионной проблемой. Отметим, что некоторые ученые, например Т.В. Дмитриева [3] и др., считают использование интегральных показателей некорректным. Свою позицию они аргументируют тем, что само качественное различие оцениваемых показателей не дает объективной возможности приводить их к единому количественному показателю.

Однако, с нашей точки зрения, эта проблема может быть решена с помощью подхода, принятого в статистике качества. Данный подход предполагает переход от количественных значений индикаторов к качественным аналогам, что обеспечит устранение несоизмеримости разнотипных показателей. Эта задача упрощается, если изначально была сформирована система показателей, являющихся одноименными относительными величинами. В то же время такой подход позволяет при необходимости (исходя из целей) ввести в систему показателей оценки интеллектуального потенциала абсолютные величины, например численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, или квалиметрические величины, например качество образовательных услуг в регионе.

Таким образом, интегральную оценку интеллектуального потенциала мы предлагаем проводить с позиции качества как единой меры всех количественных значений показателей, выраженных разнотипными величинами.

В нашем исследовании применяются несколько способов нефинансовой оценки интеллектуального потенциала по выделенному набору показателей.

1. Сравнение текущего уровня развития интеллектуального потенциала с предыдущим

уровнем на основе построения сводного индекса динамики.

Такой вариант оценки позволяет определить направление изменения состояния, т.е. констатировать положительную или отрицательную динамику развития, но не позволяет определить сам качественный уровень интеллектуального потенциала.

Построение сводного индекса динамики требует обоснования выбора адекватной формы средней. Поскольку одним из критериев формирования системы показателей является предпочтительность относительных величин, для анализа их совокупного изменения правомерно использовать среднюю геометрическую, так как она является формой средней, свойственной отношениям и произведениям (точно так же как средняя арифметическая свойственна суммам, разностям и другим линейным функциям). При этом средняя геометрическая может быть простой (1) или взвешенной (2):

$$I = \sqrt[n]{x_1 \cdot x_2 \cdot \dots \cdot x_n}; \quad (1)$$

$$I = \sqrt[n]{x_1^{f_1} \cdot x_2^{f_2} \cdot \dots \cdot x_n^{f_n}}, \text{ где } \sum f = n. \quad (2)$$

Веса определяются исходя из значимости показателей для достижения целей оценки. Преимущество данного способа нефинансовой оценки заключается в том, что исходные показатели могут быть выражены абсолютно разными величинами и быть несоизмеримыми.

2. Определение уровня развития интеллектуального потенциала региона на данный момент времени путем сравнения его с другими объектами (регионами), относящимися к одному классу, что предполагает построение сводного рейтинга региона по всей совокупности показателей.

Рассмотрим методы формирования интегрального показателя уровня развития ИП региона на основе рейтинговой оценки.

Пусть имеется система $S = \{Rg, X\}$ из m -множества регионов Rg , обладающих n общими признаками-индикаторами J , характеризующими состояние интеллектуального потенциала региона (3), которую можно задать в виде матрицы размерности $(m \times n)$:

$$S = \begin{pmatrix} P_{11} & P_{12} & \dots & P_{1p} & P_{11} & P_{12} & P_{1r} \\ P_{21} & P_{22} & \dots & P_{2p} & P_{21} & P_{22} & P_{2r} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ P_{m1} & P_{m2} & \dots & P_{mp} & P_{m1} & P_{m2} & P_{mr} \end{pmatrix},$$

где P_{ij} и R_{jk} — соответственно индикаторы потенциала условий и потенциала результатов интеллектуально-инновационной деятельности;

$$i=1..m, j=1..p, k=1..r, p+r=n.$$

Требуется определить интегральное (системное) качество каждого объекта (региона) по совокупности всех индикаторов на основе его рейтинговой оценки, т.е. места в системе других регионов.

Существующие методы решения данной задачи можно разбить на четыре группы.

1. Экспертно-балльные методы.

Группой независимых экспертов прямым или косвенным образом в баллах или весовых коэффициентах определяется значимость каждого признака, затем с учетом данной оценки рассчитывается агрегатный показатель по каждому региону и, наконец, осуществляется упорядочивание регионов по полученным значениям агрегатных показателей [4]. Проблема использования данного метода в нашем случае заключается в том, что признаки не являются однородными, т.е. они оценивают интенсивность свойств интеллектуального потенциала из разных сфер инновационной деятельности. В силу этого определение значимости (приоритетности) того или иного индикатора представляется некорректным. В частности, как определить, что важнее для инновационного развития экономики: число поданных патентных заявок на 1000 исследователей или удельный вес доходов населения от предпринимательской деятельности?

2. Методы ранговой статистики.

С помощью порядковой шкалы определяется ранг (место) региона среди других регионов по каждому признаку по спортивному принципу: чем больше значение, тем меньше ранг [5]. Затем ранги каким-то образом агрегируют (в виде простой, средней простой или взвешенной суммы), и региону, получившему меньшую сумму, присваивают первое место

и т.д. Однако переход от количественных значений признака к рангам возможен, если эти значения изменяются линейно, т.е. равномерно. Но на практике такая линейность значений встречается крайне редко, поэтому полученные ранги не являются аналогами предшествующих количественных значений признаков. Например, ранжирование будет мало достоверным, если основная масса регионов имеет по какому-то показателю низкие значения, а один-два региона — высокие.

3. *Топометрические методы.*

Ведущую роль в данной группе методов играет вводимая метрика, определяющая способ измерения расстояния между регионами в пространстве признаков [5]. Основой метода расстояний является учет близости регионов по сравниваемым показателям к региону-эталоно. Сложность заключается в правильном выборе эталона. За эталон может быть взят условный регион с максимальными значениями по всем показателям, однако зачастую сделать это проблематично, поскольку экономическое содержание многих показателей не предполагает наличия четко выраженной верхней границы, например затруднительно определить необходимую максимальную численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, на 10 000 человек экономически активного населения. Чаще за эталон принимают типичный регион со среднеарифметическими значениями исследуемых признаков. Но в совокупности экономических объектов преобладают, как правило, асимметричные распределения, отличные от нормальных, поэтому такой выбор также не является удачным. После выбора эталона рассчитывают евклидово расстояние (это наиболее употребляемая метрика, оценивающая степень близости объектов) от него до каждого региона, предварительно осуществив нормирование количественных значений признаков относительно эталонных. Упорядочивая расстояния, получают комплексное ранжирование регионов, причем наименее удаленному от эталона региону присваивают первое место и т.д. С помощью введенной метрики также можно провести кластеризацию регионов. Применение данного метода в нашем случае не позволит учесть различное влияние отдельных индикаторов на интегральное значение рейтинга региона.

4. *Методы многомерного шкалирования.*

С нашей точки зрения, данная группа методов является наиболее предпочтительной для решения поставленной задачи. Во-первых, методы интервального шкалирования позволяют перейти от количественных значений признаков, характеризующихся разнотипностью и разноименностью, к качественным аналогам и тем самым сделать все показатели соизмеримыми. При этом получаем уровневые интервалы, на которых задано отношение порядка, — ограниченный диапазон чисел, соответствующий определенному качеству каждого конкретного показателя, характеризующего потенциал и результаты инновационной деятельности региона.

Во-вторых, шкалы наименований, полученные на основе квалиметрического подхода (количественной оценки качества), можно использовать для распознавания объектов, в частности для классификации регионов по уровню развития интеллектуального потенциала. Другими словами, методы шкалирования дают возможность оценить интегральную степень качества интеллектуального потенциала региона и провести достоверное ранжирование регионов по данному показателю.

Предполагается, что все регионы, подлежащие ранжированию, составляют однородную совокупность, т.е. относятся к системе (кластеру) «родственных» объектов. В нашем случае под такой системой (кластером) будем понимать совокупность регионов одного и того же федерального округа.

Федеральный округ — это неадминистративная структура, объединяющая регионы, характеризующиеся определенным экономико-географическим положением, территориально-хозяйственным единством, своеобразием природных и экономических условий и исторически сложившейся производственной специализацией, основанной на территориальном общественном разделении труда. Распределение регионов по федеральным округам практически совпадает с их распределением по экономическим районам (численность соответственно 9 и 11). Безусловно, перед ранжированием необходимо проверить систему многомерных объектов-регионов федерального округа на согласованность по всем признакам-индикаторам

Степени согласованности объектов

Значение коэффициента	Согласованность
$w = 1$	Полная
$0,85 \leq w < 1$	Высокая
$0,75 \leq w < 0,85$	Хорошая
$0,65 \leq w < 0,75$	Умеренная
$w < 0,65$	Слабая
$w = 0$	Абсолютная

с помощью множественного коэффициента конкордации, не требующего обязательной нормальности распределения значений признаков.

Коэффициент множественной конкордации имеет вид:

$$w = 1 - \frac{\sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m \sum_{k=1}^n |x_{ik} - x_{jk}|}{nm(m-1)(K-1)},$$

где m — число строк матрицы (число регионов);

n — число столбцов матрицы (признаков);

K — число выбранных уровней качества;

x — качественный аналог индикатора потенциала или результатов инновационной деятельности.

На основе экспериментальных исследований реальных данных [6, 7] составлена таблица согласованности объектов в зависимости от коэффициента w (табл. 2).

Если $w < 0,65$, то, скорее всего, в системе имеется аномальный объект, который лучше исключить из рассмотрения. Таким аномальным объектом, в частности, является Москва, входящая в Центральный федеральный округ. Выявление аномального региона, являющегося многомерным объектом, возможно на основе графического анализа распределения значений индикаторов по совокупности всех регионов федерального округа. Если из 22 построенных распределений какой-то регион имеет на графиках более 7 выбросов относительно значений индикаторов по другим регионам, закономерно предположить, что

именно он является аномальной единицей совокупности.

Каждый регион можно также рассматривать как систему, обладающую множеством элементов, общих для всех регионов, в частности таким элементом является интеллектуальный потенциал, который, в свою очередь, представляет собой систему взаимосвязанных признаков-свойств. Причем, исходя из принципа эмерджентности, интегральное качество интеллектуального потенциала региона (сводный рейтинг) больше, чем простая сумма качеств составляющих его признаков-индикаторов.

С нашей точки зрения, системная целостность интеллектуального потенциала зависит от величины энтропии (неупорядоченности, разброса) значений его отдельных составляющих — показателей потенциала и результатов инновационной деятельности. Чем больше разброс в качественных оценках конкретного показателя по совокупности регионов, тем большей энтропией и соответственно значимостью он обладает. Регион, добившийся высоких качественных значений по показателю с большей энтропией, должен иметь и большее качество. Этот прирост является количественным выражением системного эффекта эмерджентности.

Таким образом, интегральное качество интеллектуального потенциала региона (сводный рейтинг) — не сумма качеств (частных рейтингов) его n -индикаторов, а средневзвешенная арифметическая сумма, где весами является уровень энтропии конкретного индикатора.

Методология оценки интеллектуального потенциала ориентирована на активизацию

инновационного развития региона, поскольку позволяет региональным и федеральным органам власти:

- совершенствовать механизм управления качеством интеллектуального потенциала на основе мониторинга его состояния и динамики развития;
- проводить межрегиональные сравнения на базе ранжирования и кластеризации регионов по качеству интеллектуального потенциала, корректировать на этой основе задачи региональной инновационной политики и проводить мониторинг эффективности управления инновационным развитием территории;
- обеспечивать конкурентоспособность региона в высокотехнологичных отраслях на базе повышения качества и отдачи от интеллектуальных ресурсов и тем самым повышать инвестиционную привлекательность территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова Т.А. Рейтинговый анализ уровня инновационного развития регионов России. // Креативная экономика. 2012. № 4. С. 113–117.
2. Довлатян Г.П. Рейтинговый анализ инновационно-инвестиционной привлекательности регионов // В мире научных открытий. 2011. № 3 (15). С. 110–116.
3. Дмитриева Т.Е. Рейтинговая оценка в межрегиональных и внутрирегиональных сопоставлениях (методический аспект). URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-169583.html> (дата обращения: 12.11.2013).
4. Лосева О.В. Оценка человеческого интеллектуального капитала региона (на примере ПФО): монография. Пенза: Пензенский гос. пед. ун-т, 2011. 116 с.
5. Дубров А.М. Многомерные статистические методы: учебник. М.: Финансы и статистика, 2009. 352 с.
6. Лосева О.В., Финогеев Д.Г. Факторы повышения инвестиционной привлекательности регионов // Современные научные исследования. URL: <http://e-koncept.ru/ext/61> (дата обращения: 12.09.2014).
7. Loseva O., Fedotova M., Fedosova R. Development of a methodology for evaluation of the intellectual human capital of a region. Life Sci

J 2014, 11 (8), pp. 739–746. URL: <http://www.lifesciencesite.com>. 109 (дата обращения: 12.09.2014).

REFERENCES

1. Ivanova T.A. Reitingovyi analiz urovnia innovatsionnogo razvitiia regionov Rossii [The rating analysis of the innovative development level of Russian regions]. *Kreativnaia ekonomika — Creative Economy*, 2012, no. 4, pp. 113–117. (in Russ.)
2. Dovlatian G.P. Reitingovyi analiz innovatsionno-investitsionnoi privlekatel'nosti regionov [The rating analysis of innovation and investment attractiveness of regions]. *V mire nauchnykh otkrytii — In the world of scientific discoveries*, 2011, no. 3 (15), pp. 110–116 (in Russ.)
3. Dmitrieva T.E. Reitingovaia otsenka v mezhregional'nykh i vnutriregional'nykh sopostavleniakh (metodicheskii aspekt) [The rating evaluation in interregional and intraregional comparisons (a methodological aspect)]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-169583.html> (access as of 12.11.2013). (in Russ.)
4. Loseva O. V. Otsenka chelovecheskogo intellektual'nogo kapitala regiona (na primere PFO) [Evaluation of the human intellectual capital of a region (by the VFD example)]: a monograph. Penza: Penzenskii gos. ped. un-t — Penza State Pedagogical University, 2011, 116 p. (in Russ.)
5. Dubrov A.M. Mnogomernye statisticheskie metody [Multivariate statistical methods]: a manual. M.: Finansy i statistika — Finance and Statistics, 2009, 352 p. (in Russ.)
6. Loseva O. V., Finogeev D. G. Faktory povysheniia investitsionnoi privlekatel'nosti regionov [Factors increasing the investment attractiveness of regions]. *Sovremennye nauchnye issledovaniia — Current Research*. URL: <http://e-koncept.ru/ext/61> (access as of 12.09.2014). (in Russ.)
7. Loseva O., Fedotova M., Fedosova R. Development of a methodology for evaluation of the intellectual human capital of a region. *Life Sci J* 2014, 11 (8), pp. 739–746. URL: <http://www.lifesciencesite.com>. 109 (access as of 12.09.2014).

УДК 001.895 (045)

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ КЛАССИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СТЕПЕНИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗНАНИЙ*

ОБОЛЕНСКАЯ ЛЮДМИЛА ВЛАДИСЛАВНА

кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Института инновационной экономики, Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: *obolenskayalv@gmail.com*

КАНДОХОВА МАРИАННА МИХАЙЛОВНА

младший научный сотрудник Института инновационной экономики, Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: *mrkand@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

На сегодняшний день в промышленно развитых странах сложилась структура экономики, в которой сфера услуг, знания и информация стали играть значимую роль, потеснив традиционные сферы производства материальных благ. Возрастание роли сферы услуг в знаниеемких видах деятельности актуализирует необходимость мониторинга и оценки происходящих структурных сдвигов, что требует введения в национальную практику соответствующего классификационного аппарата.

В первой части статьи анализируется зарубежный опыт классификации субъектов инновационной деятельности по степени использования знаний. Рассматриваются две методологически близкие классификации, используемые за рубежом для мониторинга обрабатывающей промышленности и сферы услуг. Суть классификаций – отнесение субъектов инновационной деятельности в разные агрегированные блоки в зависимости от степени использования знаний, характерной для вида их деятельности. Первую из двух классификаций начали использовать и в России. Перспективной является идея пролонгации подхода, примененного к отраслям обрабатывающей промышленности, на сектор услуг.

Во второй части на примере ряда стран ЕС оценивается сегодняшняя роль сферы услуг как доминирующего структурного элемента высокотехнологичной деятельности. Оценка проводится путем сопоставления высокотехнологичных секторов деятельности сферы услуг и обрабатывающей промышленности, сравнение – на основе ряда рассчитанных показателей, оценивающих масштабы производства, создание добавленной стоимости, долю добавленной стоимости в объеме производства. На основе косвенных оценок сопоставляется роль двух сфер как факторов развития предпринимательской активности, факторов развития и становления малого и среднего высокотехнологичного бизнеса в высокотехнологичной сфере деятельности. По всем проанализированным параметрам сфера услуг опережает соответствующий сектор обрабатывающей промышленности.

Ключевые слова: субъекты инновационной деятельности; классификация; степень технологичности; обрабатывающая промышленность; интенсивность использования знаний; сфера услуг; высокотехнологичный сектор.

SUBJECTS OF INNOVATIVE ACTIVITY: ANALYSIS OF CLASSIFICATION BASED UPON THE EXTENT OF KNOWLEDGE USE**

LYUDMILA V. OBOLENSKAYA

Ph.D. (Engineering), Senior Researcher, the Institute of Innovative Economy, the Financial University, Moscow, Russia

E-mail: *obolenskayalv@gmail.com*

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2014 г.

** The article is based on the results of state-funded research. The task was assigned by the Financial university in 2014.

MARIANNA M. KANDOKHOVA

Junior Researcher, the Institute of Innovative Economy, the Financial University, Moscow, Russia

E-mail: *mrkand@mail.ru*

ABSTRACT

To date, the distinguishing characteristic of the economic structure of industrialized countries is the fact that services, knowledge and information play a significant role and replace the traditional production of material goods. The increased role of services in knowledge-intensive areas makes it necessary to monitor and evaluate the ongoing structural shifts and introduce into practice an appropriate classification system.

The first part of the article analyzes the foreign experience in classification of subjects of innovative activity, namely, the classification based upon the extent of knowledge use. Two methodologically similar classifications used abroad to monitor the manufacturing and service sectors are considered. The main feature of these classifications is the allocation of subjects of innovative activity into different aggregated blocks according to the extent of knowledge use. The first of the two classifications came into use in Russia. The idea to extend the approach used in the manufacturing industry to the service sector looks like a promising one.

The second part evaluates the importance of the service sector by analyzing the experience of some EU countries where the services represent a major element of high tech activities. The assessment is made by comparing the high-tech service sector and manufacturing sector.

Comparison is made through a series of calculated indicators that reflect the scale of production, the added value and the added value share in the production volume. The two sectors which are key factors in the development of entrepreneurial activity – small and medium high-tech businesses – are compared using indirect assessments. For all analyzed parameters, the service sector points higher than manufacturing sector.

Keywords: subjects of innovation activity; classification; technological degree; manufacturing sector; extent of knowledge use; services; high-tech sector.

Эффективный мониторинг инновационных процессов, лежащий в основе их регулирования и государственной поддержки, требует постоянного развития классификационного аппарата, его гармонизации с международной практикой. В этом контексте представляют интерес классификации субъектов инновационной деятельности, позволяющие агрегированно оценивать инновационность отраслевой структуры по параметрам использования научных знаний. Суть таких классификаций — группировка субъектов инновационной деятельности в несколько агрегированных блоков в зависимости от характерного (для вида их деятельности) значения параметра использования научных знаний.

Рассмотрим две такие классификации.

Одна из них относится к субъектам, осуществляющим инновационную деятельность в отраслях обрабатывающей промышленности. Эта классификация [1] группирует предприятия в зависимости от степени технологичности, характерной для их вида деятельности. Под степенью технологичности

понимается наукоемкость производимой продукции. Для группировки субъектов по степени технологичности видов вводятся четыре дискретных уровня (*табл. 1*). Раскрытие уровней основывается на классификаторах [2–3].

Классификация, приведенная в *табл. 1*, начала использоваться и для анализа данных по России: с 2006 г. — в научной литературе [4], с 2007 г. в агрегированном варианте — в справочных изданиях [5].

Перспективной является идея пролонгации подхода, примененного к отраслям обрабатывающей промышленности, на другие сектора экономики. Интерес для России представляет вторая классификация, которая относится к субъектам, осуществляющим инновационную деятельность в сфере услуг [6]. В рамках этой классификации группировка субъектов осуществляется в зависимости от интенсивности использования знаний (*табл. 2*).

Из *табл. 2* следует, что для группировки субъектов сферы услуг с разной интенсивностью использования знаний применяется двухъярусный классификатор.

Классификация субъектов инновационной деятельности в зависимости от степени технологичности отраслей обрабатывающей промышленности

№ п/п	Классы субъектов инновационной деятельности в отраслях обрабатывающей промышленности	Виды экономической деятельности в соответствии с NACE Rev.2
1.	Субъекты (предприятия) высокотехнологичных отраслей	21. Производство базовых фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов. 26. Производство компьютеров, электронной и оптической аппаратуры. 30.3. Производство самолетов, космических аппаратов и соответствующих машин
2.	Субъекты (предприятия) средне-высокотехнологичных отраслей	20. Производство химических материалов и химической продукции. 25.4. Производство оружия и амуниции. 27–29. Производство электрооборудования, электрических машин, автомобилей, трейлеров и полутрейлеров. 30. Производство другого транспортного оборудования, за исключением кораблей, лодок, самолетов и космических аппаратов. 32.5. Производство медицинской и зубоорудочной аппаратуры, включая поставку медицинского оборудования
3.	Субъекты (предприятия) средне-низкотехнологичных отраслей	18.2. Производство воспроизводящей аппаратуры для СМИ. 19. Производство кокса и очищенной нефтяной продукции. 22–24. Производство резиновой и пластмассовой продукции и другой неметаллической минеральной продукции, производство базовых металлов. 25. Производство обработанной металлической продукции, за исключением машин, оборудования, вооружения и амуниции. 30.1. Кораблестроение и производство лодок. 33. Ремонт и установка машинного оборудования
4.	Субъекты (предприятия) низкотехнологичных отраслей	10–17. Производство продовольственных товаров, напитков, табачной продукции, текстиля и одежды, кожаных изделий, товаров деревообработки и бумажной промышленности. 18. Печатная продукция и воспроизводящая записывающая аппаратура. 31. Производство мебели. 32. Другая продукция обрабатывающей промышленности, за исключением медицинского и стоматологического оборудования

Источник: [1].

На верхнем ярусе классификатора вводятся две рубрики:

- субъекты, услуги которых основаны на интенсивном использовании знаний (*Knowledge intensive services — KIS*);
- субъекты, услуги которых основаны на менее интенсивном использовании знаний (*Less Knowledge intensive services — LKIS*).

Субъекты сектора услуг с интенсивным использованием знаний подразделяются на четыре класса (нижний ярус классификатора):

1) субъекты, предоставляющие рыночные услуги (исключая высокотехнологичные и финансовые услуги);

2) субъекты, предоставляющие высокотехнологичные услуги;

3) субъекты, предоставляющие финансовые услуги;

4) прочие субъекты.

Субъекты сектора услуг с менее интенсивным использованием знаний подразделяются на два класса (нижний ярус классификатора):

- субъекты, предоставляющие рыночные услуги;

- прочие субъекты.

В табл. 3 приводятся результирующие данные, характеризующие деятельность

Классификация субъектов инновационной деятельности в сфере услуг в зависимости от интенсивности использования знаний

№ п/п	Классы субъектов инновационной деятельности сферы услуг	Виды экономической деятельности в соответствии с NACE Rev.2
1.	Субъекты с интенсивным использованием знаний (KIS)	50–51. Водный транспорт и воздушный транспорт. 58–63. Издательская и кинематографическая деятельность, производство видео- и телепрограмм, запись аудио- и музыкальных программ, деятельность в области программирования и радиовещания, телекоммуникаций, консультативная деятельность и услуги. 64–66. Деятельность в области финансирования и страхования. 69–75. Юридическая и бухгалтерская деятельность. Обслуживание головных офисов компаний и консультации по вопросам менеджмента, архитектурная и инженерная деятельность, осуществление технического тестирования и анализа, осуществление НИОКР, исследования в области рекламы и маркетинга, другая профессиональная, научная и техническая деятельность. 78. Деятельность в области занятости. 80. Обеспечение безопасности и следственные действия. 84–93. Государственное управление, оборона, обязательное социальное страхование, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, искусство, рекреационная деятельность.
1.1	Субъекты с интенсивным использованием знаний в сфере рыночных услуг (исключая высокотехнологичные и финансовые услуги)	50–51. Водный транспорт и воздушный транспорт. 69–71. Юридическая и бухгалтерская деятельность. Обслуживание головных офисов компаний и консультации по вопросам менеджмента, архитектурная и инженерная деятельность, осуществление технического тестирования и анализа, другая профессиональная, научная и техническая деятельность. 73–74. Исследования в области рекламы и маркетинга, другая профессиональная, научная и техническая деятельность. 78. Деятельность в области занятости. 80. Обеспечение безопасности и следственные действия
1.2	Субъекты с интенсивным использованием знаний в сфере высокотехнологичных услуг	59–63. Кинематографическая деятельность, производство видео- и телепрограмм, запись аудио- и музыкальных программ, деятельность в области программирования и радиовещания, телекоммуникаций, консультативная деятельность и услуги. 72. Научные исследования и разработки
1.3	Субъекты с интенсивным использованием знаний в сфере финансовых услуг	64–66. Финансовая и страховая деятельность
1.4	Прочие субъекты с интенсивным использованием знаний	58. Издательская деятельность. 75. Ветеринарная деятельность. 84–93. Государственное управление, оборона, обязательное социальное страхование, образование, здравоохранение, социальное обеспечение, искусство, рекреационная деятельность.
2.	Субъекты с менее интенсивным использованием знаний (LKIS)	45–47. Оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов. 49. Наземный и трубопроводный транспорт. 52–53. Деятельность по складированию и оказание поддержки транспорту, почтовая и курьерская деятельность. 55–56. Услуги гостиниц, ресторанов и пр. 68. Недвижимая собственность. 77. Аренда и лизинг. 79. Туристические агентства, услуги туроператоров по резервированию гостиниц и пр.

		81. Услуги по строительству и ландшафтному проектированию. 82. Администрирование и офисная поддержка бизнеса. 94–96. Деятельность по осуществлению членства в организациях, ремонт компьютеров и домашнего оборудования и др. 97–99. Услуги по персональному обслуживанию домашних хозяйств, деятельность экстерриториальных организаций и пр.
2.1	Субъекты с менее интенсивным использованием знаний в сфере рыночных услуг	45–47. Оптовая и розничная торговля, ремонт автомобилей и мотоциклов. 49. Наземный и трубопроводный транспорт. 52. Деятельность по складированию и оказание поддержки транспорту. 55–56. Услуги гостиниц, ресторанов и пр. 68. Недвижимая собственность. 77. Аренда и лизинг 79. Туристические агентства, услуги туроператоров по резервированию гостиниц и пр. 81. Услуги по строительству и ландшафтному проектированию. 82. Администрирование и офисная поддержка бизнеса. 95. Ремонт компьютеров и домашнего оборудования и др.
2.2	Прочие субъекты с менее интенсивным использованием знаний	53. Почтовая и курьерская деятельность. 94. Деятельность по осуществлению членства в организациях. 96. Другие услуги индивидуального характера. 97–99. Услуги по персональному обслуживанию домашних хозяйств, деятельность экстерриториальных организаций и пр.

Источник: [6].

субъектов двух высокотехнологичных секторов экономики: обрабатывающей промышленности и сферы услуг в 28 странах ЕС в 2010 г.

Развитие системы показателей сферы услуг, увязанных с интенсивностью использования знаний, актуализируется на фоне происходящих сегодня структурных сдвигов. Использование знаний и информации как главных ресурсов современного экономического развития оказывает существенное влияние на отраслевую структуру и динамику экономики. К настоящему моменту в промышленно развитых странах сложилась структура экономики, в которой сфера услуг, знания и информация стали играть значимую роль, потеснив традиционные сферы производства материальных благ.

Сказанное можно продемонстрировать на примере сопоставительного анализа двух высокотехнологичных секторов (табл. 4):

- 1) знаниеемких услуг;
- 2) обрабатывающей промышленности стран ЕС.

Показатели табл. 4 рассчитаны на основе данных табл. 3; из 28 стран охватывается 19, по которым имеется полный набор исходных данных.

Сопоставление двух высокотехнологичных секторов деятельности (сферы услуг и обрабатывающей промышленности) на основе данных табл. 4 показывает следующее.

По масштабам производства в большинстве рассматриваемых стран (в 15 из 19) доминирует высокотехнологичный сектор знаниеемких услуг. По показателю объемов производства он опережает высокотехнологичный сектор обрабатывающей промышленности в несколько раз: более чем в 6 раз в Греции; более чем в 4 раза в Великобритании, Португалии и Литве; примерно в 2–3 раза во Франции, Нидерландах, Испании, Италии и Румынии. Схожая ситуация складывается по показателю годовых объемов продаж. Такое доминирование свидетельствует о значимости сферы услуг как структурного элемента высокотехнологичной деятельности.

По созданию добавленной стоимости в высокотехнологичной сфере деятельности доминирование сферы услуг в сравнении с обрабатывающей промышленностью проявляется в еще большей мере. Вклад сферы услуг в создание добавленной стоимости высокотехнологичной сферы деятельности

Таблица 3

Основные экономические показатели деятельности субъектов высокотехнологичных секторов в ЕС в 2010 г.*

Страны	Субъекты высокотехнологичных секторов обрабатывающей промышленности					Субъекты, оказывающие высокотехнологичные знанияемкие услуги				
	число фирм	годовой объем продаж, млн евро	объем производства, млн евро	произведенная добавленная стоимость, млн евро	валовые инвестиции в физическую товарную продукцию, млн евро	число фирм	годовой объем продаж, млн евро	объем производства, млн евро	произведенная добавленная стоимость, млн евро	валовые инвестиции в физическую товарную продукцию, млн евро
Бельгия	—	—	—	—	—	23 401	29 538	29 133	13 347	—
Болгария	424	—	—	—	—	7 199	3 184	3 061	1 565	—
Чешская Республика	3 958	12 123	11 663	1 220	273	30 625	12 390	11 856	5 660	799
Дания	630	11 614	11 344	5 108	476	12 681	20 205	17 902	8 916	1 259
Германия	8 975	108 936	98 505	38 432	4 460	83 584	185 905	145 154	85 133	10 108
Эстония	118	956	935	121	24	2 448	1 223	1 160	538	87
Ирландия	166	47 100	46 541	15 774	576	—	—	—	—	—
Греция**	544	1 813	1 663	781	591	13 466	12 682	10 283	6 102	3 833
Испания	3 027	20 946	18 405	5 954	669	42 294	73 235	57 499	33 875	366
Франция	3 403	71 151	58 242	19 199	—	98 183	157 163	156 157	68 564	—
Хорватия	795	—	—	—	—	4 890	—	—	—	—
Италия	6 680	48 957	47 862	15 740	1 266	101 381	104 493	107 367	48 859	5 712
Кипр	—	—	—	—	—	696	1 047	1 021	599	145
Латвия	131	—	—	—	—	2 928	1 171	1 156	526	125
Литва	153	324	310	92	18	1 873	1 326	1 249	562	116
Люксембург	10	—	—	—	—	1 651	—	—	—	—
Венгрия	1 749	20 890	18 024	2 628	486	33 846	9 296	6 763	3 769	603
Мальта	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Нидерланды	1 592	22 096	14 683	5 444	267	52 438	50 155	46 351	24 112	2 704
Австрия	648	8 397	7 356	3 281	316	16 612	16 415	11 702	7 238	998
Польша	3 097	15 123	13 166	2 759	436	50 430	22 094	20 544	10 382	1 806
Португалия	479	2 885	2 604	697	84	14 619	12 404	12 000	5 285	1 705
Румыния	1 092	3 567	3 399	706	171	15 201	7 786	7 420	3 508	1 321
Словения	325	2 040	1 910	822	167	6 313	2 850	2 555	1 115	176
Словакия	818	7 124	6 940	958	270	8 913	4 115	3 796	2 002	302
Финляндия	597	32 326	16 655	3 902	302	8 209	13 172	12 915	6 057	647
Швеция	1 875	—	—	—	—	48 404	35 135	32 852	14 457	1 405
Великобритания	6 831	45 923	42 866	21 127	1 216	139 017	209 558	195 015	90 704	13 003
ЕС-27 плюс 1	48 117	484 291	—	—	—	779 008	986 542	—	—	—

* Источник: URL: http://ec.europa.eu/eurostat/index.php/High-tech_statistics (дата обращения: 15.09.2014). ** 2009 г.

Таблица 4

Сравнительные экономические показатели деятельности субъектов высокотехнологического сектора знаниеемких услуг и субъектов высокотехнологического сектора обрабатывающей промышленности в странах ЕС в 2010 г.*

Страны	Отношение значения показателя в высокотехнологическом секторе знаниеемких услуг к его значению в высокотехнологическом секторе обрабатывающей промышленности				Доля добавленной стоимости в объеме производства в высокотехнологическом секторе деятельности, %		Средняя мощность производства (объем производства, приходящийся на одну высокотехнологическую фирму), млн евро	
	отношение годовых объемов продаж	отношение объемов производства	отношение добавленных стоимостей	отношение числа фирм	обрабатывающая промышленность	знаниеемкие услуги	обрабатывающая промышленность	знаниеемкие услуги
Чешская Республика	1,0	1,0	4,64	7,7	10	48	2,9	0,4
Дания	1,7	1,6	1,8	20,1	45	50	18,0	1,4
Германия	1,7	1,5	2,2	9,3	39	59	11,0	1,7
Эстония	1,3	1,2	4,5	20,7	13	46	7,9	0,5
Греция**	7,0	6,2	7,8	24,8	47	59	3,1	0,8
Испания	3,5	3,1	5,7	1,4	32	59	6,1	1,4
Франция	2,2	2,7	3,6	29,0	33	44	17	1,6
Италия	2,1	2,2	3,1	15,2	33	46	7,2	1,1
Литва	4,1	4,0	6,1	12,2	30	45	2,0	0,7
Венгрия	0,4	0,4	1,4	19,4	15	56	10,3	0,2
Нидерланды	2,3	3,2	4,4	32,9	37	52	9,2	0,9
Австрия	2,0	1,6	2,2	25,6	45	62	11,4	0,7
Польша	1,5	1,6	3,8	16,3	21	51	4,3	0,4
Португалия	4,3	4,6	7,6	30,5	27	44	5,4	0,8
Румыния	2,2	2,2	5,0	13,9	21	47	3,1	0,5
Словения	1,4	1,3	1,4	19,4	43	44	5,9	0,4
Словакия	0,6	0,6	2,1	10,9	14	53	8,5	0,4
Финляндия	0,4	0,8	1,6	13,8	23	47	27,9	1,6
Великобритания	4,6	4,6	4,3	20,4	49	47	6,3	1,4

* Рассчитано по данным таблицы 3. ** 2009 г.

в несколько раз превышает вклад обрабатывающей промышленности: более чем в 4–6 раз в Чешской Республике, Эстонии, Греции, Испании, Литве, Нидерландах, Португалии и Румынии; примерно в 2–3 раза в Германии, Австрии, Франции, Италии, Польше и Словакии. При этом для каждой из стран наблюдается большее доминирование по созданию добавленной стоимости, чем по масштабам производства. Исключение составляет

только Великобритания, где степень доминирования сферы услуг по созданию добавленной стоимости (в 4,3 раза) незначительно меньше степени доминирования по масштабам производства (в 4,6 раза) и объемам продаж (в 4,6 раза).

По процентной доле добавленной стоимости в объеме производства также лидирует высокотехнологический сектор знаниеемких услуг. Для него рассматриваемый

показатель имеет стабильно высокое значение по всем странам, изменяясь в узком диапазоне: от 44% (Франция, Португалия и Словакия) до 62% (Австрия). Нижняя граница этого диапазона (44%) служит верхним пределом для большинства стран в высокотехнологичном секторе обрабатывающей промышленности. Для 15 стран из 19 анализируемый показатель не выходит на данную границу (44%), изменяясь в диапазоне меньших значений — от 10% (Чешская Республика) до 43% (Словения). Эту границу превышают, причем незначительно, только 4 страны из 19 — Австрия и Дания (45%), Греция (47%) и Великобритания (49%). При этом значение рассматриваемого показателя в сфере услуг превышает его значение в обрабатывающей промышленности по каждой из стран. Исключение и здесь составляет только Великобритания, где доля добавленной стоимости по сфере услуг (47%) незначительно меньше этой доли по обрабатывающей промышленности (49%).

Приведенные расчетные данные говорят о роли сферы услуг как фактора создания добавленной стоимости в высокотехнологичном секторе экономики.

Отношение числа фирм одного высокотехнологичного сектора к числу фирм сектора-аналога позволяет охарактеризовать роль сферы услуг как фактора развития предпринимательской активности в высокотехнологичной сфере деятельности. По этому показателю лидерство высокотехнологичного сектора знаниеемких услуг проявляется для всех стран и при этом в большей мере, чем по предыдущим показателям. Превышение числа фирм по сравнению с аналогом сектора составляет несколько десятков раз: более чем в 20–30 раз в Великобритании, Дании, Греции, Франции, Нидерландах, Австрии, Португалии и Эстонии; в 7–20 раз в Германии, Финляндии, Италии, Литве, Венгрии, Польше, Румынии, Словакии и Чешской Республике.

О роли высокотехнологичного сектора знаниеемких услуг как фактора развития и становления малого и среднего высокотехнологичного бизнеса косвенно говорят сопоставительные данные по средней

(в расчете на одно предприятие) мощности производства. Для обрабатывающей промышленности этот показатель имеет разброс в широком диапазоне — от 2 млн евро (для Литвы) до 27,9 млн евро (для Финляндии). При этом его усредненное по 19 странам значение составляет 8,8 млн евро. Иная картина складывается в сфере услуг. Здесь показатель средней мощности предприятия изменяется в узком диапазоне: 0,2–1,7 млн евро. Усредненное по 19 странам значение показателя составляет на порядок меньшую величину, чем в аналоге сектора, — 0,9 млн евро. Характерно, что для группы бывших социалистических стран, реформирующих свои экономики, роль данного показателя как фактора создания рабочих мест в малом и среднем высокотехнологичном бизнесе еще значительнее. Здесь мощность производства в рассматриваемом секторе сферы услуг стабильно невелика и находится для всех стран в диапазоне 0,2–0,7 млн евро.

Таким образом, анализ опыта ряда стран ЕС свидетельствует о доминировании сектора знаниеемких услуг как структурного элемента высокотехнологичной деятельности. Опережая высокотехнологичный сектор обрабатывающей промышленности по ряду позиций, означенный сектор сферы услуг выступает сегодня как ведущий фактор создания добавленной стоимости; развития предпринимательской активности; становления малого и среднего бизнеса; обеспечения рабочих мест в высокотехнологичной сфере деятельности. Возрастание роли сферы услуг в знаниеемких видах деятельности актуализирует необходимость мониторинга и оценки происходящих структурных сдвигов, что требует введения в национальную практику соответствующего классификационного аппарата. Необходимые ориентиры для России предоставляет международный опыт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Eurostat indicators of High-tech industry and knowledge-intensive services, January 2014. Aggregations of manufacturing based on NACE Rev. 2. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/>

- cache/ITY_SDDS/Annexes/htec_esms_an3.pdf (дата обращения: 1.10.14).
2. Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE) Rev. 2. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-RA-07-015/EN/KS-RA-07-015-EN.PDF (дата обращения: 2.10.14).
 3. Standard International Trade Classification (SITC), Rev. 3. URL: <http://unstats.un.org/unsd/cr/registry/regcst.asp?Cl=14> (дата обращения: 2.10.14).
 4. Голыченко О. Г. Национальная инновационная система: состояние и пути развития. М.: Наука, 2006. С. 55.
 5. Индикаторы инновационной деятельности: 2007. Статистический сборник. М.: ГУ ВШЭ, 2007. С. 9.
 6. Eurostat indicators of High-tech industry and knowledge — intensive services, January 2014. Aggregations of services based on NACE Rev. 2. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_SDDS/Annexes/htec_esms_an3.pdf (дата обращения: 9.10.14).
- REFERENCES**
1. Eurostat indicators of High-tech industry and knowledge-intensive services, January 2014. Aggregations of manufacturing based on NACE Rev. 2. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_SDDS/Annexes/htec_esms_an3.pdf (date of access: 1.10.14).
 2. Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE) Rev. 2. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-RA-07-015/EN/KS-RA-07-015-EN.PDF (date of access: 2.10.14).
 3. Standard International Trade Classification (SITC), Rev. 3. URL: <http://unstats.un.org/unsd/cr/registry/regcst.asp?Cl=14> (date of access: 2.10.14).
 4. Golichenko O. G. Natsional'naia innovatsionnaia sistema: sostoianie i puti razvitiia [National Innovation System: state and development trends]. M.: Nauka, 2006, p. 55. (In Russ.)
 5. Indikatory innovatsionnoi deiatel'nosti: 2007. Statisticheskii sbornik [Indicators of innovation activity: 2007. Statistical Yearbook]. M.: GU VSHE, 2007, p. 9. (In Russ.)
 6. Eurostat indicators of High-tech industry and knowledge — intensive services, January 2014. Aggregations of services based on NACE Rev. 2. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_SDDS/Annexes/htec_esms_an3.pdf (date of access: 9.10.14)

НОВОСТИ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Зимняя школа «Инновации в образовании: концепции, проблемы, решения»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ФИНУНИВЕРСИТЕТА
 ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
 3–5 февраля 2015 г.

Зимняя школа для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей на тему: «Инновации в образовании: концепции, проблемы, решения».

Цель зимней школы: обсуждение перспектив применения дистанционного обучения (СДО) в условиях активизации сетевых форм обучения. Зимняя школа — это открытая площадка, где каждый может выступить с докладом или с небольшим выступлением, поучаствовать в мастер-классах, задать вопросы и получить ответы, обменяться опытом преподавания. Это возможность получить актуальные знания по проведению научно-исследовательского семинара в магистратуре и аспирантуре, интерактивными методами обучения, модели партнерства в обучении, повысить свои профессиональные навыки и компетенции. Участие в данной школе будет интересно преподавателям и научным сотрудникам; магистрантам и аспирантам.

Источник: <http://www.fa.ru/news/Pages/2014-12-25-winterschool2015.aspx>

УДК 330 (332.14)

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

МАРКАРЯН ВАРВАРА РАФАЕЛОВНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и финансы», Краснодарский филиал Финансового университета, г. Краснодар, Россия

E-mail: markarianvr@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В условиях все большей интеграции и глобализации проблема обеспечения конкурентоспособности регионов становится задачей, решение которой зависит не только от наличия и эффективного использования традиционных факторов производства (труд, земля, капитал), но и выявления новых условий внешней и внутренней среды экономики региона.

В статье показана роль геостратегических и этноэкономических факторов в развитии региональных социально-экономических систем. Изменение внешних макроэкономических условий, в которых находятся регионы России, требует разработки новых подходов к управлению их развитием, обоснованы основные направления совершенствования системы приоритетов региональных целевых программ социально-экономического развития в части перехода от отраслевого к функциональному (горизонтальному) подходу при их формировании для периферийных регионов, в том числе Краснодарского края.

Ключевые слова: интеграция и глобализация; традиционные факторы производства; геостратегия; геоэтноэкономика; приоритеты развития; геоэтноэкономический потенциал.

PERSPECTIVES OF REGIONAL DEVELOPMENT (BY AN EXAMPLE OF THE KRASNODAR TERRITORY)

VARVARA R. MARKARIAN

PhD (Economics), associate professor of the Economics and Finance Chair, Krasnodar Branch of the Financial University, Krasnodar, Russia

E-mail: markarianvr@gmail.com

ABSTRACT

Given the increasing omnipresent integration and globalization, ensuring the competitiveness of regions is becoming a problem that can be solved not only by efficient use of conventional production factors (labor, land, capital) but also by revealing new aspects of the external and internal economic environment of a region.

The paper discusses the role of geostrategic and ethnoeconomic factors in the development of regional social and economic systems. The change of the external macroeconomic environment of Russian regions requires development of new approaches to regional management. The prospective areas of improving the system of priorities for regional target programs of social and economic development are substantiated in the context of transition from the sectoral to functional (horizontal) approach to their formation for peripheral regions, including the Krasnodar Territory.

Keywords: integration and globalization; conventional production factors; geostrategy; geoethnoeconomy, development priorities; geoethnoeconomic potential.

Современные тенденции усиления процессов интеграции и глобализации приводят к усилению геополитических факторов при формировании единого экономического пространства стран и регионов, повышению значимости расширения внешнего взаимодействия региональных социально-экономических систем с аналогичными им территориальными образованиями и, как следствие, росту значимости внутренней экономической обстановки регионов в реализации их стратегий развития. Учитывая происходящие в настоящее время во всем

мире процессы этнического ренессанса, учет и эффективное использование этноэкономических факторов в развитии многонациональных и мультиконфессиональных регионов приобретают особое значение [1, с. 118–121].

Особенности геостратегического положения и этноэкономических институциональных условий развития предпринимательской среды региона могут быть рассмотрены как новые ресурсы (источники) повышения конкурентоспособности региональных социально-экономических систем, образующие некий геоэтноэкономический потенциал, который в настоящее время используется недостаточно эффективно, но при этом служит весьма значительной составной частью совокупного потенциала региона.

Исследование проблематики повышения эффективности использования геоэтноэкономических ресурсов региона с целью выработки конкретных практических предложений по вовлечению их в региональный воспроизводственный процесс требует формирования соответствующей теоретической, методологической и инструментальной основы [2, с. 91–93].

Экономические ресурсы имеют большое значение в национальной и региональной экономике, определяют характер ее функционирования, темпы, структуру и масштабы развития. Они представляют собой базу для экономического роста. По сути, экономические ресурсы — это вид ресурсов, который может быть использован для производства материальных и духовных благ. В этом смысле геоэтноэкономические ресурсы представляют собой тот резерв развития периферийных регионов, который в настоящее время эффективно не используется и требует выработки новых подходов к их оценке и вовлечению в региональный воспроизводственный процесс. Однако в современной теории региональной экономики отсутствует четкое выделение данного типа ресурсов, в большинстве исследований они не рассматриваются как один из возможных элементов экономического потенциала региона. В то же время

для периферийных регионов Юга России свойственно специфическое сочетание особого геополитического положения, дополняющегося многонациональным составом коренного населения, которое формирует уникальную внутреннюю экономическую обстановку, что требует выделения геоэтноэкономических ресурсов периферийных регионов в отдельную категорию.

Сформированные на территории периферийных регионов геоэтноэкономические ресурсы нуждаются в формировании системы целенаправленного управления для вовлечения их в региональный воспроизводственный процесс. Отсутствие четко определенной системы приводит, как видно на практике, к целому ряду негативных последствий для экономики регионов Юга России: деградации трудовых ресурсов и человеческого капитала в целом, низкому уровню социально-экономического развития большинства субъектов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, депрессии их экономического потенциала, ограничениям внутренних источников социально-экономического развития, формированию очагов социально-политической напряженности.

Управление геоэтноэкономическими ресурсами (совокупным потенциалом) периферийных регионов должно быть построено на основе системного подхода, что применительно к проблематике исследования означает рассмотрение в качестве объекта управления не только самих ресурсов, но и социально-экономических процессов и отношений, возникающих в регионе по поводу их использования. Это предполагает формирование системы методов и инструментов, обеспечивающих повышение упорядоченности (снижения энтропии) данных процессов и отношений, что требует выработки соответствующих методологических подходов к использованию совокупного потенциала региона, его оценке, инструментов и методов воздействия на объекты управления [3, с. 45–47].

Управление развитием совокупного потенциала периферийных регионов не может быть построено на обычных подходах,

используемых для оценки эффективности использования других типов ресурсов региона (природных, человеческих, капитала), так как требует учета слабо формализуемых факторов, среди которых — особенности менталитета и их влияние на предпринимательскую активность населения, этническая специфика неформальных институтов, сформировавшихся в группах, народный колорит и богатство историко-этнического культурного наследия. Подробное изучение данных аспектов с целью выявления экономических резервов и их использования в воспроизводственном процессе, скорее всего, окажется безрезультатным. В связи с этим необходим новый подход, обеспечивающий «взгляд сверху» на вышеназванные аспекты и позволяющий найти универсальные для всех этнических групп свойства, обеспечивающие реализацию их геоэтноэкономического потенциала. К таким свойствам следует отнести: востребованность историко-культурных аспектов жизни и хозяйственной деятельности малых этнических групп на мировых туристских рынках; уровень предпринимательской активности в каждой из этнических групп; существенное влияние этнической идентификации на принципы и сферы хозяйственной деятельности экономических субъектов. Это позволяет говорить о возможности применения коммуникативно-когнитивного подхода к управлению геоэтноэкономическими ресурсами, позволяющего использовать целенаправленное воздействие на коллективное мышление этнических групп с целью активизации их экономической деятельности в сферах, обеспечивающих формирование культурно-полиэтнического имиджа региона у потенциальных потребителей туристско-рекреационных услуг (зарубежных и российских).

Управление совокупным потенциалом региона предполагает периодическую оценку результатов осуществляемых мер по его развитию. Поскольку это понятие является многокомпонентным, для его оценки не существует однозначно принятых показателей. Одним из основных подходов

геоэтноэкономического потенциала как подсистемы общего совокупного экономического потенциала является формирование системы показателей, отражающих различные его стороны (элементы). С одной стороны, таких показателей должно быть достаточно для того, чтобы получить полную картину анализируемого объекта. С другой стороны, чрезмерная детализация может привести к переизбытку информации, сложности ее восприятия и ограничению возможностей для поиска ошибок в принятии решений и реализованных на их основе мер. Наиболее объективным подходом при формировании системы показателей оценки геоэтноэкономического потенциала региона целесообразно считать использование трех основных групп показателей, отражающих его основные составляющие — социально-экономические, геоэкономические, этноэкономические, содержание которых может детализироваться в зависимости от конкретных целей исследования.

Для эффективного управления совокупным потенциалом региона не всегда достаточно иметь систему соответствующих показателей, так как она не позволяет сравнивать между собой различные территории (регионы) по уровню развития их подсистем, а также проводить сопоставление геоэтноэкономического потенциала относительно одного и того же региона за разные временные периоды. Для решения этой задачи можно использовать интегральный подход, означающий построение одного интегрального (составного) показателя, обобщающего наиболее значимые характеристики исследуемой категории и позволяющего на основе такого обобщения получить числовую оценку уровня ее развития. Применительно к теме исследования целесообразно использовать индексный подход к построению индекса развития геоэтноэкономического потенциала, отражающего три его основные составляющие:

- 1) уровень жизни;
- 2) наличие внешнерегиональных экономических связей;

3) уровень развития экономических видов деятельности на основе этнокультурного наследия.

Развитие геоэтноэкономического потенциала является многоаспектной задачей, имеющей стратегическое значение для развития регионов России, в особенности приграничных. Краснодарский край является многонациональным регионом с выгодным геополитическим положением, это достаточно высокоразвитый регион, с большими возможностями дальнейшего экономического роста. В Стратегии развития Кубани рекреационно-туристский комплекс является одним из главных приоритетов. Однако значимость геоэтноэкономических ресурсов в реализации Стратегии развития региона недостаточно высока. Регион обладает высоким рекреационно-туристским потенциалом, однако, как и для большинства периферийных регионов, для него свойственно недостаточно высокое качество сервиса при относительно высоких ценах. Это приводит к тому, что значительная часть потенциальных потребителей рекреационного комплекса Краснодарского края предпочитают другие места отдыха (в частности, зарубежные) с более высоким уровнем обслуживания.

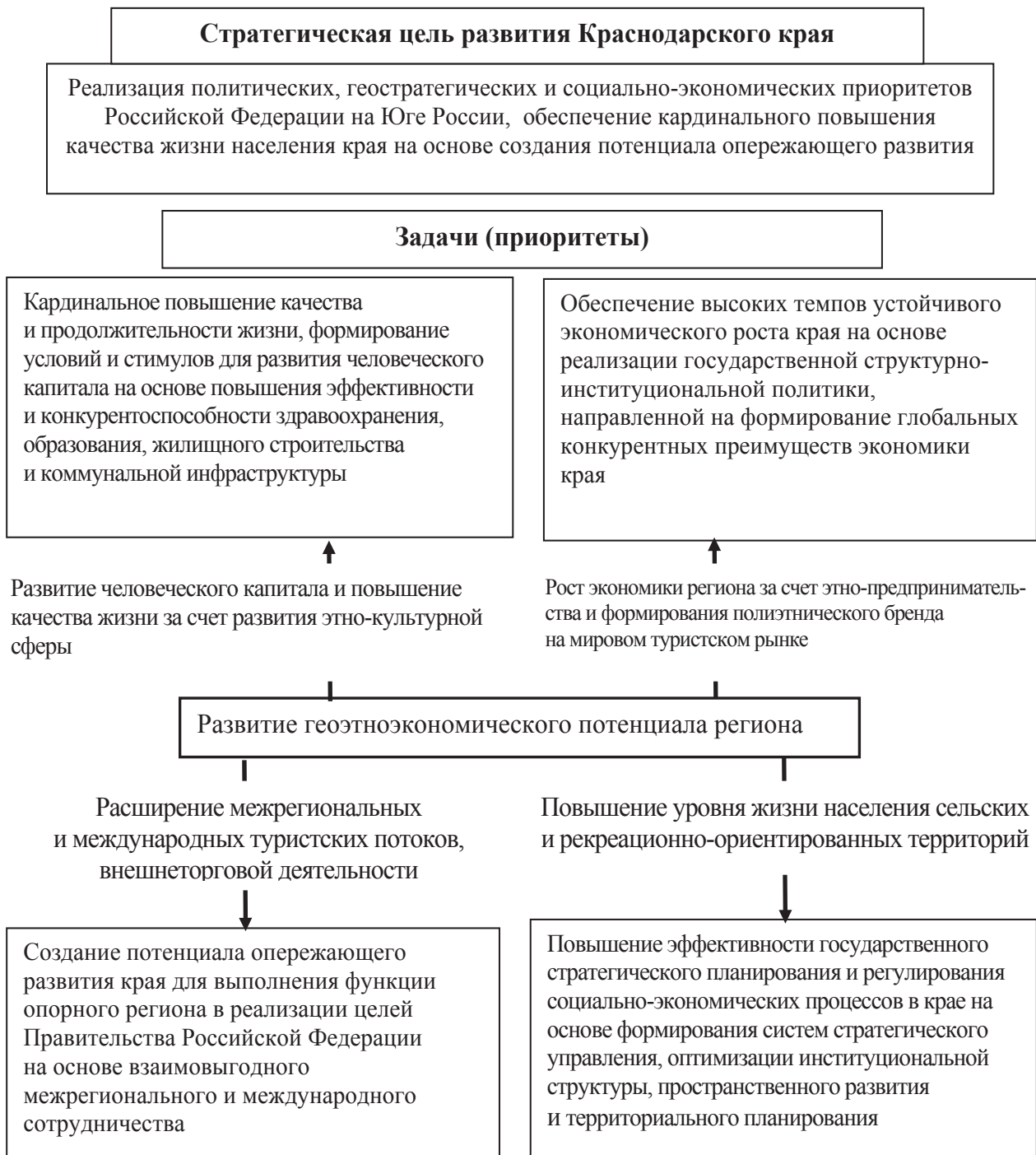
Для повышения имиджа региона на мировом и национальном рынках рекреационно-туристских услуг требуются новые подходы к его формированию с учетом вовлечения в этот процесс не используемых на сегодняшний день геоэтноэкономических ресурсов. В данном случае наиболее целесообразен программно-целевой подход, который может быть осуществлен в рамках как отдельной областной целевой программы, так и комплексной программы социально-экономического региона в виде ее отдельной подпрограммы (приоритета). В настоящее время в практике разработки программно-целевых документов используется отраслевой подход к определению приоритетных направлений развития региона, так называемых «локомотивов роста», при этом не уделяется внимания развитию и использованию этноэкономических ресурсов.

В то же время большинство развитых стран отказываются от отраслевого подхода в связи со сложностью обоснования приоритетности одной отрасли по сравнению с другими развивающимися отраслями региональной экономики. Это требует смены принципов построения системы приоритетов от отраслевого к «горизонтальному» в программно-целевых документах и рассмотрения задачи развития геоэтноэкономического потенциала как приоритета, обеспечивающего задействование экономического резерва использования во всех отраслях и сферах региональной экономики.

Развитие геоэтноэкономического потенциала на первых этапах потребует существенного вложения средств в поддержку предпринимательской активности населения в этно-ориентированных видах экономической деятельности. К таким видам деятельности целесообразно отнести:

- производство сувенирной и другой продукции, отражающей специфику культурно-этнического наследия, для потенциальных туристов и местного населения (непосредственно сувенирная продукция, предметы быта, национальная одежда, посуда, ткани и т.п.);
- производство культурно-этнических услуг (театры, развитие и создание новых творческих коллективов — танцевальных, песни и пляски, актерских, художественных и др.); производство товаров и услуг в сфере общественного питания и гостиничного бизнеса на основе национальных традиций и многое другое.

Активизация населения в данных сферах деятельности потребует поддержки со стороны региональных и местных органов власти, а также привлечения существенных частных ресурсов в развитие соответствующей инфраструктуры и расширение рынков сбыта. В этой связи наиболее подходящим инструментом развития геоэтноэкономического потенциала региона является государственно-частное партнерство, в рамках которого возможна реализация всего многообразия форм взаимовыгодного сотрудничества и определения сфер этого сотрудничества между

Влияние приоритета развития геозтноэкономического потенциала на реализацию стратегических целей развития Краснодарского края *

* Разработано автором.

государственным и частным секторами региональной экономики.

В настоящее время в этноэкономике используется большая часть сырьевых ресурсов, производимых частным образом, и значительная часть ресурсов общественного сектора экономики. Население региона, отнесенное статистикой к «экономически неактивному населению»

и регистрируемое в регионах расселения этносов Северного Кавказа, составляет 40–45% общего количества проживающих. В этом секторе производится значительная часть потребляемых товаров массового спроса, 20% продуктов растениеводства, до 75% продукции животноводства.

Таким образом, этноэкономика — равноправный сектор хозяйственного комплекса

Юга России и составляющих его регионов, в том числе Краснодарского края, обеспечивающий, как показал опыт, экономическую стабильность народа даже в условиях глубокого и продолжительного экономического кризиса (рисунок).

Кроме того, как было показано ранее, в современных условиях глобализации этноэкономические виды деятельности при целенаправленном их развитии могут дать новый качественный рост ряду отраслей региональной экономики.

Однако традиционная трактовка понятия «этноэкономика» в настоящее время устарела. Принято считать, что в этой сфере предпринимательская деятельность имеет ресурсно-хозяйственную базу для развития в следующих подотраслях мелкотоварного производства:

- 1) по переработке продукции аграрного сектора экономики;
- 2) по производству промышленных товаров массового спроса;
- 3) по сбору и переработке дикорастущих растений и плодов.

Однако, помимо мелкотоварного производства, этноэкономика может трактоваться более широко и современно. Например, к направлениям этноориентированного предпринимательства, основанного на развитии этнокультурной сферы, целесообразно отнести: создание частных музеев, выставочных павильонов национальных искусств; развитие сети объектов торговой инфраструктуры, продвигающих этноориентированную продукцию (одежду, предметы быта, сувенирную продукцию, предметы культуры и искусства и др.); расширение сети объектов общественного питания, ориентированных на национальные кухни; деятельность в области создания частных театров, творческих коллективов, домов творчества, акцентирующих внимание в своем репертуаре на исполнении национальных танцев, песен, музыки; развитие деятельности гостиниц и других объектов размещения населения и туристов, учитывающих национально-культурные традиции организации быта и отдыха.

Развитие государственных программ поддержки всех вышеперечисленных отря-

слей этноэкономики позволит обеспечить расширение сырьевой базы предприятий переработки, снизить напряженность на региональном рынке труда за счет развития самозанятости и дополнительной занятости населения, обеспечить развитие малого предпринимательства и как следствие расширение налогооблагаемой базы регионального и местных бюджетов, снизить долю теневого сектора региональной экономики, способствовать развитию сферы культуры.

Управление геоэтноэкономическим потенциалом региона предполагает оценку уровня его развития. В связи с этим предлагается методика построения интегрального показателя уровня развития геоэтноэкономического потенциала, позволяющая объединить в одном показателе его различные структурные компоненты. Оценка уровня использования этноэкономических ресурсов, по нашему мнению, целесообразно построить на учете трех его основных составляющих: уровне жизни в регионе; уровне развития внешнерегиональных (межрегиональных и международных) связей региона как результат использования его геоэкономического потенциала; уровне развития этноэкономики региона. На основе вышеназванных индексов был рассчитан общий индекс развития геоэтноэкономического потенциала (ИРГЭЭПР) как среднеарифметическая сумма¹.

Практическое значение проведенного исследования заключается в том, что полученный теоретический и эмпирический материал может использоваться для формирования особого алгоритма действий, а именно институционализации туристской политики, направленной на формирование эффективной системы управления сферой туризма в условиях рынка с участием всех заинтересованных сторон (органов власти

¹ Более полно предлагаемая методика представлена в отчете о НИР «Формирование эффективного механизма использования национально-культурных особенностей региона с целью привлечения туристов и укрепления научно-методологической базы отрасли», выполненной на базе Краснодарского филиала Фининиверситета по заказу Сочинского государственного университета, материалы которого легли в основу разработки методики оценки эффективности рекламной деятельности по продвижению санаторно-курортного и туристского потенциала Краснодарского края.

всех уровней, инвесторов, профессионалов туристского бизнеса, общественных организаций, населения).

Понятие «институционализация туристской политики» подразумевает под собой разработку и принятие органами власти конкретного субъекта Федерации комплекса институциональных управленческих решений, направленных на наиболее полное раскрытие ресурсного потенциала дестинации и поддержку деятельности предприятий и организаций туристской сферы.

Целью данного научного исследования являлось выявление потенциальных рисков и возможностей использования элементов совокупного потенциала региона и его национально-культурных особенностей с целью привлечения туристов и укрепления научно-методологической базы отрасли. Среди потенциальных рисков наиболее значимыми представляются геополитические и международные риски.

Геополитические риски. На развитие сферы туризма, как внутреннего, так и въездного, оказывает большое влияние политическая ситуация внутри страны и в сопряженных государствах. Военные и террористические действия могут привести к снижению туристского потока и формированию образа России как страны, неблагоприятной для туризма, а также уменьшению инвестиционной привлекательности.

Международные риски. Успешное функционирование сферы туризма напрямую зависит от состояния международных отношений России с другими странами; ситуации на международных рынках; курсов валют; степени взаимной интеграции государств, что особенно важно для регионов приграничного туризма.

Анализ возможных направлений решения системной проблемы подтверждает необходимость разработки единой государственной стратегии развития сферы туризма, основанной на сочетании институционального и проектного подходов; развития сотрудничества между государственными структурами всех уровней, бизнес-сообществом и общественными организациями,

направленной на реализацию приоритетных задач в рамках каждого из стратегических направлений².

С 2002 по 2005 г. в России реализовывалась Концепция развития туризма, одобренная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 июля 2002 г. № 954-р, которая выполнила основные задачи, обозначенные Планом мероприятий. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 г. является логическим продолжением Концепции развития туризма, учитывает современные мировые тенденции в сфере туризма и текущий этап развития российской туристской индустрии.

В соответствии с положениями данной Стратегии разработан План мероприятий по ее реализации на перспективу до 2015 г., являющийся неотъемлемой ее частью. Положения Стратегии должны стать основой для общегосударственного понимания места и роли сферы туризма в экономике страны, реализации основных задач развития туризма, стоящих перед органами исполнительной власти всех уровней, а также определить направления и уровень государственной поддержки туристской индустрии.

Одним из важнейших направлений Стратегии является участие в разработке и реализации Федеральной целевой программы (ФЦП) «Развитие историко-культурных зон в России» совместно с Минкультуры России³. Целью участия в ФЦП является создание условий для развития въездного и восстановления внутреннего туристского потока с культурно-познавательными целями. К задачам, решаемым в рамках ФЦП, относятся: формирование туристской и сервисной инфраструктуры в историко-культурных зонах городов и поселений; соединение интересов культуры и туризма для создания оптимальных условий развития частно-государственного партнерства; обеспечение сохранности исторической

² Приоритетные национальные программы. URL: <http://www.krasnodar.ru/content/73/show/164/> (дата обращения: 15.09.2014).

³ Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2015 г. URL: <http://www.kurortkuban.ru/> (дата обращения: 15.09.2014).

застройки малых городов в историко-культурных зонах; формирование туристической и сервисной инфраструктуры в зонах развития культурно-познавательного туризма; поддержка развития народных промыслов и ремесел.

Ожидаемые результаты: повышение занятости населения и, как результат, снижение социальной напряженности в регионах; сохранение историко-культурных зон малых и средних городов России как центров русской провинциальной культуры; увеличение бюджетных поступлений; рост въездного и внутреннего туристского потока.

В настоящее время Единое экономическое пространство (ЕЭП) представляет собой экономическую и политическую интеграцию России, Казахстана и Беларуси. Будут выработаны обязательства сторон в рамках единой экономической политики и обеспечения свободного передвижения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Высший Евразийский экономический совет утвердил дорожную карту присоединения Армении к Таможенному союзу (ТС) и ЕЭП. Рассмотрены также вопросы членства Киргизии в ТС и предоставления Украине статуса наблюдателя при ЕЭП. Изъявили свое желание присоединиться к Таможенному союзу не только бывшие республики СССР Узбекистан и Таджикистан, но и Сирия, Израиль, Индия⁴.

Создание единого внутреннего (инклюзивного) рынка на постсоветском пространстве на основе экономической логики и сбалансированного партнерства создаст реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего Евразийского континента. В этих условиях возникают большие возможности перенаправить потоки туристов из стран — членов ЕврАзЭС на причерноморские курорты и туристические маршруты.

Таким образом, развитие этноэкономики и других структурных составляющих геоэтноэкономического потенциала Краснодарского края имеет положительное

воздействие не только на рост других отраслей и секторов региона, но и обеспечение социальной стабильности, межнационального мира и согласия в многонациональном и многоконфессиональном регионе, каким является Юг России, и в частности Краснодарский край. В связи с этим данное направление должно быть рассмотрено в качестве одного из приоритетов развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–121.
2. Киселева Н.Н. Этноэкономическая составляющая системной организации юга России // Российская академия естествознания. 2007. № 11. С. 91–93.
3. Липина С.А. Обоснование приоритетов социально-экономического развития республик Северного Кавказа (методология и практика): дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. С. 45–47.

REFERENCES

1. Ovchinnikov V.N., Kolesnikov Ju.S. Etnoekonomika kak faktor razvitiia [Ethnoeconomy as a factor of development]. Problemy prognozirovaniia — Problems of Forecasting, 2006, no. 1, pp. 118–121. (In Russ.)
2. Kiseleva N.N. Etnoekonomicheskaia sostavliaiushchaia sistemnoi organizatsii iuga Rossii [The ethnoeconomic component of the systemic organization of South Russia]. Rossiiskaia akademiia estestvoznaniia — the Russian Academy of Natural Sciences, 2007, no. 11, pp. 91–93. (In Russ.)
3. Lipina S.A. Obosnovanie prioritetrov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia respublik Severnogo Kavkaza (metodologiya i praktika) [Justification of the socio-economic development priorities for the North Caucasus republics (methodology and practice)]. Dissertatsia d-ra ekon. nauk — ScD Thesis in Economics, M., 2011, pp. 45–47. (In Russ.)

⁴ Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: <http://trueinform.ru> (дата обращения: 15.09.2014).

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 339.7:336.7 (045)

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕДИТНЫЕ ИНСТИТУТЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ЯРЫГИНА ИРИНА ЗОТОВНА

доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировые финансы», Финансовый университет, Москва, Россия
E-mail: jiz4@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В международных валютно-кредитных и финансовых отношениях особая роль принадлежит межгосударственным кредитным институтам, которые способствуют модернизации мировой экономики и развитию экономического сотрудничества на базе взаимного уважения и поддержки стратегических программ развития стран – членов межгосударственных кредитных институтов. В настоящее время необходима всесторонняя оценка проблем и перспектив деятельности межгосударственных банков в Российской Федерации, а также разработка предложений, направленных на оптимизацию их роли в обеспечении интересов субъектов хозяйствования.

Данная публикация является результатом всесторонних исследований теоретических и практических основ многолетней деятельности межгосударственных кредитных институтов, которые проводились автором в 2007–2014 гг. на фундаментальных и прикладных работах российских и зарубежных экспертов в области межгосударственных финансовых и экономических отношений, экономической политики, формирования многополярного миропорядка. Исследование основывается на использовании методов системного анализа.

В статье предложены способы наиболее эффективного обеспечения стратегических интересов Российской Федерации в условиях включения страны в систему глобальной экономики. Доказывается необходимость укрепления роли России – члена межгосударственных кредитных институтов – в международных финансовых отношениях.

Материалы представленной работы могут быть использованы государственными институтами, регулирующими межгосударственные финансовые и экономические отношения при разработке стратегических и тактических программ развития, а также корпоративными и прочими структурами всех форм собственности, заинтересованными в развитии мирохозяйственных связей и расширении рынков товаров и услуг.

Ключевые слова: межгосударственный банк; международные финансовые отношения; банковские продукты и услуги.

INTER-STATE CREDIT INSTITUTIONS IN MODERN RUSSIA

IRINA Z. YARYGINA

ScD (Economics), Professor, the Global Finance Chair, the Financial University, Moscow, Russia

E-mail: jiz4@yandex.ru

ABSTRACT

Inter-state credit institutions play a special role in the international monetary and financial relations. They contribute to the modernization of the world economy and development of economic cooperation based on mutual respect and support of strategic development programs of the members of inter-state credit institutions. Currently a comprehensive assessment of the problems and prospects of interstate banking activities in the Russian Federation is needed. Additionally, there is a necessity to develop proposals aimed at optimizing their role to meet the interests of businesses.

The work is the result of extensive research conducted by the author in 2007–2014 and the investigation into theoretical and practical principles of long-term activities of inter-state credit institutions. Also, it encompasses latest research findings, both applied and fundamental, in the field of interstate financial and economic relations, economic policy, multipolar world.

The research uses system analysis methods that ensure a high degree of research quality.

The paper suggests the most effective ways to ensure the strategic interests of the Russian Federation in the conditions of Russia's inclusion into the global economy. It substantiates the need to strengthen the role of Russia as a member of inter-state credit institutions in international financial relations.

The work is addressed to state institutions regulating inter-state financial and economic relations when developing strategic and tactical development programs as well as corporate and other bodies involved in the development of international economic relations and expansion of markets for goods and services.

Keywords: Inter-state bank; international financial relations; banking products and services.

В условиях совершенствования международных финансовых отношений заметную роль играют межгосударственные кредитные институты, осуществляющие банковское обеспечение делового сотрудничества стран и их экономических субъектов. Многие из таких институтов в настоящее время входят в систему ООН, что создает благоприятные условия для международной деятельности и способствует поддержке экономических связей, финансовой и методической помощи странам в предотвращении системных и мировых кризисов.

Важным многосторонними кредитными институтом системы ООН является Всемирный банк (ВБ), в структуру которого входят Международный банк реконструкции и развития (МБРР), созданный в 1945 г., Международная ассоциация развития (МАР), основанная в 1960 г., Международная финансовая корпорация (МФК), организованная в 1956 г., Многостороннее агентство по инвестициям и гарантиям (учреждено в 1988 г.) и др.

Значительную роль в формировании мировой валютной политики играет также Мировой валютный фонд (МВФ), который учрежден в 1944 г. для содействия международному сотрудничеству в валютной сфере, сбалансированности международной торговли, росту занятости, создания многосторонней системы платежей и осуществления контроля за соблюдением странами-членами международных норм. Основным акционером МВФ и ВБ является США (более 17% голосов в каждом банке). Современные условия международных финансовых отношений и изменения роли стран — участниц мирохозяйственных

связей способствуют реформированию институциональных основ мировой валютной системы. В этой связи представляется целесообразным использовать участие Российской Федерации в межгосударственных институтах в целях укрепления позиции страны в мировой экономике.

Анализ системы региональных экономических отношений показал, что наиболее активным кредитным институтом является созданный в 1990 г. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). Россия является членом ЕБРР, а наибольшая доля в капитале банка (10%) принадлежит США. Как показала практика, банк успешно справлялся со своей экономической миссией, о чем свидетельствуют многочисленные и эффективные региональные программы и фонды развития, направленные на всестороннюю поддержку частных институтов, в том числе в России. В настоящее время деятельность ЕБРР носит политизированный характер, что противоречит стратегическим интересам ряда стран — участниц банка.

МВФ, ВБ, ЕБРР имеют свою историю развития отношений со странами СНГ, Центральной и Восточной Европы, БРИКС и др.

Укреплению международных экономических и финансовых отношений с участием России способствуют Международный банк экономического сотрудничества, (создан в 1963 г.), Международный инвестиционный банк (создан в 1970 г.), Межгосударственный банк (создан в 1993 г.), Евразийский банк развития (создан в 2006 г.). В 2014 г. подписано соглашение о создании Банка развития БРИКС.

Остановимся подробнее на вопросе участия межгосударственных банков в развитии национальных экономик, принимая во внимание значительный опыт финансовой деятельности Международного банка экономического сотрудничества (МБЭС) и Международного инвестиционного банка (МИБ).

МБЭС учрежден странами — членами Совета экономической взаимопомощи 22 октября 1963 г. в целях всестороннего содействия экономическому сотрудничеству, для обеспечения выполнения взаимных обязательств по товарным поставкам, укрепления платежной системы, осуществления многосторонних расчетов в замкнутой региональной валюте («переводной рубль»). В 1963 г. членами МБЭС являлись Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, Румыния, СССР, Чехословакия (ЧСФР), с 1974 г. — Куба, с 1977 — Вьетнам. После раздела ЧСФР членами Банка в 1993 г. стали Чехия и Словакия. Уставный капитал Банка составляет 400 млн евро и может быть увеличен в соответствии с Соглашением о создании банка развития БРИКС¹ [1].

В настоящее время МБЭС — открытый межгосударственный институт, членами которого могут быть заинтересованные страны, признающие Устав банка. В условиях формирования многополярного мира новый стимул развитию экономического сотрудничества может придать вступление в члены МБЭС стран СНГ, БРИКС и пр.

Высшим руководящим органом банка является Совет, члены которого назначаются правительствами стран-участниц. Каждая страна при решении вопросов в Совете Банка имеет один голос *независимо от размера долевого участия в уставном капитале*.

Создание МБЭС было вызвано объективной необходимостью развития международного экономического сотрудничества. МБЭС приступил к финансовой поддержке программ развития стран-членов в январе 1964 г. В течение 50 лет своей деятельности банк выполняет задачу содействия экономическому сотрудничеству и развитию национального хозяйства стран-членов, а также

расширению их сотрудничества с другими странами на базе использования развитой платежной системы. МБЭС — акционер Сообщества всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций (СВИФТ, *англ. SWIFT — Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications*), международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей, что является позитивным ресурсом скорого, качественного и гибкого обеспечения потребностей клиентов с использованием современной глобальной телекоммуникационной сети, которая неизбежно и уверенно пойдет по пути формирования многостороннего клиринга. На базе МБЭС создана система безналичных расчетов («переводной рубль»), участниками которой по-прежнему являются все страны — члены банка, активно использовавшие замкнутую региональную валюту в системе межгосударственных отношений Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Оптимизация клиринговой системы расчетов на базе имеющейся инфраструктуры может способствовать расширению использования рубля и других национальных валют в международных экономических отношениях.

В связи с мировым экономическим кризисом 90-х гг. XX столетия деятельность МБЭС осуществлялась в весьма сложных условиях, связанных с экономическими и политическими преобразованиями в большинстве стран-участниц. Несмотря на экономические кризисы России — страны местопребывания, банк оставался прибыльным кредитно-финансовым институтом, что свидетельствует о его квалифицированном руководстве. В самые трудные посткризисные периоды в России, с 1991 по 2000 г., МБЭС заработал около 60 млн евро чистой прибыли.

С начала 90-х гг. банк развивал деятельность, направленную на расширение коммерческих функций в целях качественного обеспечения потребностей субъектов рыночных отношений. В условиях осуществления в странах-членах рыночных преобразований и банковских реформ МБЭС адаптировался к требованиям рынка и его субъектов, квалифицированно исполнял международные расчеты, финансовое и кредитное обслуживание

¹ Аналитические материалы Международного банка экономического сотрудничества. 1997–2014. URL: <http://www.interfax.ru/business/385953> (дата обращения 15.06.2014).

клиентов на базе гибкого использования преимуществ межгосударственного института. В конце 1991 г. в МБЭС было открыто свыше 800 текущих счетов. На вторую половину 1992 г. приходится пик его клиентской активности: 174 коммерческих банка и 278 предприятий и организаций имели в МБЭС более 900 счетов в свободно конвертируемых валютах. Обороты по счетам клиентов составили за 1992 г. 8,3 млрд экю, а остаток средств на указанных счетах достиг к концу сентября 1992 г. 320 млн экю. Возникшая в 90-х гг. задолженность стран-участниц перед МБЭС явилась причиной сокращения банковских операций с клиентами и контрагентами. Банк был вынужден ограничиться проведением максимально безопасных валютно-финансовых, кредитных операций, используя главным образом сохраненные собственные средства и ограниченные долгом стран-акционеров возможности привлечения новых ресурсов с международных финансовых рынков.

В настоящее время банк эффективно использует собственные и привлеченные средства, широкий спектр продуктов и услуг для обеспечения экономических связей, сохраняет финансовую устойчивость, располагает безупречным опытом международной банковской деятельности и высокой репутацией надежного межгосударственного института.

Международный инвестиционный банк (МИБ) учрежден в 1970 г. Объектами кредитования МИБ являются строительство, расширение, модернизация, реконструкция и техническое перевооружение предприятий, проведение проектно-изыскательских работ, непосредственно связанных с капиталовложениями и производством продукции, а также опытно-конструкторские работы, внедрение новых технологических проектов, внедренческая деятельность, включая приобретение и освоение лицензий и пр.²

Банк располагает возможностью предоставлять кредиты сроком до 15 лет. В соответствии с действующим регламентом финансируемые банком объекты должны соответствовать высшему научно-техническому

уровню и обеспечивать производство продукции высшего качества.

Банк принял к кредитованию более 200 инвестиционных объектов в странах-членах (других странах) и предоставил кредиты на сумму более 7 млрд евро. Эти средства использованы на цели, определенные Уставом банка и направленные на развитие стран-членов. С участием банка осуществлено строительство и реконструкция предприятий черной и цветной металлургии, машиностроения, электротехнической и других отраслей промышленности, автомобильных магистралей, проведена модернизация железнодорожных линий. Платежно-расчетные операции проводились через МБЭС, используя платежную систему «переводной рубль». Имея экономическую нишу, банки эффективно дополняли друг друга в осуществлении качественного и всестороннего банковского обслуживания субъектов хозяйствования стран Центральной, Восточной Европы, Азии, Кубы. Принятые к кредитованию объекты относятся к различным отраслям экономики: расширение добычи и модернизации процесса переработки алмазов, финансирование разработки и освоения месторождения по добыче россыпного золота и др. Кроме того, предоставлены кредиты частным структурам на расширение производства прохладительных напитков, производства молока, молочных продуктов и пр. Приняты к кредитованию объекты в области строительства торгового комплекса, сети магазинов, офисного помещения и др. Кредиты на указанные объекты предоставлялись на срок от 2 мес. до 5 лет по фиксированным и плавающим процентным ставкам с учетом уровня рисков.

В соответствии с Соглашениями о создании банков их высшим органом управления является Совет, который состоит из представителей стран-участниц и определяет общее направление деятельности, основные принципы финансовой, процентной, кредитной политики, назначает председателя и членов Правления, принимает решение об открытии отделений, представительств в странах-членах и других странах, о формировании специальных фондов, в том числе для финансирования отдельных экономических программ в интересах стран-акционеров. Руководство

² Аналитические материалы Международного инвестиционного банка. URL: <http://www.iibbank.com/> (дата обращения: 15.06.2014).

оперативной деятельностью осуществляет Правление банка. В его состав входят по одному представителю, рекомендуемому каждой страной и назначаемому Советом. Кадры банка комплектуются из граждан всех стран-членов.

Имущество МИБ, как и МБЭС, независимо от места их нахождения пользуется дипломатическим иммунитетом, помещения банка являются неприкосновенными. Банки на территории стран-членов имеют различные льготы, используют дипломатический статус для обеспечения экономических интересов стран-участниц на гибких условиях в целях укрепления роли стран в системе международных финансовых и экономических отношений.

Практика показала, что межгосударственные кредитные институты (МКИ) располагают уникальными преимуществами и экономической нишей, способствующей реализации проектов и программ развития. Современные условия России подтверждают необходимость укрепления роли МКИ в целях расширения участия страны в мирохозяйственных связях.

Предпосылки успешной деятельности межгосударственных банков в условиях современной России следующие:

- соглашения об организации банков и их уставные документы создают достаточные базовые условия для использования на многосторонней основе всех принятых в современной мировой практике банковских продуктов, услуг и операций, направленных на максимальное удовлетворение потребностей клиентов и контрагентов;
- деятельность банков представляет интерес для субъектов хозяйствования стран-членов, о чем свидетельствует устойчивая тенденция к увеличению клиентской базы;
- банки располагают прозрачной финансовой структурой, являющейся хорошей основой развития международной деятельности;
- валютой баланса ряда банков является евро, финансовая отчетность соответствует лучшим международным стандартам;
- имеются прочные деловые контакты с международными, государственными, частными и общественными институтами в странах пребывания банков;

- деятельность банков обеспечивает технологическая платформа, отвечающая современным требованиям банковских технологий, что способствует международным платежным и расчетным операциям, а также многостороннему клирингу;

- межгосударственные банки располагают многолетним опытом и высокой степенью доверия государственных и частных институтов стран-членов, что способствует расширению деятельности в текущих условиях.

Развитие международного экономического сотрудничества способствует объективному определению стратегического фокуса межгосударственных банков: всестороннее и эффективное содействие международным торговым отношениям, финансирование программ развития, поддержка малого и среднего бизнеса с целью совершенствования экономик стран-членов, сбалансированности международной торговли и платежей на базе использования гибкой ценовой политики.

Глобализация мирового хозяйства и интенсификации региональных связей в странах — учредителях банка ставят их перед необходимостью содействия наращиванию объемов взаимной торговли, поиска дополнительных к бюджету финансовых ресурсов для реализации программ развития национальных экономик, решения социальных задач, в том числе проблем трудовой занятости населения. В этой связи укрепляется роль межгосударственных банков — эффективное и всестороннее банковское обслуживание субъектов хозяйствования стран-членов, обеспечение качественной поддержки экспортных и импортных связей, сопровождение реализации национальных и международных программ, индустриальных проектов, что представляет существенный интерес для стран-учредителей.

В этой связи представляется целесообразным способствовать расширению деятельности межгосударственных банков — национальных кредитных институтов в целях развития международных экономических и финансовых связей, гарантирования, страхования, обеспечения международных расчетов, кредитования проектов и программ экономического сотрудничества, в том числе на синдицированной основе с использованием

имеющихся возможностей и преимуществ межгосударственных институтов в интересах стран-учредителей.

Всестороннее банковское сопровождение и реализация программ развития в рамках краткосрочного и среднесрочного проектного финансирования также способствует строительству новых производственных объектов, расширению производства продукции, ее экспорту, повышению жизненного уровня населения. Особое значение для учредителей банка имеет обеспечение роста товарных поставок в рамках многосторонних экономических связей, уменьшение дефицита торгового и платежного баланса, развитие единого экономического пространства. В этих условиях последовательная реализация значительных возможностей межгосударственных банков и их взаимодействий будет способствовать развитию традиционных экономических связей. Исполняя свои функции, банки такого типа создают условия формирования дополнительных источников финансовых ресурсов, способствующих реализации национальных стратегических задач, и укрепляют место и роль стран-участниц в мировой экономике. Являясь субъектами международного права (основополагающие документы банков, как правило, регистрируются в секретариате ООН), межгосударственные банки в своей деятельности основываются на международной и правовой практике при безусловном уважении национального законодательства стран.

Реально оценивая перспективу межгосударственных банков в России, представляется возможным сделать вывод об их способности использовать все известные мировой практике банковские инструменты, а также преимущества наднациональных институтов в целях эффективного решения экономических задач. Банки такого типа способны последовательно реализовать стратегические и тактические задачи, используя интернациональный по своему характеру капитал, структуру менеджмента, знание рынков. При этом межгосударственные банки опираются на привилегии и иммунитет, присущие их статусу: льготные налоговый и таможенный режимы, способствующие укреплению и реальной оценке перспектив межгосударственных институтов, способных

минимизировать операционные и прочие издержки клиентов; реализовывать гибкую ценовую политику, обслуживать значительное количество рыночных сегментов; использовать широкий географический горизонт мобилизации кредитных ресурсов и размещения средств в целях качественного обеспечения экономических потребностей акционеров, клиентов и контрагентов.

Так, например, межгосударственные банки способствуют формированию институциональной основы деофшоризации экономики, что предполагает повышение роли государственной поддержки национального экспорта, в том числе на уровне государственных компаний стран — членов банка. Ключевыми отраслями такой поддержки являются нефтегазовая, металлургическая, атомная энергетика, телекоммуникационные услуги, сельское хозяйство [1]. Сдерживанию оттока капитала из России содействует реализация программ льготного финансирования и гарантирования сделок, что связано с использованием преимуществ межгосударственных банков на рынках капиталов и услуг. Гибкий тариф комиссионного вознаграждения, предполагающий минимизацию налоговой базы, привлекателен для субъектов хозяйствования. Высокая насыщенность отечественного рынка продукцией и вытекающее из этого стремление расширить свой сбыт за счет зарубежных рынков, а также стремление клиентов банков к стабильному доступу к иностранным ресурсам укрепляют нишу межгосударственных банков и предоставляют выход потребителям банковских продуктов и услуг на рынки стран-членов.

В настоящее время значительный интерес для развития экономики России представляет финансирование проектов развития и модернизации экономики [2]. Межгосударственные банки способны содействовать расширению гаммы финансовых инструментов депозитно-инвестиционного характера, ориентированных прежде всего на отечественные компании. Новые финансовые инструменты должны обладать приемлемыми для их приобретателей характеристиками хеджирования рисков и иметь достаточно высокий уровень доходности. В мировой практике такими качествами обладают инфраструктурные облигации,

основными характеристиками которых являются номинал, выраженный в иностранной валюте, и обеспечение в форме государственных гарантий. Необходимым условием обращения инфраструктурных облигаций является наличие организованных ликвидных фондовых рынков. Институциональная основа инфраструктурных облигаций — межгосударственные банки с участием России (МБЭС, МИБ, Межгосударственный банк и др.).

Как показывает мировая практика, проекты, связанные с выпуском инфраструктурных облигаций, наряду с комплексом мер по улучшению инвестиционного климата оказывают позитивное влияние на снижение объемов вывоза капитала, в том числе в офшорные зоны.

Минимизация налоговой базы в рамках публичного размещения акций межгосударственными банками, развитие нормативной базы применения финансовых инструментов, известных в мировой практике, — все это будет способствовать расширению предложений банковских продуктов и услуг на российском рынке.

Взаимодействие межгосударственных кредитных институтов с российскими банками за границей, являющимися резидентами зарубежных стран, также способствует развитию экономических связей и обеспечивает укрепление места России в мировой экономике.

Преимущества, вытекающие из статуса межгосударственных банков, их местоположение (преимущественно Россия), глубокое знание актуальных проблем экономического развития стран-членов позволят межгосударственным банкам последовательно и активно расширять сферы деятельности в различных регионах мира. В своей деятельности межгосударственные банки поддерживаются правительствами своих стран, они способны оптимизировать всестороннюю банковскую деятельность на базе расширения корреспондентской сети, охватывающей в настоящее время значительное количество кредитных институтов, в том числе в рамках международных профессиональных ассоциаций.

Межгосударственным кредитным институтам с участием России целесообразно уделять особое внимание развитию партнерских отношений с банками и промышленными предприятиями стран-членов, расширению деловых

контактов с производителями, потребителями продукции, субъектами международной торговли. Государственные экспортно-импортные банки и национальные агентства страхования экспорта стран-членов готовы стать стратегическими партнерами межгосударственных банков в рамках решения общих экономических задач.

В условиях формирования многополярного мира и при поддержке правительств стран-участниц надежные кредитные институты внесут ощутимый вклад в реализацию программ экономического развития, торгового сотрудничества и придадут новый импульс международным деловым контактам.

Являясь стержнем экономических связей, межгосударственные кредитные институты с учетом «политической воли» способны обеспечить качественную поддержку экономического роста стран-членов, создать условия для решения социальных программ, повышения занятости населения и будут способствовать расширению места и роли России — основного акционера в мирохозяйственных связях. Многолетний опыт межгосударственных банков — хорошая основа поддержки делового сотрудничества субъектов хозяйствования любых форм собственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козловский Е.А., Комаров М.А., Макрушин Р.Н. Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР: стратегия недропользования. М.: Ладомир. 2013. С. 283.
2. Кашаева О.С., Хамчиев Б.Б. Экспертиза политики инновационного развития // Государственная служба. 2010. № 6. С. 24.

REFERENCES

1. Kozlovskii E. A., Komarov M. A., Makrushin R. N. Brazilia, Rossiia, Indiiia, Kitai, IuAR: strategiia nedropol'zovaniia [Brazil, Russia, India, China, South Africa: A Strategy for subsoil use]. M.: Ladomir, 2013, p. 283. (In Russ.)
2. Kashaeva O. S., Khamchiev B. B. Ekspertiza politiki innovatsionnogo razvitiia [Examination of policy innovation development]. Gosudarstvennaia sluzhba — public service, 2010, no.6, p. 24. (In Russ.)

УДК 001.895:368 (045)

ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОМ СТРАХОВАНИИ: МОДА ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

САВВИНА НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА

директор филиала страховой компании «ОРАНТА – Москва»

E-mail: garkundel@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Предметом анализа настоящей статьи являются различные точки зрения на содержание термина «инновационный страховой продукт», а также определяются качества продукта, которые позволяют признать его инновационным.

Цель исследования – аргументирование объективной необходимости инновационного подхода в отечественном страховании как безальтернативного условия его выживания на открытом международном страховом рынке. Методологической основой проведенного исследования стали как общенаучный метод (теоретическое моделирование), так и специальные методы (в частности, метод описания изучаемых явлений, метод сопоставления существующих примеров успешной практической деятельности, метод выявления и формулирования существенных характеристик и признаков и др.). Автор придерживается следующей классификации инноваций в страховании: коммерческие (рыночные); технические; финансовые; организационные и социальные.

В статье рассмотрен жизненный цикл инновационного страхового продукта на всех стадиях его развития (начальной стадии, стадии реализации проекта и стадии завершения работ по проекту).

Так как страховой бизнес теснейшим образом связан с уровнем социально-экономического развития государства, в статье рассматриваются основные причины, не позволяющие участникам страхового рынка в полной мере использовать преимущества инновационного подхода в этой важнейшей отрасли экономики.

Развитие инновационного бизнеса в России – ключевой фактор преодоления стагнации и кризисных проявлений отечественной экономики. Предлагаемые рекомендации в отношении совершенствования взаимодействия страхователей и страховщиков при выводе на рынок инновационных продуктов могут быть использованы в процессе практической деятельности заинтересованных лиц.

Ключевые слова: страхование; инновации; создание новых страховых продуктов.

RUSSIAN INNOVATION BUSINESS: INNOVATION IS A BUZZWORD OR A COMPETITIVE NECESSITY?

NATALYA E. SAVVINA

Director of the ORANTA – Moscow Insurance Company branch

E-mail: garkundel@mail.ru

ABSTRACT

The paper analyzes different points of view on the term «innovative insurance product» and, in particular, points out those features which permit to consider the new product as innovation.

The research seeks to substantiate the need to adopt an innovative approach to domestic insurance business as an unalternative condition of its survival on the open global insurance market.

The research uses both general scientific method (theoretical modeling) and special methods (such as the descriptive phenomenological method, benchmarking, identification and formulation of the essential qualities or attributes, etc.) The author classifies insurance innovative products in business as follows: commercial (market); technical; financial; organizational and social.

The end-to-end life cycle of an innovative insurance product includes all stages of its development: initial stage, project stage and project completion stage). As insurance business is tightly connected to social and economic development of the state, the article reveals main reasons preventing to apply an innovative approach in the insurance sector. Innovation business would be key for Russia to overcome its current stagnation and crisis. The suggested recommendations towards the improvement of cooperation between policyholders and insurers at the innovation product launch step can be used by all interested parties.

Keywords: insurance; innovation; development of an innovative insurance product.

Понятия «инновация», «инновационная деятельность», «инновационные процессы» и т. д. широко используются в современной науке. В зависимости от сферы практической деятельности, в которой это понятие употребляется, оно понимается по-разному. Это может быть и изобретение совершенно нового, и улучшение уже существующего продукта; иметь отношение как к сфере интеллектуальной деятельности, так и к материальному производству. Кроме того, этим понятием могут определяться и новации в социально-политической сфере.

По-разному понятие «инновации» определяют и в научной литературе.

Пионером научного анализа процессов совершенствования материальной жизни общества был Й. Шумпетер, и естественно, что подобные рассуждения являются развитием его идей о типах нововведений, к которым он относил:

- создание новых товаров;
- использование новых технологий и новой техники;
- освоение нового рынка сбыта;
- открытие новых источников сырья;
- проведение организационных новшеств [1].

Проблема инновационной деятельности большей частью имеет экономическое содержание, поэтому в экономической науке она преимущественно и рассматривается. В этой области научных знаний термин «инновация» является ординарным: здесь сформирована теория инноваций, обосновывающая методологию осуществления инновационных преобразований, гносеологическую основу которой составляют теории и концепции закономерностей научного и технологического развития как человеческой цивилизации в целом, так и отдельных хозяйствующих субъектов.

Однако следует отметить, что многочисленные усилия, предпринимаемые в целях унификации использования понятий «инновация» и «инновационная деятельность», на данный момент еще не привели к единому пониманию их сущности. Решение данной проблемы усложняется тем, что

она является предметом исследования различных отраслей научного знания: экономической, философской, социологической, лингвистической. В зависимости от объекта и предмета исследования инновации рассматриваются с самых разных сторон: как процесс, как система, как изменение, как результат. По этой причине одни авторы подчеркивают творческую составляющую инновации, другие — производственную, третьи — потребительскую.

Инновацию можно определить и как ценность, которая в данное время, в данной отрасли воспринимается обществом, как новшество с улучшенными потребительскими свойствами, полученное с меньшими затратами, либо как новшество, полученное в результате фундаментальных или прикладных исследований.

В современном обществе инновации применяются во многих областях жизни: социальные, промышленные, управленческие, организационные и т. д.

Что представляют собой инновации в страховании? На этот вопрос у практиков и теоретиков страхового дела также нет единого ответа.

По мнению автора, инновации в страховании могут быть подразделены на группы в соответствии с их функциональной направленностью (табл. 1).

Таким образом, инновации в страховании представляют собой коммерческие, технические, финансовые, организационные и социальные изменения в обществе и государстве, которые влекут создание нового страхового продукта.

При рассмотрении данной проблемы важно иметь в виду и существенное различие между понятиями «продукт-новинка» и «инновационный продукт». В полной мере инновационным является продукт, базирующийся на существенных изменениях в его производстве и позволяющий потребителю получить новые потребительские качества, в отличие от продукта-новинки как версии уже существующего продукта.

Нововведение — объективная экономическая категория, один из основных элементов в системе производственных отношений

Таблица 1

Классификация инноваций в страховании

Коммерческие (рыночные)	Технические	Финансовые	Организационные	Социальные
Создание новых товаров в связи с интеллектуальным развитием общества: • создание новых страховых продуктов с целью удержания и расширения доли страховщика на рынке; • введение новых обязательных видов страхования	Использование новых технологий и новой техники: • развитие Интернета и IT-систем позволило выпускать страховые полисы в электронном виде (без «живой» подписи клиента и страховщика); • развитие Интернета и IT-систем предопределило появление новых страховых рисков, например фишинг	Открытие новых видов страховых рисков в финансовой сфере: • изменение рисков произошло при переходе от плановой системы хозяйствования к рыночной. Появились новые типы риска: • риск неполучения прибыли; • риск признания предприятия и физического лица банкротом; • риск перерыва в производстве / деятельности	Проведение организационных новшеств, которые существенно влияют на ценность продукта для клиента: • предоставление дополнительных сервисных услуг клиенту в рамках уже существующих страховых продуктов; • упрощенный порядок выплаты страхового возмещения в случае наступления убытков (например, заявление об убытке по телефону или через мобильные приложения)	Освоение нового рынка сбыта: • создание страховых продуктов, направленных на удовлетворение специфических запросов страхователей (например, страхование определенных частей тела, страхование домашних любимцев от специфических рисков)

инновационной экономики. Без определения сущности и содержания термина «нововведение» категориальная система инновационной экономики испытывает большие трудности. Без нововведений невозможно представить и современный экономический механизм, обеспечивающий собственное воспроизводство. В прогрессивных экономических государственных системах взаимоотношения людей также во многом определяются их инновационным потенциалом.

Сущность и содержание инноваций в страховом бизнесе базируются на методологических основах инновационной теории, учете свойств и функций инноваций, законов и закономерностей инновационных процессов, специфике управления инновационной деятельностью и др.

Современные подходы к характеристике инноваций в страховом бизнесе и их

основное содержание довольно подробно рассмотрены А.Н. Жилкиной. Страховые инновации предполагают наличие таких аспектов усовершенствования, как улучшение качества потребительских характеристик полезности; научно-технологическая новизна; управляемость; рискоустойчивость; экономичность; эффективность; социально-экономическая значимость; производственная реализуемость; коммерческая применимость [2, с. 21].

В зависимости от степени инновационности того или иного продукта можно говорить о нескольких разновидностях нововведений. Во-первых, это могут быть совершенно новые продукты, обусловленные возникновением потребности нового типа, ранее не встречавшейся. Как правило, количество таких продуктов невелико и возникают они достаточно редко. Такие

инновации принято называть «радикальными инновациями». Во-вторых, это могут быть продукты, сочетающие в себе наилучшие черты нескольких товаров, получивших большую потребительскую признательность. Такие инновации принято называть «комбинаторными инновациями». И, в-третьих, это могут быть усовершенствованные продукты, ранее использовавшиеся на рынке. Их принято называть «модифицирующие инновации».

Внедрение инновационных продуктов является одной из самых рискованных сфер предпринимательской деятельности. Высокие риски вызваны неопределенностью факторов, способных повлиять на результаты этой деятельности. Неопределенность не только отрицательной, но и положительной альтернативы обуславливает высокую привлекательность инновационной деятельности только для тех, кто готов и имеет возможность рискнуть [3, с. 3].

Отдельно хотелось бы отметить недостаточную конкурентоспособность большинства страховых компаний, не входящих в ТОП-20 российских страховщиков. Размеры сравнительно небольших страховых компаний не позволяют им на равных бороться с «грандами» страхового бизнеса, вкладывая значительные средства в рискованные инновации. Таким образом, самостоятельно разрабатывать новые инновационные продукты могут позволить себе только крупные компании, но они в этом тоже не заинтересованы, так как вполне успешны. Поэтому стоит признать, что потребность в инновационной деятельности в страховании сегодня недостаточно активно выражена.

Некоторым особняком стоят страховые компании, являющиеся дочерними компаниями по отношению к иностранным инвесторам. Зачастую иностранными инвесторами являются крупные страховые холдинги, представленные во многих странах мира. Поэтому, несмотря на относительно небольшие размеры дочерних компаний, иностранные страховщики имеют возможность внедрять инновации, используя передовой опыт своих основных фирм. Обычно страховые продукты заимствуются

у лидеров страхового рынка (в том числе иностранных) или модернизируются уже имеющиеся продукты. Использовать передовой опыт во многом проще и эффективнее — это позволяет избежать собственных ошибок. Однако использовать зарубежные страховые продукты можно лишь с учетом уровня экономического развития нашей страны и страховой культуры. В условиях отсутствия развитой страховой культуры в России и отношения к страхованию как обязательному налогу, а также принимая во внимание невысокий уровень жизни основной части населения страны, в России сложно внедрять даже те продукты, которые широко используются за рубежом. В частности, в Европе пользуется популярностью такой страховой продукт, как страхование финансовых рисков, возникающих в связи с необходимостью обращения страхователя за юридической помощью (по любым потенциальным вопросам, включая представительство в суде).

Этот продукт имеется также в линейке страховых продуктов единственного участника ООО СК «ОРАНТА», финансово-страховой группы EUREKO (Нидерланды). Трудно представить, чтобы этот продукт был распространен в настоящее время в России. В силу экономической и политической нестабильности, низкого уровня страховой культуры, незавершенной реформы судебной системы во введении подобного продукта не заинтересованы ни страховщики, ни страхователи.

Важнейшей предпосылкой создания нового страхового продукта является, в конечном счете, потребность страхователя в его существовании. Без изменения общественных потребностей трудно рассчитывать на востребованность новых страховых продуктов. Изменение потребностей общества может быть вызвано серьезными пертурбациями в сфере социально-экономических и политических отношений, что способно в значительной степени как ускорить, так и затормозить развитие страхового рынка.

Инновации в страховании ряд авторов классифицируют по различным признакам в зависимости от направления деятельности,

которую осуществляет страховая компания. Наиболее показательной можно считать позицию Ю.А. Платонова, который основными направлениями этой деятельности считает создание страхового продукта, сопровождение страхового продукта, развитие каналов сбыта страховых услуг, организационно-управленческую деятельность страховой компании, взаимодействие страховой компании с элементами внешней среды [4].

Страховой продукт определяется набором основных и вспомогательных услуг, предоставляемых страхователю при заключении договора страхования. Объектом продуктовых инноваций в страховании является основная страховая услуга, а изменения во вспомогательных услугах относятся к технологическим инновациям.

Инновационное развитие страховой деятельности, направленное на создание новых страховых продуктов, Ю.А. Платонов рассматривает в следующих аспектах.

Во-первых, страховая компания принимает меры для создания совершенно нового страхового продукта для зарубежной и отечественной практики. Во-вторых, совершенствуется страховой продукт, уже используемый на рынке. В-третьих, страховая компания заимствует продукт, уже показавший свою эффективность, и продвигает его как новшество. В практике, сложившейся на российском страховом рынке, в большинстве случаев новым страховым продуктом является модификация старого продукта, которому присущи новые свойства, необходимые для удовлетворения имеющихся запросов у отечественных страхователей [5].

Анализ существующей практики страхового бизнеса показывает, что существенно успеха добиваются те компании, которые комплексно подходят к организации своей деятельности. Они рассматривают и самих себя, и все, что делают, в виде системы — совокупности следующих компонентов: структуры и организации компании, ее персонала; информационного компонента деятельности компании; технологического компонента деятельности, включающего в себя прогностический аспект в виде стратегического и повседневного планирования.

К числу стратегических задач развития компании относятся в первую очередь концепция и миссия ее деятельности.

Внедрение инновационного проекта — продолжительный, затратный и рискованный процесс. Общеизвестно, что любой прогрессивный проект от появления идеи до своего завершения проходит через ряд последовательных ступеней развития, составляющих жизненный цикл инновационного проекта, и который принято делить на стадии:

- начальную (прединвестиционную);
- реализации проекта;
- завершения работ по проекту [1, с. 143].

В зависимости от актуализируемой стадии можно определить и задачи, и виды деятельности, и привлекаемые менеджментом компании ресурсы.

Жизненный цикл инновационного страхового продукта и характерные черты каждой стадии указаны в *табл. 2*.

Бесспорной является мысль о том, что идея любого инновационного проекта должна иметь в основе научные и маркетинговые исследования и подстраиваться под потребителя [6, с. 199–227].

Благодаря осуществленному на начальной (прединвестиционной) стадии анализу страховая компания может выявить потребности рынка и предложить на рынок инновационный страховой продукт.

Базовым принципом организации планирования инновационной деятельности страховой компании является его альтернативность, т.е. составление нескольких вариантов плана с целью оперативного реагирования на изменения внешней и внутренней среды. Альтернативность нереализуема без гибкости (вариативности) — возможности пересмотра первоначального плана при появлении новых тенденций развития страхового рынка. Для повышения мотивации сотрудников компании целесообразно оперативное информирование всех ее работников о поставленных целях, задачах инновационной деятельности и возникающих проблемах в ходе их реализации.

В последнее время в ряде страховых компаний активизировался процесс внутренней

Таблица 2

Жизненный цикл инновационного страхового продукта

Начальная (прединвестиционная) стадия	Стадия реализации проекта	Стадия завершения работ по проекту
<p><i>Изучение</i> потребностей страхового рынка в определенном сегменте. <i>Изучение</i> ситуации на страховом рынке. <i>Определение</i> состава конкурентов и их позиций на рынке. <i>Определение</i> состава потребителей. <i>Определение</i> потребностей потребителей. <i>Определение</i> механизма продажи полиса (качество каналов сбыта: чем сложнее полис, тем выше уровень подготовки продавца). <i>Комплексная оценка</i> внедрения нового продукта (оценка репутационных и иных рисков внедрения продукта), определение ценности продукта для клиента. <i>Составление бизнес-кейса</i>, анализ затрат на разработку и внедрение нового страхового продукта, а также размер ожидаемой подписанной премии в краткосрочной перспективе (обычно в пределах 3 лет). <i>Определение</i> планируемой убыточности по новому продукту. <i>Определение</i> целевого размера комиссионного вознаграждения. <i>Определение</i> ожидаемого периода окупаемости проекта, а также прибыли компании. <i>Принятие</i> решения о разработке продукта уполномоченным органом компании (например, продуктовым комитетом). <i>Определение</i> проектной группы для работы по созданию и внедрению нового страхового продукта</p>	<p><i>Разработка</i> правил страхования, расчета и экономического обоснования тарифа, маски полиса/ договора страхования, утверждения их приказом генерального директора. <i>Направление</i> вышеуказанных документов в надзорный орган. <i>Разработка</i> IT-решения по оформлению и продаже полиса (при необходимости). <i>Подготовка</i> маркетинговых материалов по новому продукту. <i>Проведение</i> обучения по новому продукту для сотрудников/агентов/ партнеров компании. <i>Подготовка</i> к учету нового продукта в бухгалтерской и управленческой отчетности. <i>Вывод</i> нового продукта на рынок. <i>Мониторинг</i> плановых показателей по проекту на регулярной основе (в самом начале может быть ежедневный/ еженедельный мониторинг, со временем – переход на ежемесячную статистику). <i>Оценка</i> соответствия бизнес-кейса реальным результатам внедрения нового страхового продукта (мониторинг подписанной премии, коэффициента убыточности, размера комиссионного вознаграждения) и корректировка плановых показателей (при необходимости)</p>	<p>При успешной в соответствии с плановыми показателями реализации проект прекращает свое существование и переходит в форму <i>business as usual</i>, т.е. к обычному ходу ведения бизнеса. <i>Инновационный продукт</i> теряет свои инновационные качества и превращается в один из продуктов в продуктовой линейке компании. При получении результатов, значительно хуже ожидаемых, проект прекращает свое существование в связи с нецелесообразностью его дальнейшего развития</p>

перестройки системы управления передовых российских страховых компаний, стремящихся строить свою работу с учетом реально существующих страховых интересов всех хозяйствующих субъектов. Деятельность в сфере страхования строится на специфических знаниях, умениях и навыках, успешная реализация которых требует координации труда отдельных работников страховых компаний.

Ключевая роль в решении этой задачи принадлежит страховому менеджменту, который должен превентивно систе-

матизировать и обобщать передовой опыт отечественной и зарубежной практики управления страховым делом. Обострение конкурентной борьбы на отечественном страховом рынке объективно выдвигает задачу совершенствования организации и эффективности работы страховой компании. Нежелание признать этот факт практически не оставляет страховой компании шансов на успех. Страховой менеджмент должен оптимальным образом объединить разные аспекты деятельности страховой компании в единое целое и направить ее на

достижение успеха. Именно качество менеджмента определяет, насколько эффективным может быть такое объединение. Страховые компании, реформирующие свои системы управления, оказываются в более выгодном положении, а это, в свою очередь, стимулирует проведение преобразований у их конкурентов. Все это приводит к тому, что знания в области общего менеджмента и способы применения общей теории к управлению страховыми компаниями становятся все более востребованными [4, с. 18–19].

В страховой компании необходимо создание специального подразделения для сбора информации о новых идеях как вне, так и внутри компании, анализирующего необходимость внедрения инновации и осуществляющего контроль за реализацией инновационных проектов в различных подразделениях компании. Это обусловлено тем, что именно интеллектуальный потенциал организации играет решающую роль в создании новых идей и осуществлении эффективных инновационных процессов.

На сегодняшний день страховая деятельность в России испытывает затруднения, которые выявились в практике ведения страхового предпринимательства и неконструктивно влияют на внедрение и разработку инноваций в этой отрасли отечественной экономики. Это затруднения, связанные с функционированием механизма инвестирования страховых резервов (что создает препятствия для внедрения продуктов страхования жизни с инвестиционным компонентом продуктов *unit-linked*); недостаточная развитость инфраструктуры рынка страховых услуг для определенных групп населения (например, страхование по законам шариаата или такафул-страхование); дефицит подготовленных для деятельности в инновационной сфере сотрудников; неразвитость стратегического планирования инновационной деятельности в страховых организациях; недостаточная активность большого числа потенциальных страхователей¹.

¹ Жилкина А.Н. Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42), URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4030> (дата обра-

В Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 г. указаны следующие проблемы страхового рынка, влияющие негативным образом на вывод новых страховых продуктов:

- низкий уровень доверия страхователей к страховщикам и к механизму страхования в целом;
- недостаточно развитая сеть продаж страховых продуктов страховщиками и несовершенство способов заключения договоров страхования;
- страхование жизни сдерживается низким уровнем доходов страхователей, высоким уровнем инфляции и значительными ставками банковских депозитов, не дающими преимуществ страхованию жизни по сравнению с иными инструментами накопления;
- ограниченность предложений страховых услуг, ориентированных на различные категории потребителей.

В Стратегии говорится о необходимости стимулирования развития добровольных видов страхования, в том числе путем вывода на рынок новых продуктов: «Интенсивный путь развития страховой отрасли будет обеспечиваться внедрением новых условий добровольного страхования, новых страховых продуктов и способов их реализации, позволяющих более качественно удовлетворять потребности потребителей в защите их имущественных интересов, что доказывает необходимость стимулирования развития добровольного страхования и здоровой конкуренции для обеспечения качественного инновационного развития страхового дела в Российской Федерации»².

Для стимулирования развития добровольных видов страхования в Стратегии предлагается создать следующие условия:

- обеспечение правовых основ для расширения видов предоставляемых страховщиками услуг по добровольному страхованию и создание страховщиками широкой

щения: 01.09.2014).

² Распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 № 1293-р «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года» (опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> 31.07.2013) (дата обращения: 15.08.2014).

линейки продуктов по личному страхованию, страхованию жизни, в том числе предусматривающему различные направления инвестирования полученных страховщиками средств;

- нормативно-правовое обеспечение расширения способов реализации страховых услуг, включая электронные продажи страховых услуг по отдельным видам страхования, установление обязательных для страховщиков правил при заключении ими договоров страхования в форме электронного документа, условий признания электронного полиса равнозначным страховому полису на бумажном носителе;

- определение форм и методов стимулирования граждан и юридических лиц к заключению долгосрочных договоров страхования жизни (изменение принципов налогообложения, субсидирование премий для малообеспеченных граждан и другие направления).

До тех пор, пока не реализованы предложенные в Стратегии дополнительные условия, необходимые для вывода на рынок инновационных страховых продуктов, в нынешних условиях наиболее актуальными являются инновации, которые направлены на развитие новых каналов сбыта. Чтобы увеличить объемы продаж страхового продукта на этапе его выведения на рынок, стоит сформировать новые методы сбыта продукта. В крупной страховой компании, обладающей большой клиентской базой, для обеспечения высокого качества обслуживания необходимо внедрять инновации, связанные с новейшими информационными технологиями. Примером таких инноваций является CRM-технология сопровождения клиентов, под которой понимается совокупность методов управления процессами комплексного обслуживания клиентов.

Один из таких перспективных методов — организация продаж через Интернет. Так как сеть Интернет в России развивается активными темпами, страховым организациям стоит обратить внимание на развитие и своевременное совершенствование своих электронных веб-сайтов. Федеральным

законом от 4 июня 2014 № 149-ФЗ³ внесены изменения в закон «Об организации страхового дела», в соответствии с которыми разрешено заключение договора страхования в электронной форме. Кроме того, в электронной форме могут создаваться документы, необходимые как для заключения договора страхования, так и для получения страховой выплаты. Это революционное решение законодателя, которое позволит вести страховой документооборот в соответствии с традициями делового оборота более развитых стран.

Несмотря на последние законодательные изменения, большинство страховых компаний все еще не верят в продвижение страховых услуг через социальные сети и блоги. Не верят, несмотря на устойчивую тенденцию все более глубокого проникновения Интернета в жизнь каждого человека. Модель *direct*-страхования — это непосредственное взаимодействие с клиентами. Форматы этого взаимодействия могут быть различными: проникновение в социальную сеть, онлайн-консультирование или чат на сайте компании, введение уполномоченных страховых посредников-брокеров, через представителей страховщика (они являются или не являются его сотрудниками) и т.д. Кроме увеличения объемов продаж, на рост прибыли страховщика, активно использующего Интернет, непосредственно влияет сокращение расходов на ведение дела (отсутствие выплат вознаграждений страховым посредникам), достигаемое с помощью интернет-продаж.

Важное значение имеет внедрение инноваций, связанных с взаимодействием страховой компании с внешней средой. Показательным примером такого взаимодействия является создание альянсов с другими рыночными игроками, в частности с банками. Интеграция страхового бизнеса с компаниями из смежных отраслей становится наиболее прогрессивным направлением

³ Федеральный закон от 04.06.2014 № 149-ФЗ «О внесении изменений в закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> 04.06.2014 (дата обращения: 17.08.2014).

инновационного развития. Это позволяет разнообразить каналы сбыта страховых услуг, что достигается через организацию продаж страховых продуктов представителями банка — участника альянса.

В конечном счете, именно потребитель принимает решение о приобретении или неприобретении страхового продукта и делает это главным образом с учетом оценки соотношения цена/качество. Качество страхового продукта также определяется его потребительской оценкой. Чем больше страхуемая опасность для клиента, тем выше его потребительская ценность. Качество же страховой услуги в первую очередь определяется набором рисков, от которых она ограждает, а также сервисной составляющей при урегулировании страхового случая.

Не следует игнорировать и составляющие качества страхового продукта: во-первых, устойчивость и надежность страховой компании; во-вторых, выбор продукта осуществляется параллельно с выделением из числа страховщиков тех из них, которые с точки зрения клиента являются более надежными; в-третьих, клиент проверяет степень покрытия рисков, от которых он планирует защититься. Если страхователь удовлетворен ответом на поставленные вопросы, он сравнивает стоимость продукта с предложениями других страховщиков. Не следует забывать, что на потребительскую оценку страхового продукта оказывают влияние и психологическая комфортность обслуживания, территориальная близость к страхователю, дополнительные услуги и даже незначительные бонусы. Однако мы понимаем, что повышение уровня сервиса вызывает увеличение затрат. И здесь возникает дилемма — найти оптимальное соотношение между требуемым уровнем сервиса и затратами на его реализацию.

Оценка качества страхового продукта сопоставляется с потребительской оценкой премии, которую придется заплатить за защиту от риска. Субъективная оценка риска в первую очередь зависит от финансовых возможностей страхователя, его личных представлений о цене страхового продукта. Исходя из этого страховщику необходимо

искать таких клиентов, для которых оценка опасности выше, чем значимость цены полиса. Чем выше субъективная оценка риска, тем больше страхователь готов заплатить за избавление от него.

В странах с развитым уровнем страхового бизнеса чаще всего используются следующие подходы продвижения страховых услуг от страховщика к страхователю: экстенсивный, исключительный и выборочный⁴.

Суть экстенсивного подхода продвижения услуг страхования заключается в использовании посредников страховой организации, которые могут оформить один или несколько страховых договоров определенного типа.

Суть исключительного метода состоит во взаимодействии страховой организации с главным страховым агентом, который имеет исключительное право оформлять страховые контракты от своего имени и по просьбе страховой организации. В настоящее время в России не развито исключительное представительство в интересах какой-либо одной страховой организации.

Выборочный метод продвижения услуг страхования состоит во взаимодействии страховой компании с двумя и более генеральных страховых посредников, которые действуют от ее имени и по поручению в данном регионе.

Для успешной реализации инновационных проектов в страховом бизнесе, как и в других сферах экономики, важно представлять динамику их развития. Наиболее часто в литературе упоминается сокращенная классификация стадий развития инновационных проектов, согласно которой процесс проходит в своем развитии шесть стадий:

1. Формирование бизнес-идеи (*Seeds* — «зерна»).
2. Стартовая фаза (*Start Up*).
3. Начальная стадия (*Early stage* — ранний период).
4. Расширение производства (*Expansion* — экспансия).

⁴ Ханбалаев Х.Н. Формирование новых видов страховых продуктов и совершенствование методов их продвижения // Управление экономическими системами. URL: <http://www.uecs.ru/marketing/item/2180-2013-06-05-08-34-06> (дата обращения: 12.08.2014).

5. Управление капитализацией инновационного бизнеса (*Bridge financing* — переход к публичному признанию).

6. Выход из инновационного бизнеса (*Exit*) [6, с. 357–360].

Инновационный проект считается завершенным, когда его внедрение в существующую практику становится ординарным, рутинным делом.

Развитие инновационного бизнеса в России — ключевой фактор преодоления стагнации и кризисных проявлений отечественной экономики. Вместе с тем Россия находится на таком этапе экономического развития, который развитыми экономиками мира был уже пройден. В особой степени это относится к такой важной составляющей рынка, как страхование. В связи с вступлением России в ВТО, снятием барьеров в отношении торговли страховыми услугами перед российским рынком открываются перспективы роста и развития страхового бизнеса. Россия имеет возможность учесть ошибки развитых экономических стран, выбрать из накопленного мирового опыта то, что в большей мере соответствует нашему уровню социально-экономического развития и отечественному менталитету. Однако врожденность российской экономики в мировую экономику содержит и несомненный вызов — инновационность в этом случае является условием ее существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры): пер. с англ. М.: Прогресс, 1982. С. 159.
2. Жилкина А. Н. Управление инновационным развитием страхового бизнеса: автореф. дис. ... канд. экон. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/upravlenie-innovatsionnym-razvitiem-strakhovogo-biznesa> (дата обращения: 15.06.2014).
3. Клёцкин А. Н. Совершенствование страхования инновационного продукта: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 23.

4. Кургин Е. А. Страховой менеджмент: управление деятельностью страховой компании. М.: РосКонсульт, 2005. С. 18–19.
5. Платонов Ю. А. Инновационное развитие страховой деятельности в современной России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 21.
6. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент: учебник. 4-е изд. СПб.: Питер, 2003. С. 199–227.

REFERENCES

1. Shumpeter I. Teoriia ekonomicheskogo razvitiia (Issledovanie predprinimatel'skoi pribyli, kapitala, kredita, protsenta i tsikla kon'iunktury): per. s angl. [Theory of Economic Development (Study of business profits, capital, credit, interest and cycle conditions): translated from English]. М.: Progress, 1982, 159 p. (In Russ.)
2. Zhilkina A. N. Upravlenie innovatsionnym razvitiem strakhovogo biznesa: avtoref. dis. kand. ekon. nauk [Management of innovative development of the insurance business: synopsis of PhD thesis]. URL: <http://www.dissercat.com/content/upravlenie-innovatsionnym-razvitiem-strakhovogo-biznesa> (accessed date: 15.06.2014). (In Russ.)
3. Kletskin A. N. Sovershenstvovanie strakhovaniia innovatsionnogo produkta: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk [Improving the insurance of an innovative product: synopsis of PhD thesis]. М., 2009, p. 23. (In Russ.)
4. Kurgin E. A. Strakhovoi menedzhment: upravlenie deiatel'nost'iu strakhovoi kompanii [Insurance management: management of the insurance company]. М.: RosKonsul't, 2005, pp.18–19. (In Russ.)
5. Platonov Iu. A. Innovatsionnoe razvitie strakhovoi deiatel'nosti v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. kand. ekon. Nauk [Innovative development of insurance business in modern Russia: synopsis of PhD thesis]. М., 2007, p. 21. (In Russ.)
6. Fatkhutdinov R. A. Innovatsionnyi menedzhment: uchebnik 4-e izd. [Innovation Management: Textbook, 4th ed.] SPb.: Piter, 2003, pp. 199–227. (In Russ.)

УДК 339.7 (045)

СОВЕТ ПО ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ КАК ЧЕТВЕРТАЯ ОПОРА ГЛОБАЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ*

СИЛЬВЕСТРОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, Заслуженный экономист РФ, заведующий кафедрой «Мировая экономика и международный бизнес», Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены обстоятельства и условия создания Совета по финансовой стабильности (СФС, англ. – *Financial Stability Board*) как преемника Форума финансовой стабильности; основные принципы, сферы и направления деятельности Совета, в том числе в увязке с глобальными финансовыми институтами, и перспективы последующей институционализации СФС в соответствии с решениями Группы двадцати (G20) на Санкт-Петербургском саммите в 2013 г. Проанализированы области взаимодействия СФС с Международным валютным фондом, Всемирным банком, Банком международных расчетов и международными организациями, устанавливающими стандарты в области финансов. Раскрыто содержание и очерчены контуры регулятивной реформы, на реализацию которой направлена деятельность СФС. В основных чертах описаны перспективы институционализации СФС, возможные последствия этого процесса и возникающие нерешенные проблемы развития международных финансовых отношений между различными группами стран. Предпринята попытка создания целостной картины реформирования системы регулирования международных финансовых отношений, осуществляемого в рамках борьбы с финансово-экономическим кризисом, разработки теоретических и прикладных проблем регулирования международных финансовых рынков, согласования финансовых политик и координации деятельности национальных и наднациональных финансово-экономических институтов. **Ключевые слова:** стратегические риски; глобальная финансовая система; международные финансовые организации; G20; МВФ; Всемирный банк; ОЭСР; Фонд финансовой стабильности; Банк международных расчетов; Всемирная торговая организация.

THE FINANCIAL STABILITY BOARD AS THE FOUR PIER OF THE GLOBAL FINANCIAL SYSTEM**

SERGEI N. SILVESTROV

ScD (Economics), Professor, Honored Economist, Head of the World Economy and International Business Chair, the Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper considers the circumstances and conditions for establishing the Financial Stability Board (FSB) as the successor of the Financial Stability Forum, the basic principles, the scope of the Board's activities, particularly aligned with global financial institutions, and the prospects for the subsequent institutionalization of the FSB in accordance with resolution of the Group of Twenty (G-20) at the St. Petersburg Summit in 2013. The areas of interaction between the FSB and the International Monetary Fund, the World Bank, the Bank for International Settlements and international standard-setting organizations in the field of finance are analyzed. The content and outlines of the regulatory reform to be implemented by the FSB are highlighted. The Board's institutionalization

* Статья подготовлена по результатам научных исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2014 г.

** The paper is based on the findings of the budget-funded research carried out under the State Assignment of the Financial University for 2014.

prospects, possible consequences of this process and emerging pending problems concerning development of international financial relations between different groups of countries are discussed in general terms.

An attempt is made to create an integrated picture of reforming the system of international financial relations management implemented within the framework of combating the financial and economic crisis, development of theoretical and applied problems in the regulation of international financial markets, harmonization of financial policies and coordination of national and supranational financial and economic institutions.

Keywords: strategic risks; global financial system; international financial institutions; G-20; IMF; World Bank, OECD, Financial Stability Fund; Bank for International Settlements, World Trade Organization.

Ослабленное либерализацией международное регулирование экономических, в частности валютных и финансовых, отношений и имеющиеся дисбалансы в финансовом секторе стали основополагающими причинами мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Огромные средства, изъятые из бюджетов практически всех стран мира и направленные на меры антикризисного порядка в мировой финансовой системе, породили опасения, что при повторении финансового кризиса, но в условиях имеющейся длительной мировой рецессии, выход из которой прогнозируется примерно к 2020 г., ликвидировать его за счет государственных ресурсов станет попросту невозможным.

Очевидной стала необходимость перехода к дирижизму и создания такой системы надзора и регулирования финансового сектора, назначением которой должно быть не только предотвращение возникновения кризисов в мировом масштабе, но и содействие бескризисному функционированию ее в предсказуемом будущем.

Эту задачу G20 возложила на переформатированный Фонд финансовой стабильности (ФФС) в Совете по финансовой стабильности (СФС), с расширенным мандатом и новыми компетенциями. Он создан для обнаружения уязвимых мест в глобальной системе стандартов финансовой отчетности и быстрого оказания помощи мировым разработчикам стандартов.

Круг членов СФС подтверждает важность намерений Совета и масштабность реформ мировой финансовой системы.

Ключевыми функциями СФС являются осуществление мониторинга ситуации на финансовых рынках, обнаружение кризисных явлений на ранних стадиях их

возникновения, в том числе через сотрудничество с существующими международными институтами, разработка и применение регулирующей и надзорной политики, обеспечивающей нормативное единство в финансовом секторе.

Приоритетными направлениями деятельности СФС являются:

- утверждение приверженности международным принципам экономического регулирования и финансового надзора;
- формирование стандартов достаточности капитала и ликвидности;
- изменение практик в области компенсационных выплат;
- совершенствование рынка производных финансовых инструментов;
- «мягкий» контроль над деятельностью системообразующих институтов;
- перенастройка стандартов финансовой отчетности;
- создание системы макропруденциального надзора;
- регулирование операций хедж-фондов;
- лицензирование деятельности рейтинговых агентств;
- внедрение более надежных практик секьюритизации;
- мониторинг «теневых» банковского бизнеса.

Изначально СФС наделялся функциями параллельными или аналогичными функциям, выполняемым другими организациями. Например, международный валютный фонд (МВФ), находясь в тот период под огнем критики по поводу несовершенства работы его экономических комитетов, не сумевших предсказать время наступления кризиса и его масштабы, согласился на передачу своей функции регулирования финансовой стабильности G-20, которая как

бы избрала ФФС/СФС исполнительным органом для достижения поставленной задачи. В компетенцию СФС в соответствии с мандатом, например, передана принадлежащая МВФ функция макропруденциального надзора. Ему же переданы функции по определению мер воздействия на «теневую» банковскую систему, рынок деривативов (англ. *derivative* — договор, контракт), организацию обмена финансовой информацией. СФС ведет также работу по вопросам совершенствования норм финансовой отчетности, чем сейчас занимается Банк международных расчетов (БМР), и по вопросам контроля над упрощением стандартов финансовой отчетности, разрабатываемых совместно с Советом по Международным стандартам финансовой отчетности (МСФО) и американским Советом по стандартам, в целях достижения единства в подходах составления отчетности.

Объявленные СФС меры политики экономического регулирования и финансового надзора включают в себя:

- разработку нового международного стандарта в качестве исходной точки для реформ национальных причин кризиса, разработку и внедрение методов определения и предупреждения новых тенденций его развития;
- роль международных финансовых организаций и их значение в регулировании и надзоре;
- достаточность капитала финансовых организаций, размер финансового левериджа;
- систему риск-менеджмента и макропруденциальный надзор;
- отношение к рейтинговым агентствам;
- взаимодействие национальных регуляторов и с международными финансовыми организациями;
- противодействие процикличности;
- прозрачность финансовых рынков;
- отношение регуляторов к финансовым инновациям;
- отношение к внебиржевым производным инструментам;
- пути введения «теневого» банковского сектора в систему наднационального и национального регулирования.

Неполный перечень вопросов показывает: во-первых, по некоторым из них неизбежно возникнут противоречия — насколько одни будут согласны делиться с другими (СФС) своими полномочиями и функциями; во-вторых, как классифицировать воздействие новых идей в регулятивной системе, воплощаемых в финансовой сфере, на глобальную экономическую систему в целом. При том что G20 проблемы реальной экономики активно не рассматривала, все главы государств, принимавшие участие в Лондонском, Вашингтонском, Санкт-Петербургском саммитах, имеют ясное понимание тесной взаимосвязи финансовой системы и реального сектора глобальной экономики.

Обозначенные выше вопросы в современных условиях, которых достигла глобализация в сфере реального сектора, в сфере финансов, представляется невозможным решить без изучения изменений и модификации проявления экономических закономерностей. Эта модификация проявления экономических закономерностей в целом подтверждает основные положения теории циклов, что приводит к исчерпанию возможностей традиционно используемых инструментов государственного регулирования, надзора.

Попробуем разобраться, в какой степени СФС удастся обеспечивать распространение единых принципов регулирования в отдельных регулятивных юрисдикциях или, другими словами, переводить регулирование на рельсы регулятивной интернационализации. Способна ли интернационализация регулирования минимизировать рискогенность финансово-банковского сектора, снижая тем самым кризисогенность макросреды как следствие миграции и мультипликации рисков? И существуют ли пределы (границы) синхронизации регулятивных правил и стандартов в рамках процесса интернационализации их основных аспектов и объектов?

Реформа финансового регулирования — основная задача международных финансовых институтов, где Совету отводится всевозрастающая роль. Регулятивная реформа и ее интернационализация при содействии СФС

распространяются практически на все сферы межинституциональных отношений на финансовом рынке, в том числе при помощи:

- расширения информационной базы механизма регулирования и управления системными и операционными рисками¹;
- мер по обеспечению большей прозрачности банковской деятельности с целью снижения субъективизма в понимании и оценке уровня риска и возможных угроз, в том числе относящихся к внебалансовым операциям (производным финансовым инструментам — деривативам; секьюритизации активов) и справедливой оценке активов в условиях рыночной волатильности²;
- изменения роли специализированных рейтинговых агентств, в том числе снижения чрезмерной и механистической зависимости делового сообщества и регуляторов от кредитных рейтингов, используемых для оценки финансовой состоятельности банков;
- усиления ответственности регулирующих органов и финансовых институтов по качеству управления рисками³ на основе обмена информацией с целью более тесной координации в рамках реформы регулирования и поиска новых путей и механизмов повышения его эффективности, включая вопросы урегулирования нестабильности на

микроуровне и несостоятельности кредитных институтов;

- повышения стрессоустойчивости кредитных институтов и финансово-банковского сектора в целом на основе распространения регулятивного пространства на теневой банковский бизнес.

Новая регулятивная реальность окажется кратковременным, преходящим явлением, если продолжит сосуществовать с устаревшей структурой регулятивных институтов. При этом наибольшие потребности в архитектурной перестройке потребовала реформа в ЕС, включая страны Еврозоны, в том числе в связи с планируемым переходом к созданию общеевропейского банковского союза, основанного на едином, наднациональном регулировании трех основных аспектов, составляющих фундамента финансовой стабильности, — системообразующих банков, системы страхования вкладов и урегулирования нестабильности отдельных кредитных институтов⁴.

В этой связи задачи СФС по координации реформы дополняются институциональными аспектами регулятивного континуума, в ходе которой ему предстоит разрешить противоречия, связанные с национальными регулятивными амбициями, из чего вытекает повышенная рискогенность банковского сектора. СФС предстоит также помочь странам Еврозоны наверстать время, упущенное на бесконечных панъевропейских дискуссиях о путях и механизмах реформы (вплоть до 2012 г.), что явилось следствием дисбаланса между национальным характером регулирования и надзора, с одной стороны, и масштабами и сложной структурой финансового рынка стран Еврозоны, с другой стороны. В целом успехи реформы могут быть достигнуты через дефрагментацию финансового рынка, в том числе посредством институциональной реструктуризации и оптимизации распределения и пределов наднационализации регулятивных институтов.

Как представляется, указанные обстоятельства могут в некоторой степени нарушить

¹ Одним из столпов новой парадигмы раскрытия информации финансово-кредитными институтами и системами информационного обмена на уровне регуляторов должна стать система Международного (глобального) идентификатора (идентификационные коды) юридических лиц (*Global Legal Entity Identifier System, GLEIS*, часто используется сокращенная аббревиатура *LEI*), состоящая из операционных (идентификационных) центров в национальных юрисдикциях — участниках системы, интегрированных в общую систему [1]. Данное нововведение позволит отследить принадлежность и историю любых операций на финансовом рынке, осуществленных конкретными юридическими лицами [2]. В рамках реализации поручений G-20 и в соответствии с рекомендациями СФС функциональная ответственность в части *LEI* возложена на Регулятивный комитет (*The LEI Regulatory Oversight Committee*) [3], образованный в январе 2013 г.

² Необходимо отметить, что процесс перехода на расширенное раскрытие информации начался с системообразующих банков (глобальных и национальных), которые, тем не менее, оказались фактическим тормозом данной регулятивной инновации: лишь 34% банков из всех опрошенных в 2012 г. раскрыли информацию в соответствии с рекомендациями Специализированной комиссии по координации процесса более полного раскрытия информации (*Enhanced Disclosure Task Force, EDTF*) [4].

³ В ходе экспертного исследования качества и пределов управления рисками в 20 международных банках выяснилось, что разная методология оценки риска (в основном оценки активов, взвешенных с учетом риска) фактически является главным фактором различий уровня риска (до 20% в исследованной группе), ввиду чего оказываются размытыми границы рискообразования.

⁴ Из данной триады задач решен вопрос лишь в части регулирования системообразующих банков Еврозоны, которое планировалось передать Европейскому центральному банку (ЕЦБ) в ноябре 2014 г.

желанную синхронизацию регулятивной трансформации в странах Еврозоны и других странах с активной реформаторской позицией, что может развернуть конъюнктуру банковского сектора ЕС в сторону повышенной рискогенности, а в случае ухудшения состояния и динамики макросреды — и кризисогенности. СФС, будучи органом координации реформы, но не имеющим инструментов административного вмешательства из-за отсутствия достаточного правового статуса самостоятельного формального института (так называемый «регулятор без портфеля»), может лишь довольствоваться функцией посредника и координатора.

Принимая во внимание совокупность задач СФС по синхронизации банковского регулирования, а также сохраняющиеся различия в экономической динамике национальных юрисдикций, стратегия регулятивной интернационализации будет всецело зависеть от того, сможет ли СФС (до предоставления ему дополнительных полномочий и окончательной институционализации) превратить подготавливаемые инструменты регулирования в некое подобие панацеи от системных кризисов. Особенно остро данный вопрос стоит на повестке дня регулятивной и институциональной интеграции в ЕС. Его решение зависит и от ряда других факторов, например единой фискальной политики, которая наряду с единой политикой страхования банковских вкладов сможет придать регулятивной реформе некоторую завершенность, снизив тем самым зависимость регулятивной политики от органов государственного управления.

К той же категории задач СФС относится и вопрос регулятивного национализма, который далек от разрешения даже в рамках интеграционных экономических объединений/союзов. Несбалансированность финансовых систем отдельных национальных юрисдикций, существенные различия конъюнктуры и различная степень «интернационализации» их финансовых рынков, а также разнообразие моделей банковского сектора и особенности банковского бизнеса являются объективным тормозом для задуманной реформы.

Реализация задач, стоящих перед СФС, и перспективы трансформации его статуса зависят от того, насколько успешно удастся справиться с тремя важными аспектами реформы финансового регулирования.

Первый аспект. Пути превращения системообразующих финансовых институтов в кредитные институты, угроза нестабильности/неплатежеспособности/несостоятельности/банкротства, которых оказывала бы минимально допустимое влияние на состояние и динамику рынка и национальной экономики/экономики региона в целом. А это, в свою очередь, способствовало бы нейтрализации рисков на микроуровне, их трансформации в системные риски и последующей миграции.

К настоящему времени понятие системообразующего финансового института с точки зрения целей и задач реформы регулирования финансово-банковского сектора претерпело значительное расширение: помимо кредитных институтов (банковских/финансовых холдинговых компаний/групп) национального масштаба с совокупным объемом консолидированных активов свыше 50 млрд долл., в данную категорию включены также и глобальные системообразующие банки (*Global systemically important banks, G-SIBs*), небанковские системообразующие институты (*nonbank SIFI*), в том числе страховые компании (*Global systemically important insurers, G-SII*); разработка методологии по определению минимально допустимых ключевых показателей деятельности (активы, доходы, оборот), необходимых для обеспечения финансовой устойчивости в случае убытков. Концептуализация страховых компаний с точки зрения их отнесения к категории системообразующих институтов осложняется значительным их разнообразием по структуре и диверсификации основной деятельности.

В этом же ряду остается открытым вопрос о нейтрализации влияния возможной нестабильности/убытков от деятельности глобальных системообразующих банков. Упомянутые риски, исходящие от национальных

системообразующих банков, усиливаются разной режимностью надзора национальных юрисдикций, на рынках которых осуществляют деятельность их операционные подразделения. Вполне вероятно, что одной из мер по обеспечению долгосрочной динамической стабильности глобальных банков станет норматив достаточности капитала, превосходящий минимальные требования к национальным системообразующим банкам. Это должно обеспечить уверенность других участников рынка в отношении его макроэкономической устойчивости. Помимо количественных инструментов регулирования состоятельности глобальных игроков, потребуются ряд превентивных мер организационно-экономического характера, основанных на оперативном выявлении рискогенных факторов и мероприятий по эффективному разрешению кризисной ситуации⁵ (по аналогии с планами по преодолению гипотетического кризиса⁶, внедренными в регулятивную практику США в 2012 г.) согласованными усилиями регуляторов национальных/региональных юрисдикций, в сферу надзора которых входят соответствующие территориальные подразделения глобально-системообразующего банка.

Второй аспект. Трансформация теневого банковского бизнеса в прозрачный сегмент финансового рынка со стрессоустойчивым механизмом функционирования, основанного на принципах свободного рынка. С учетом чрезвычайной масштабности неподнадзорного пространства вполне очевидно, что процесс экстенсивного расширения регулирования растянется во времени. СФС как высшему органу инициации, координации и реализации регулятивной реформы необходимо будет взвесить предполагаемые и ожидаемые издержки и последствия регулятивной корректировки. Первый этап переходного периода (по состоянию на май

2014 г.) ознаменовался следующими особенностями:

- концептуализацией основ информационного обеспечения регуляторов, включая межведомственный обмен информацией на регулярной основе, необходимого для выработки фундамента расширения регулятивного пространства;
- пониманием масштабов и глубины рискообразования, а также пределов распространения рисков, в том числе в связи с осуществлением банками — субъектами регулирования прямых инвестиций в капитал финансовых институтов теневого банковского бизнеса;
- пониманием степени влияния (побочного эффекта) нерегулируемого сегмента финансового рынка на ход и эффективность регулятивной реформы.

При этом ожидается, что, начиная с 2015 г., СФС будет осуществлять мониторинг (а в некоторых случаях — и выборочную проверку) исполнения национальными регуляторами решений по переходу к полному регулятивному покрытию и операционной поднадзорности. Вместе с тем не совсем ясно, сможет ли СФС в рамках наделенных полномочий добиться синхронизации исполнения решений, принимая во внимание рекомендации Базеля III учитывать национальные особенности банковского сектора и риски применения новой регулятивной парадигмы, которые в итоге могут отразиться на качестве реформы и незавершенности мероприятий, призванных обеспечить стрессоустойчивость кредитных институтов.

Третий аспект. Снижение волатильности рынка производных инструментов финансового рынка (деривативов) с целью минимизации его воздействия на состояние и динамику первичного рынка финансовых инструментов/ продуктов/услуг.

Данная задача является, пожалуй, одной из наиболее сложных в реформационном поле ввиду фактической невозможности установления хотя бы приблизительного размера вторичного финансового рынка, который оценивается, согласно разным источникам, от 610–650 до 900–1000 трлн долл., из которых лишь 24 трлн приходится

⁵ *Resolvability Assessment Process*. Применение данного регулятивного рычага (с 2015 г.) будет зависеть от результатов всесторонней оценки количественных характеристик последствий применения особых надзорных стандартов капитала, смоделированных в отношении 29 глобальных системообразующих банков (количество банков данной категории указано по состоянию на 1 ноября 2013 г. в соответствии с ежегодным уточнением списка), на состояние и динамику финансово-банковского сектора и макроуровня.

⁶ *Resolution plans* (известные так же как *Living Wills*).

на прозрачные операции, оформляемые как биржевые сделки.

Регулятивное управление огромной массой бесконтрольных внебалансовых операций банков потребует многоходовых процессов и решений, которые, по мнению СФС, необходимо начать с разработки количественных стандартов капитала, увязанных с потенциальным риском. Вместе с тем пока остается открытым вопрос, как будет осуществляться централизованный клиринг в случае, если операции с деривативами осуществляются в разных регулятивных юрисдикциях. Кроме того, начиная с мая 2014 г., до согласования концепции регулирования операций с деривативами, СФС разрабатывает механизм доступа национальных регуляторов к агрегированной информации по деривативам. Она должна стать инструментом мониторинга за состоянием финансовой стабильности.

Немаловажным фактором снижения рискогенности процесса финансовой глобализации является международная синхронизация структуры финансовых рынков (дефрагментация), от которой в немалой степени зависит синхронизация регулятивных механизмов национальных юрисдикций, а также достижение единых регулятивных правил и надзорных стандартов в перспективе. В связи с отсутствием единых принципов функционирования рынков их фрагментация и соответственно дифференциация регулятивных политик, стратегий и механизмов остаются в числе основных условий регулятивного арбитража. Кроме того, фрагментация является основным демотиватором международной реформы регулирования и преимуществ регулятивной глобализации и вступает в противоречие с тенденцией к унификации технологической платформы банковской деятельности и растущей взаимозависимостью национальных экономик.

Как представляется, противоречия фрагментированных рынков могут быть в некоторой степени нивелированы посредством проведения согласованной регулятивной политики рядом национальных юрисдикций (например, с тождественными размерами экономики, схожими особенностями

банковского сектора, аналогичными проблемами регулятивной реформы). Вместе с тем важнейшим вопросом рискогенности являются различные регулятивные стандарты для разных групп банков и банков разных стран. Ключом к соглашению регулятивного разнообразия может стать классификация глобальных системообразующих банков по ряду параметров, на основе которых их регулирование можно было бы перевести на консолидированную основу. Возможно, перед этим потребуется сформировать новый взгляд на основные аспекты их деятельности, включая пересмотр операционных моделей⁷, планов по распределению капитала (включая выплату дивидендов и обратный выкуп с рынка собственных акций), а также целевых установок показателя доходности капитала (*ROE*).

Усилия по дерискизации в финансовой сфере окажутся малопродуктивными, если международные регуляторы не осознают необходимость приведения к общему знаменателю процессов урегулирования несостоятельности глобальных системообразующих банков. Дело в том, что механизм урегулирования основан на индивидуальных подходах национальных регуляторов, в то время как деятельность глобальных банков осуществляется одновременно в нескольких юрисдикциях; при этом отсутствует согласованный подход. В настоящее время основным инструментом урегулирования является реструктуризация банковских обязательств (чтобы не допустить использования средств из централизованных источников) путем списания и/или конвертации незастрахованной их части в капитал для целей докапитализации кредитного института.

Синхронизация регулятивных политик и подходов в этой сфере, по мнению СФС, способствовала бы признанию долга, оформленного в соответствии

⁷ Изменение регулятивных приоритетов в части управления рисками оказало серьезное воздействие на расстановку приоритетов на микроуровне: согласно совместному исследованию аудиторской и консультационной компании *Ernst&Young* и Института международных финансов (*Institute of International Finance, IIF*), около 96% финансово-банковских институтов, включенных в исследование, подтвердили разработку специальных мер, ограничивающих их аппетиты к операциям с инструментами повышенного риска.

с законодательством других стран⁸, необходимого для урегулирования в глобальном контексте, а сами банки для этих целей должны сформировать особый буфер капитала⁹, который облегчил бы вопросы урегулирования посредством правовой синхронизации. При этом, как видится, экспертам еще предстоит оценить, насколько дополнительное отвлечение собственных ресурсов банков окажется оправданным с точки зрения осуществления самой идеи межгосударственного урегулирования гипотетической несостоятельности, принимая во внимание, что разрабатываемые банками программы урегулирования не всегда отвечают требованиям регуляторов страны их регистрации. Кроме того, необходимо будет понять, в какой степени указанное регулятивное нововведение в части дополнительного буфе-

ра окажет влияние на снижение кредитного потенциала банков.

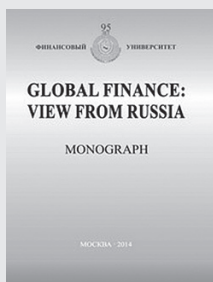
ЛИТЕРАТУРА

1. *Arnold B., Borio C., Ellis L. Moshirian F.* Systemic risk Basel III, global financial stability and regulation. // *Journal of Banking & Finance*, 2012, 36 (12), pp. 3125–3132.
2. *Caruana J.* Consistent regulatory implementation to keep markets integrated. Panel discussion: Regulatory landscapes". Bank for International Settlements, 2013 International Monetary Conference, Shanghai, 3 June. URL: <http://www.bis.org/speeches/sp130606.pdf> (access as of 15.10.2014).
3. *Piggott C.* Carney calls for global standard on bail-in liabilities // *Global Risk Regulator*, 2014, 12 (5), pp. 1, 4–5.
4. *Piggott C.* US rejects global bank regulation. // *Global Risk Regulator*, 2014, 12 (4), pp. 18–24.

⁸ На данном этапе регулятивной реформы планируется распространение синхронизации на регулятивные пространства Великобритании, ЕС (страны Еврозоны), США и Швейцарии.

⁹ *Concern loss-absorbing capital.*

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Global finance: view from Russia: monograph/ed. Dr. of Economic Sciences, Prof. I. Yarygina. М.: Financial University, 2014. 104 p.

Глобальные финансы: взгляд из России: монография / под ред. И.З. Ярыгиной. М.: Финансовый университет, 2014. 104 с.

ISBN 978–5–7942–1156–6

The monograph is dedicated to the assessment of contemporary problems of the international financial relations of globalized economy. The main focus is made on the challenges for the Russian Federation in global finance.

The book can be of an interest to the participants of the international economic relations, professors, post graduates. Students of economic and financial faculties. Text of the chapters preserve the authors original version.

В монографии рассматриваются актуальные проблемы развития международных валютных, кредитных и финансовых отношений в условиях глобализации мировой экономики. Основное внимание уделяется оценке перспектив участия Российской Федерации в глобальных финансах.

Монография представляет интерес для участников мирохозяйственных связей, аспирантов, преподавателей, студентов экономических и финансовых специальностей.

Источник: <http://www.fa.ru/dep/up/catalog/Pages/new.aspx>

УДК 339.923 (045)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

ПИЩИК ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировые финансы», Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: pv915@mail.ru

ЗВОНОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Мировые финансы», Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: eazvonova@fa.ru

АННОТАЦИЯ

Значение разработки и реализации на практике согласованных подходов к проведению валютно-финансовой политики в рамках Евразийского экономического союза возрастает в связи с необходимостью углубления интеграционного сотрудничества на базе Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Беларуси и Казахстана. Актуальность темы обусловлена наличием дискуссионных вопросов теории валютно-финансовой интеграции, а также недостаточной проработанностью вопросов уровня и сроков согласования валютной политики, методов и направлений формирования общего финансового рынка.

В статье на основе обобщения и анализа информации, полученной авторами по результатам стажировки в Евразийской экономической комиссии, а также из интернет-ресурсов рассмотрены институциональные аспекты регулирования валютно-финансовых отношений в Евразийском экономическом союзе, представлена авторская оценка содействующих и сдерживающих факторов развития валютно-финансовой интеграции в регионе. Показано, что недостаточный уровень торгово-экономической интеграции, слабая координация валютно-финансовой политики при сохраняющейся высокой волатильности курса национальных валют стран Евразийского экономического союза препятствуют расширению сферы и масштабов использования российского рубля и других национальных валют в сфере обслуживания взаимных расчетов по внешней торговле.

Приведенный в статье анализ обосновывает необходимость активизации мер институциональной консолидации региональной интеграции, устранения сохраняющихся административных и иных барьеров на пути трансграничного передвижения факторов производства, обеспечения последовательной реализации положений Договора о Евразийском экономическом союзе, направленных на координацию валютно-финансовой политики.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; Единое экономическое пространство; интернационализация национальных валют; российский рубль; международные расчеты и платежи; общий финансовый рынок; курсовая политика; бюджетная и налоговая политика.

INSTITUTIONAL ASPECTS OF MONETARY AND FINANCIAL REGULATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

PISHCHIK VIKTOR IA.

ScD (Economics), Professor of the World Finance Chair, the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: pv915@mail.ru

ZVONOVA ELENA A.

ScD (Economics), Professor, Head of the World Finance Chair, the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: zvonovaelena7@mail.ru

ABSTRACT

The importance of developing and putting to practice the coordinated approaches to the monetary and financial policy in the framework of the Eurasian Economic Union is increasing along with the need to enhance the integration cooperation on the basis of the Customs Union (CU) and the Common Economic Space (CES) of Russia, Belarus and Kazakhstan. The relevance of the subject is determined by numerous debatable issues of the monetary integration theory; moreover, the coordination level and timing of the monetary policy, methods and directions of the common financial market formation are not yet defined.

Based on the synthesis and analysis of information obtained by the authors during their training in the Eurasian Economic Commission and from web resources, the article examines the institutional aspects of the monetary relations management in the Eurasian Economic Union and presents the authors' assessment of factors that promote or hamper the monetary and financial integration in the region. It is shown that the insufficient level of trade and economic integration, poor coordination of monetary and fiscal policy at the continuing high volatility of national currencies in the Eurasian Economic Union hinders expansion of the scope and scale of using the Russian ruble and other national currencies in the mutual foreign trade settlements.

The analysis substantiates the need to boost the institutional consolidation of regional integration, eliminate the remaining administrative and other barriers in the way of the cross-border movement of production factors, ensure consistent implementation of the provisions of the Eurasian Economic Union Treaty aimed at harmonization of the monetary and fiscal policy.

Keywords: Eurasian Economic Union; Common Economic Space; internationalization of the national currencies; the Russian ruble; international settlements and payments; the common financial market; exchange rate policy; the budget and tax policy.

В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), подписанным главами государств России, Беларуси и Казахстана 29 мая 2014 г. в Астане, основными целями его деятельности с 1 января 2015 г. являются: создание условий для устойчивого развития экономик государств-членов; формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; повышение конкурентоспособности национальных экономик [1]. Координацию сотрудничества государств — участников ЕАЭС осуществляет Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), постоянно действующая со 2 февраля 2012 г., наднациональный регулирующий орган управления. ЕЭК в своей деятельности руководствуется интересами Евразийского сообщества в целом и его решения обязательны для исполнения на территории стран — участниц ЕАЭС. В структуре Комиссии функционируют 23 департамента и 17 созданных при них консультативных комитетов (с целью формирования предложений для Коллегии ЕЭК и проведения консультаций с представителями национальных государственных органов управления). Председателями комитетов являются члены Коллегии (министры) по соответствующим направлениям деятельности [2].

Работа Комиссии сконцентрирована на развитии и углублении интеграционного сотрудничества, содействии снижению негативных последствий глобальной нестабильности и повышении роли интегрируемых экономик на внешних товарных и финансовых рынках. В этой связи среди двух десятков основных направлений деятельности ЕЭК особую актуальность в условиях глобальной неустойчивости приобретают валютно-финансовые аспекты интеграции. В институциональном плане вопросами регулирования основных сегментов финансового рынка (банковского, страхового, сегмента ценных бумаг), а также координации валютной политики и сближения подходов к проведению бюджетной и налоговой политики занимается специально созданный Департамент финансовой политики ЕЭК. Работа Департамента и взаимодействие государств — участников интеграции по каждому из этих направлений характеризуются определенной спецификой в плане наполнения его конкретным содержанием в зависимости от степени продвижения сторон по пути согласования и координации.

РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕГМЕНТОВ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Нормативно-правовая база создания *общего финансового рынка* включает ст. 70 и 103

Договора о Евразийском экономическом союзе и Протокол по финансовым услугам, содержащийся в Приложении № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе [1]. Готовы к подписанию на уровне глав правительств еще два важных документа — Соглашение о требованиях к осуществлению деятельности на финансовых рынках и Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере с целью создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала. Проекты этих документов согласованы 4 марта 2014 г. Советом Евразийской экономической комиссии на уровне вице-премьеров России, Беларуси и Казахстана.

Документы определяют направления, порядок, меры и сроки гармонизации законодательства в банковской сфере, сфере страхования и на рынке ценных бумаг, вплоть до завершения этого процесса к 1 января 2025 г. К этой дате государства — члены ЕАЭС примут решение о полномочиях и функциях наднационального органа по регулированию финансового рынка, который предполагается разместить в г. Алматы. В институциональном плане работа, направленная на гармонизацию законодательства по регулированию сегментов финансового рынка, координируется Консультативным комитетом по финансовым рынкам, осуществляющим выработку предложений для Коллегии Евразийской экономической комиссии по вопросам формирования и реализации гармонизированной политики в сфере финансовых услуг и создания в перспективе общего финансового рынка. При Консультативном комитете создана Рабочая группа по вопросам валютного регулирования и валютного контроля, которая содействует формированию общего финансового рынка, разрабатывая предложения по гармонизации валютного законодательства государств — членов ЕАЭС и нормам ответственности за их нарушение.

По нашему мнению, в Договоре о Евразийском экономическом союзе имеются недоработки, касающиеся создания общего финансового рынка. Во-первых, существенной недоработкой является ограничение совместно регулируемых сегментов финансового рынка только банковской и страховой деятельностью, а также

рынком ценных бумаг. Формируемая нормативно-правовая база не затрагивает такие важные сегменты, как кредитный, валютный рынки, рынок микрофинансирования и др. Во-вторых, в Договоре не рассматриваются вопросы регулирования кросс-секторных пересечений продуктов и услуг финансового рынка, в то время как все сегменты финансового рынка активно взаимодействуют друг с другом (банковское страхование, размещение в кредитных организациях средств страховых, пенсионных и других фондов коллективных инвестиций и пр.).

В этой связи очевидна потребность в разработке и принятии в ближайшее время долгосрочной стратегии развития общего финансового рынка государств — участников ЕАЭС, включающей стратегию регулирования всех сегментов рынка, а также кросс-секторных пересечений финансовых продуктов и услуг. Необходима также доработка стратегий формирования и развития наднационального регулирующего органа и единого биржевого пространства. Следующим этапом должна стать дополнительная проработка нормативно-правовой базы для создания полноценного общего финансового рынка.

СОГЛАСОВАНИЕ ВАЛЮТНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ ЕАЭС

Нормативно-правовая база проведения согласованной валютной политики включает:

- 1) раздел XIV Договора о Евразийском экономическом союзе «Валютная политика»;
- 2) Протокол о мерах, направленных на проведение согласованной валютной политики, содержащийся в Приложении № 15 к Договору о Евразийском экономическом союзе;
- 3) Договор о согласованной валютной политике государств — участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г., подписанный главами центральных (национальных) банков трех стран 12 декабря 2011 г.

Сформулированная в ст. 64 Договора о ЕАЭС цель согласованной валютной политики состоит в углублении экономической интеграции, обеспечении свободного движения товаров, услуг, капитала и повышении роли национальных валют государств-участников в проведении расчетов по внешнеторговым

Таблица 1

Взаимные расчеты по внешней торговле и трансграничные переводы физических лиц между странами — членами ЕврАзЭС

Годы	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Валютный оборот по взаимным расчетам, млрд долл.						
Объем	100,9	72,3	91,4	129,8	143,0	137,6
Доли валют во взаимных расчетах, %						
Российский рубль	52,6	48,8	56,1	54,9	55,4	61,2
Прочие валюты	47,4	51,2	43,9	45,1	44,6	38,8
Трансграничные денежные переводы физических лиц, млрд долл.						
Объем	5,0	4,4	5,5	7,7	9,4	10,3
Доли валют в трансграничных переводах, %						
Российский рубль	46,1	51,0	59,0	65,0	68,1	71,9
Прочие валюты	53,9	49,0	41,0	35,0	31,9	28,1

Источник: данные центральных (национальных) банков государств — участников ЕврАзЭС и Межгосударственного банка СНГ за соответствующие годы. URL: <http://www.isbnk.info> (дата обращения: 13.10.2014).

и инвестиционным операциям. Информационно-аналитическая и методологическая проработка вопросов согласованной валютной политики, включая принципы, формы и методы ее проведения, поручена учрежденному центральными (национальными) банками трех стран в 2012 г. Консультационному совету по валютной политике. В компетенцию Совета входят также обобщение информации об использовании национальных валют во взаиморасчетах, оценка содействующих и сдерживающих этот процесс факторов.

Тенденция расширения сферы и масштабов использования российского рубля в сфере обслуживания взаимных расчетов по внешней торговле в рамках ЕврАзЭС/ЕЭП получила активное развитие в течение последних четырех-пяти лет и связана с ослаблением доверия к доллару США под влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Спрос на российскую валюту как средство международных расчетов в рамках ЕврАзЭС/ЕЭП в последние годы имел устойчивую тенденцию к росту (табл. 1) [3]. Это происходило, несмотря на сохранение значительных макроэкономических и структурных диспропорций между странами, сдерживающих согласование валютно-финансовой политики.

Доля российского рубля в обслуживании расчетов во взаимной торговле между странами — членами ЕврАзЭС в 2013 г. составила 61% (83,9 млрд долл.), а в трансграничных денежных переводах — 72% (7,4 млрд долл.).

В расчетах России со странами ЕврАзЭС преимущественно использовался российский рубль. Его доля в общем количестве и объеме направленных и полученных двусторонних платежей составила:

- с Республикой Беларусь — 90,2 и 69,2% соответственно (по данным Банка России); 78,2 и 69,3% (по данным НБРБ);
- с Республикой Казахстан — 80,6 и 51,8% (по данным Банка России); 87,0 и 55,3% (по данным НБРК);
- с Кыргызской Республикой — 62,6 и 29,8% (по данным Банка России); 58,8 и 35,6% (по данным НБКР).

Российский рубль также использовался в качестве валюты расчетов между странами ЕврАзЭС, помимо Российской Федерации. Так, расчеты в российских рублях между Республиками Беларусь и Казахстан составили 24,0% общего количества и 33,7% общего объема направленных Республикой Беларусь в страны ЕврАзЭС и полученных от этих стран платежей; между Республикой Беларусь и Кыргызской

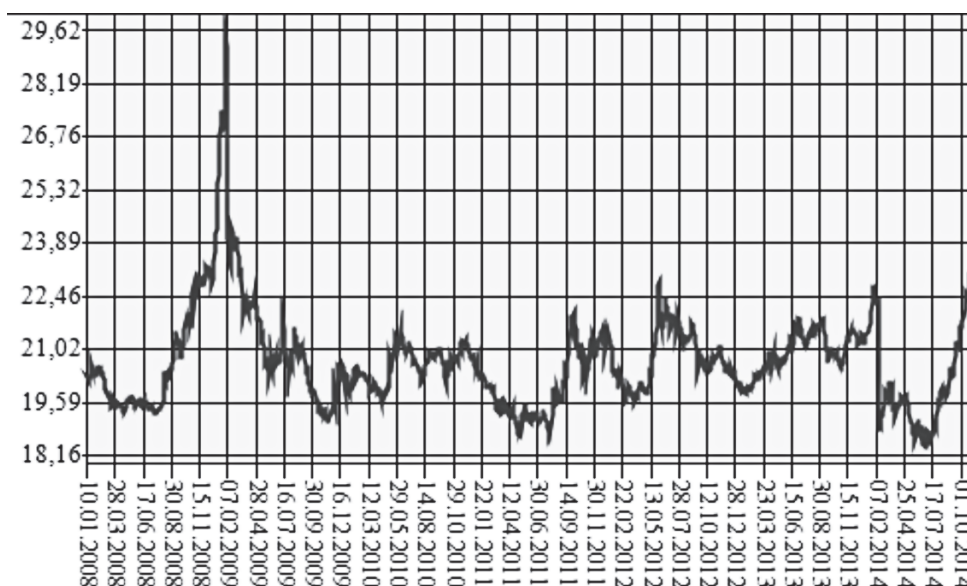

Рис. 1. Динамика официального обменного курса казахского тенге к российскому рублю (руб. за 100 тенге)

Источник: URL: <http://www.cbr.ru>.

Республикой — 12,1 и 10,1% соответственно (по данным НБРБ); между Республиками Беларусь и Таджикистан — 20,7 и 38,3% соответственно (по данным НБТ); 4,8 и 19,2% (по данным НБРБ).

Дополнительным каналом интернационализации российского рубля в последние годы являются растущие объемы его использования в расчетах с Китаем. В 2013 г. объем взаимного товарооборота России и Китая составил 88,8 млрд долл., а в 2015 г. возрастет, по прогнозам, до 100 млрд долл.¹. Доля прямых расчетов рубль — юань в его обслуживании занимает около 7% (6,2 млрд долл.) [4].

В целях активизации взаимных расчетов в национальных валютах постоянно совершенствуется порядок и увеличиваются сроки проведения торгов парой юань — рубль на Шанхайской валютной бирже и Московской межбанковской валютной бирже (Московской бирже) [5].

Сдерживающими внутрорегиональными факторами дальнейшего развития интернационализации российского рубля являются высокая волатильность и даже резкие перепады взаимных курсов валют государств — участников евразийской интеграции на фоне снижения темпов и даже абсолютного сокращения объема

взаимной торговли в регионе ЕврАзЭС/ЕЭП в последние годы².

В частности, высокой волатильностью в течение последних шести с лишним лет отличается динамика обменного курса казахского тенге и белорусского рубля к российскому (рис. 1, 2).

Существенные отклонения в динамике курсов национальных валют стран — участниц ТС и ЕЭП вполне объяснимы сохранением существенных различий в структуре национальных экономик, в объемах и инструментарии внутренних валютных и финансовых рынков и соответственно в их реакции на влияние внешних шоковых воздействий. С учетом нынешних реалий функционирования экономик государств — участников ЕЭП требуется создание и использование действенных коллективных механизмов сглаживания чрезмерной волатильности курса национальных валют, препятствующей устойчивому развитию взаимных торгово-экономических связей. С позиций перспектив интеграционного сотрудничества в рамках создаваемого ЕАЭС очевидна потребность в согласовании подходов к координации политики валютного курса. Между тем, как видно из графиков, в последние годы динамика

² Если в 2011 г. темпы роста товарооборота в рамках ТС и ЕЭП составили 32,1%, то в 2012 г. они снизились до 8,7%, в 2013 г. достигли отрицательной величины — 5,5%, сократившись в абсолютном выражении с 68 до 64 млрд долл. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 06.11.2014).

¹ Доллар отдыхает // Российская газета. № 1. 15.10.2014. URL: <http://www.rg.ru/nomera/2014/10/15.html> (дата обращения: 15.10.2014).

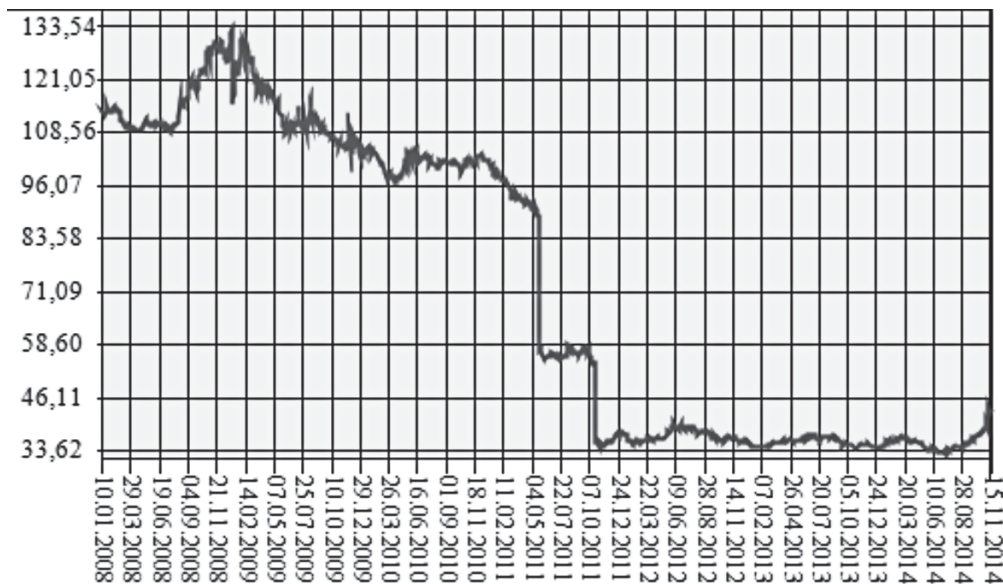

Рис. 2. Динамика официального обменного курса белорусского рубля к российскому (руб. за 1000 бел. руб.)

Источник: URL: <http://www.cbr.ru>.

обменного курса казахского тенге и белорусского рубля к российскому значительно более волатильна, чем по отношению к долл. США.

В статье 2 Договора о согласованной валютной политике государств — участников Соглашения о согласованных принципах валютной политики от 9 декабря 2010 г. содержится положение о наделении Консультационного совета по валютной политике правом рекомендовать *параметры коридора колебаний курсов национальных валют* в государствах-участниках с учетом макроэкономической ситуации и величины государственных золотовалютных резервов. В случае значительной корректировки одной из сторон обменного курса национальной валюты ей рекомендовано *информировать Консультационный совет о причинах такой корректировки*. На практике эти положения Договора о полномочиях Консультационного совета ни разу не реализовывались.

Анализ первых лет функционирования Консультационного совета в целом показывает слабую эффективность его работы. Поставленная перед ним основная задача по координации валютной политики государств — участников ТС и ЕЭП, в том числе выработке единых подходов и направлений курсовой политики, по сути, не реализуется. На заседаниях Совета происходит главным образом обсуждение вопросов, лишь косвенно относящихся к достижению заявленной цели (ситуация на валютных рынках

стран-участниц, обмен информацией о национальной денежно-кредитной и валютной политике и др.).

Очевидно, что совокупность этих факторов «размывает» изнутри процесс интернационализации российского рубля в регионе, и необходимы действенные меры по устранению сохраняющихся барьеров на пути трансграничного передвижения товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов, обеспечению действенной координации валютной политики.

БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА

В сфере бюджетных отношений по согласованию сторон действует принцип бюджетного суверенитета и в настоящее время отсутствует нормативно-правовая база гармонизации в данной сфере сотрудничества, за исключением норм, содержащихся в Соглашении о согласованной макроэкономической политике (подписано сторонами 9 декабря 2010 г., Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2011 г.). В соответствии с Соглашением стороны формируют макроэкономическую политику, исходя из следующих количественных финансовых параметров, определяющих устойчивость национальных экономик, а также критериев сближения экономического развития стран — членов ЕврАзЭС:

- годовой дефицит государственного бюджета не должен превышать 3% объема ВВП;

- государственный долг не должен быть выше, чем 50% объема ВВП;
- уровень инфляции (индекс потребительских цен в среднегодовом выражении) не должен превышать более чем на 5 процентных пунктов уровень инфляции государства — участника ЕЭП, имеющего наименьший рост цен.

На данном этапе интеграционного взаимодействия государств Сообщества соблюдение согласованных значений основных макроэкономических показателей носит рекомендательный характер.

В отличие от Европейского союза, в ЕАЭС не предусмотрен общий региональный бюджет. Между тем для углубления интеграционного сотрудничества очевидна потребность в создании коллективного финансового механизма аккумулирования и перераспределения ресурсов для модернизации отдельных отраслей экономики и сглаживания региональных диспропорций. Одним из источников общего бюджета могли бы стать ввозные таможенные пошлины, учитывая, что коллективный механизм их взимания и перераспределения в национальные бюджеты уже создан в рамках Таможенного союза и эффективно действует с сентября 2010 г.

Этот уникальный механизм регламентируется Протоколом «О порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов», содержащимся в Приложении № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе. В обобщенном виде механизм аккумулирования и перераспределения ввозных таможенных пошлин выглядит следующим образом.

Согласно действующему порядку суммы ввозных таможенных пошлин подлежат зачислению в *национальной валюте* на единый счет уполномоченного органа (казначейства) в центральном (национальном) банке того государства-члена, на территории которого произведено взимание этих пошлин. В случае необходимости в счет уплаты ввозных таможенных пошлин могут быть зачтены налоги и сборы (кроме антидемпинговых и компенсационных), подлежащие уплате в соответствии

с законодательством государства-члена, поступившие на единый счет уполномоченного органа. Общая сумма полученных за день уполномоченными органами ввозных пошлин перераспределяется затем между бюджетами стран — членов Таможенного союза в определенных пропорциях. Расчет общей суммы платежей осуществляется путем ее умножения на нормативы распределения ввозных таможенных пошлин, устанавливаемые в процентах. Нормативы установлены для каждого государства-члена, с учетом объема его импорта из стран дальнего зарубежья за определенный период времени в следующих размерах:

- Республика Беларусь — 4,70%;
- Республика Казахстан — 7,33%;
- Российская Федерация — 87,97%.

С учетом присоединения к Таможенному союзу Республики Армения с 1 января 2015 г. нормативы распределения ввозных пошлин пересчитаны в следующих пропорциях:

- Республика Армения — 1,13%;
- Республика Беларусь — 4,65%;
- Республика Казахстан — 7,25%;
- Российская Федерация — 86,97%.

Межстрановое перечисление платежей в соответствии с установленными нормативами осуществляется на следующий рабочий день после отчетного дня, в который на единый счет уполномоченного органа зачислены суммы ввозных таможенных пошлин. Исключением является уполномоченный орган Республики Казахстан, который осуществляет перевод платежей в отчетный день.

Валютный компонент механизма распределения ввозных таможенных пошлин предусматривает обязанность центрального банка государства — отправителя суммы пошлин продать денежные средства в долл. США по своему официальному курсу центральному банку государства — получателя пошлин за сумму национальной валюты государства — отправителя платежа, равную сумме в его национальной валюте, перечисленной на счет в иностранной валюте уполномоченного органа государства — получателя таможенных пошлин. Теоретически операции продажи средств в долл. США должны осуществляться последовательно по каждому перечислению таможенных пошлин. Такая продажа денежных средств в американской валюте

должна быть исполнена центральным банком государства — отправителя суммы пошлин не позднее следующего рабочего дня после даты перечисления эквивалентной суммы национальной валюты на счет в иностранной валюте государства — получателя таможенного платежа.

На практике национальные (центральные) банки двух государств — членов ТС устанавливают в отдельном договоре, что исполнение встречных обязательств по перечислению денежных средств в долл. США осуществляется путем перечисления центральными банками друг другу лишь суммы, *равной разнице между величинами указанных встречных обязательств.*

Евразийская экономическая комиссия осуществляет мониторинг и контроль за соблюдением уполномоченными органами государств положений Протокола. В частности, Комиссия представляет ежегодно в Межправительственный совет ЕЭК отчет о зачислении и распределении сумм ввозных таможенных пошлин.

В случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения центральным банком обязательства по продаже денежных средств в долл. США этот центральный банк либо государство — отправитель денежных средств уплачивает пени, размер которых рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{Пени} = \text{Сумма}_{USD} \times \frac{LIBOR_{USD,o/n} + 2\%}{360} \times \text{Дни},$$

где Сумма_{USD} — сумма (в долл. США), подлежащая перечислению центральным банком государства — отправителя платежа центральному банку государства — получателя средств;

$LIBOR_{USD,o/n}$ — установленная Британской ассоциацией банкиров (*British Bankers Association, BBA*) для дня, в который началось неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, однодневная ставка $LIBOR$ для долл. США (в процентах годовых);

Дни — количество календарных дней, исчисляемых начиная с даты неисполнения, либо ненадлежащего исполнения обязательства (включительно), до даты надлежащего исполнения обязательства (исключая дату надлежащего исполнения обязательства).

Интеграционный эффект установленного порядка взимания и распределения ввозных таможенных пошлин, действующего с 1 сентября 2010 г., определяется тем, что его функционирование реально влияет на перераспределение финансовых потоков между странами-участницами. Объем ежегодно взимаемых и перераспределяемых ввозных таможенных пошлин составляет свыше 20 млрд долл. США. Кроме того, механизм является дополнительным каналом интернационализации национальных валют, поскольку в них осуществляется уплата ввозных пошлин с последующим переводом положительного сальдо расчетов по платежам на счет казначейства страны-бенефициара в долл. США.

Уязвимым местом механизма являются возможные убытки сторон, связанные с волатильностью курсов национальных валют. Порядок распределения ввозных таможенных пошлин не предусматривает возмещение издержек и убытков, возникающих у центральных банков сторон вследствие изменения курсов валют. Центральные банки самостоятельно определяют условия и порядок возмещения соответствующих издержек и убытков. Тем самым подтверждается актуальность проблемы согласования подходов к валютной политике с целью сглаживания курсовой волатильности и снижения издержек функционирования механизма распределения ввозных таможенных пошлин.

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА

В области налоговой политики, так же как и в сфере бюджетных отношений, предусмотрен суверенитет сторон. Тем не менее под эгидой ЕЭК разрабатываются и принимаются меры, направленные на достижение определенной согласованности во взаимодействии правовых систем различных государств, с учетом особенностей налогообложения в отдельных странах. В частности, речь идет о сближении национальных систем налогообложения, сформировавшихся на основе действующей нормативно-правовой базы и включающих налоговые кодексы, а также соглашения об избежании двойного налогообложения и об обмене информацией по

вопросам соблюдения налогового законодательства. В рамках созданного при ЕЭК Консультативного комитета по налоговой политике и администрированию прорабатываются и выносятся на рассмотрение органов ЕЭК предложения по направлениям гармонизации национальных систем прямого и косвенного налогообложения в создаваемом ЕАЭС, в том числе: сближение и унификация национальных налоговых систем; меры по снижению налоговой конкуренции; разработка и применение эффективных способов и методов налогообложения транснациональных корпораций и субъектов хозяйственной деятельности, относящихся к естественным монополиям; выравнивание акцизов на отдельные потребительские товары и др.

Результатом работы Консультативного комитета совместно с профильными ведомствами государств — участников интеграционного объединения стало включение в принятый Договор о Евразийской экономической комиссии ряда согласованных позиций по вопросам налогообложения. Так, в ст. 71 Договора о ЕАЭС содержится Положение о предоставлении государствам — участникам во взаимной торговле национального режима в отношении взимания налога на добавленную стоимость, иных сборов и платежей. В той же статье Договора предусмотрены согласованные подходы к гармонизации ставок акцизов по наиболее чувствительным товарам. Статья 72 Договора устраняет двойное налогообложение (уплата НДС) при покупке личных транспортных средств в рамках Таможенного союза. В Договоре устранен также ряд других коллизий по вопросам взимания налогов по номенклатуре товаров взаимной торговли государств — членов Таможенного союза. В настоящее время на завершающей стадии подготовки находятся два соглашения о выравнивании ставок акцизов в государствах — членах Таможенного союза на алкогольную и табачную продукцию.

В целом, как показывает проведенный анализ ключевых направлений валютно-финансового сотрудничества государств — участников ТС и ЕЭП, представляется обоснованным в целях его углубления и перевода на качественно новый уровень активизировать меры по

устранению сохраняющихся административных и иных барьеров на пути трансграничного передвижения факторов производства, включая свободный доступ на валютные и финансовые рынки друг друга, а также обеспечить последовательную реализацию тех положений Договора о Евразийском экономическом союзе, которые направлены на координацию и согласование валютно-финансовой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014. Приложения V, XV, XVII. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.11.2014).
2. Евразийская экономическая комиссия. Экспресс-информация, Expert Online. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 06.11.2014).
3. Межгосударственный банк СНГ. URL: <http://www.isbnk.info> (дата обращения: 01.11.2014).
4. Банк международных расчетов. URL: <http://www.bis.org/> (дата обращения: 06.11.2014).
5. Московская Биржа. URL: <http://www.moex.ru> (дата обращения: 05.11.2014).

REFERENCES

1. Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soiuze ot 29.05.2014 g. Prilozheniia V, XV, XVII [The Treaty on the Eurasian Economic Union of 05.29.2014, Annexes V, XV, XVII].. URL: <http://www.consultant.ru> (access as of 06.11.2014). (in Russ.)
2. Evraziiskaia ekonomicheskaia komissiia. Ekspress-informatsiia [Eurasian Economic Commission. Express Information]. Expert Online. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (access as of 06.11.2014). (in Russ.)
3. Mezhgosudarstvennyi bank SNG [The CIS Interstate Bank]. URL: <http://www.isbnk.info> (access as of 01.11.2014). (in Russ.)
4. Bank mezhdunarodnykh raschetov [Bank for International Settlements]. URL: <http://www.bis.org/> (access as of 06.11.2014). (in Russ.)
5. Moskovskaia Birzha [Moscow Exchange]. URL: <http://www.moex.ru> (access as of 05.11.2014). (in Russ.)

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

УДК 343.352:334.7 (045) =111

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПРОГРАММЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО КОМПЛАЕНСА НА МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

КРАУС ГРЕГОРИ

партнер компании «Эрнст энд Янг» (EY), Москва, Россия

E-mail: Gregory.Crouse@ru.ey.com

ЧАЛДАЕВА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА

доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика организации», Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: chaldaeva45@mail.ru

КИЛЯЧКОВ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

кандидат технических наук, менеджер компании EY, Москва, Россия

E-mail: AAKil@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Коррупция является одним из наиболее серьезных вызовов, с которым столкнулись все страны. В настоящее время государственные институты Российской Федерации принимают меры по решению этой проблемы, которые включают в себя, в том числе, принятие ряда законодательных антикоррупционных актов. Кроме того, отдельные российские компании должны соблюдать также применимое иностранное законодательство. Это относится к антикоррупционным законам США и Великобритании. Сопоставление показывает, что российское антикоррупционное законодательство в значительной степени гармонизировано с международным. В настоящее время вопросы правоприменения являются основным вызовом в борьбе против коррупции. Национальный план противодействия коррупции сформулировал наиболее важные мероприятия, которые должны быть выполнены в 2014–2015 гг. Согласно этому плану бизнес-сообщества обязаны осуществлять мониторинг внедрения в компаниях антикоррупционного комплаенса. Для качественного мониторинга необходимо определить критерии оценки эффективности антикоррупционных мероприятий, используемых в компании. Особого внимания требует оценка антикоррупционного комплаенса на малых и средних предприятиях (SME). В статье предложены базовые принципы, которым должны отвечать критерии оценки антикоррупционного комплаенса. Применяя эти принципы (системность, адаптивность и разумная достаточность), можно снизить количество рекомендуемых к внедрению антикоррупционных мер до 23 в десяти бизнес-процессах. Принцип технологичности позволяет при оценке антикоррупционного комплаенса на малых и средних предприятиях ограничиться восемью критериями для десяти бизнес-процессов.

Ключевые слова: антикоррупционное законодательство Российской Федерации; закон США «О противодействии коррупции за рубежом» (FCPA); закон Великобритании «О противодействии коррупции» (UKBA); антикоррупционный комплаенс; критерии оценки; малые и средние предприятия (SME).

CRITERIA FOR ASSESSMENT OF ANTICORRUPTION COMPLIANCE PROGRAMS AT SMALL AND MEDIUM ENTERPRISES

GREGORY CROUSE

Partner, EY, Moscow

LARISA A. CHALDAEVA

ScD (Economics), Professor, Head of the Economics of Organization Chair, the Financial University, Moscow

KILYACHKOV ANATOLY A.

PhD (Engineering), Manager, «EY», Moscow, Russia

E-mail: AAKil@mail.ru

ABSTRACT

Fighting corruption is one of the most important tasks facing all countries. Currently the RF state institutes have made significant efforts to remedy the situation including passing several anti-corruption legislative acts. Some Russian companies must also comply with applicable foreign laws. Such as to anti-corruption legislation of the USA and the UK. If you compare the requirements of the Russian and international anti-corruption legislation, it appears that the Russian anti-corruption legislation is largely harmonized with relevant international law. Now the enforcement of existing legislation is the main challenge of Russian authorities and enterprises. The main actions are issued in the National Anticorruption Plan for 2014–2015. One of the actions of the National Plan is the assignment given to the business communities to monitor the implementation of anti-corruption compliance in companies. Quality monitoring requires criteria by which one can estimate the effectiveness of the anti-corruption activities in a company. Special attention requires the evaluation of anti-corruption compliance in small and medium-sized enterprises (SME). The basic principles, which must meet the criteria for the evaluation of anti-corruption compliance, are proposed in this article. Applying these principles (consistency, adaptability and reasonable sufficiency), we can reduce the number of anti-corruption measures down to 23 in 10 business processes. The principle of ease of running gives 8 criteria for 10 business processes for verification of anticorruption compliance programs at SME.

Key words: Russian anti-corruption legislative acts, FCPA, UKBA, anti-corruption compliance, criteria for the evaluation, small and medium-sized enterprises (SME).

Fighting corruption is one of the most important tasks facing all countries. The results of anticorruption work are evaluated annually by the international noncommercial organization “Transparency International” which are published in its TI Corruption Perception Index. From figure 1, you can see the results of this ranking in 2014. It is obvious from this figure that the anticorruption activity is especially important for Russia as its index is lower than the G7 and even the other BRIC’s countries.

Currently the RF state institutes have made significant efforts to remedy the situation including passing several anti-corruption legislative acts. As a result, the following anti-corruption laws now apply to companies which are registered in the Russian Federation:

- the anticorruption articles of the Penal Code, which prohibit the giving, receiving and mediation in bribery and commercial bribery;
- the Civil Code article on gifts, which prohibits giving gifts with a price higher than 3.000 RUS RUB for state and municipal officials, employees of the Bank of RF and in relations between commercial organizations.

Legislation on State Service which prohibits officials to accept any payment or compensation in connection with the performance of their official duties or business activities including business trips at others expense.

“Anti-corruption Law” № 273 which regulates the relationship between officials and businesses and requires implementation of anti-corruption procedures in companies (article 13.3).

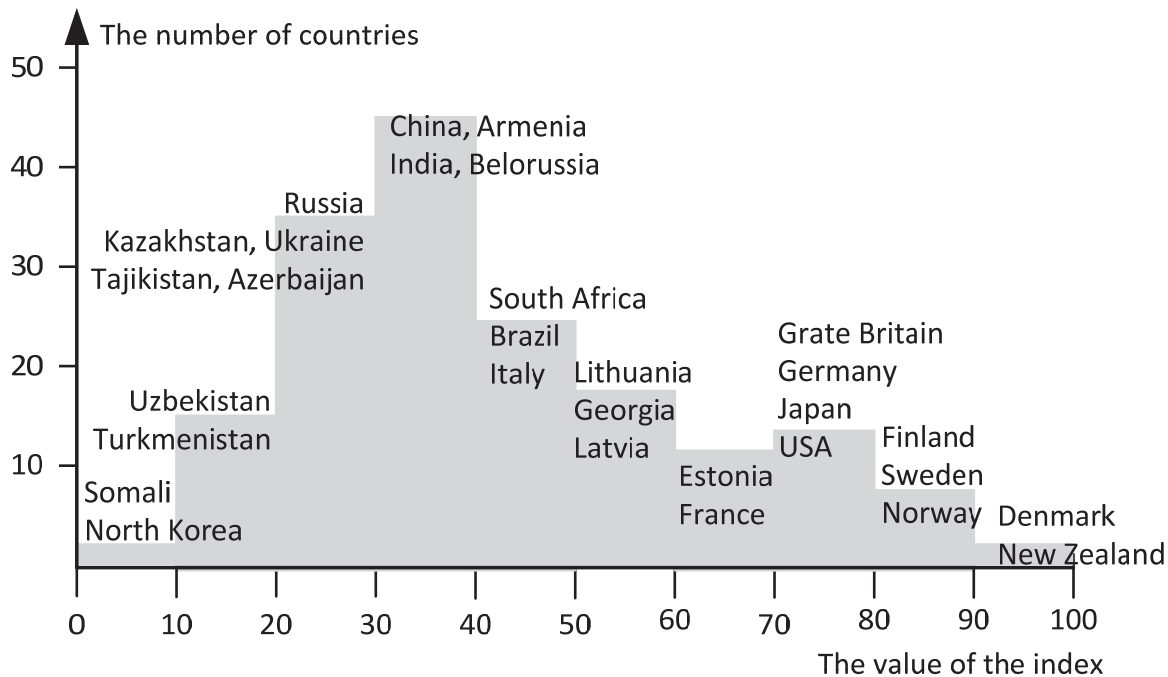

Fig. 1. Transparency International Corruption Perception Index, 2014

Among normative documents released in recent time, it is necessary to note “Anti-corruption Guidance for Russian Companies’ guidelines for the development and adoption by organizations of measures for preventing and combating corruption”. This document was approved by the Ministry of labor, November 8, 2013 and after some refinement approved by the Presidium of the Council under the President of the RF for anti-corruption 8 April 2014. This document provides guidance on the implementation of anti-corruption procedures in organizations to reduce the risk of corruption.

Some Russian companies must also comply with applicable foreign laws. This applies to anti-corruption legislation of the USA and the UK. The U.S. anti-corruption legislation, the Foreign Corrupt Practices Act (FCPA), prohibits bribery of foreign state officials. It applies to all U.S. companies and companies that are not issuers or residents, if their securities are traded on a US stock market or if they engage in cross-border trading, located on the territory of the USA, while engaging in corruption offenses.

Furthermore, there is a recent precedent for the application of the FCPA legislation in a matter called the Straub case. The details of

the offence are as follows. Three former top managers of Magyar Telekom Company (subsidiary of Deutsche Telekom) offered a bribe to the officials of the Macedonian government. The bribe was issued in the form of a payment for services according to a fictitious contract, which was concluded by means of E-mail. Although the participants of the correspondence were outside the United States, the E-mail network server was located in the USA. Based on this, the U.S. Federal court decided that the company falls under the jurisdiction of the FCPA. The court rejected the request for termination of criminal proceedings in connection with the expiration of the Statute of limitations, arguing that the count for this period should begin with the appearance of the defendant in the USA.

The other primary foreign anti-corruption law, which applies to a Russian company, is the United Kingdom Bribery Act 2010 (“UKBA”), which requires companies to have adequate anticorruption procedures. This provision of the law applies to all companies doing business in the UK. Moreover, the concept of “doing business” is interpreted very widely, including the purchase of British goods, selling goods to companies in the UK, exhibitions on the

Table 1

Anti-corruption legislation of the Russian Federation vs FCPA and UKBA

The law	RF	FCPA	UKBA
Giving, receiving and mediation in bribery.	✓	✓	✓
The promise of a bribe, the request of a bribe.	x	✓	✓
Commercial bribery.	✓	x	✓
Facilitation payments.	✓	x	✓
Bribes without monetary value.	x	✓	✓
Bribery of foreign officials.	✓	✓	✓
Anti-corruption compliance.	✓	✓	✓
Reliability and accuracy of bookkeeping.	✓	✓	x
Extraterritoriality.	x	✓	✓

Table 2

Criteria for small and medium-size enterprises

	Value of the indicator for the previous calendar year (no more than)	
	Average number of employees (units)	Gross income from sales (without VAT) or total value of assets (mln rub)
Medium enterprise	250	1000
Small enterprise	100	400
Micro enterprise	15	60

territory of the country, advertising in the British media and so on, and so forth.

If you compare the requirements of the Russian and international anti-corruption legislation (Table 1), it appears that the Russian anti-corruption legislation is largely harmonized with relevant international law.

Now the enforcement of existing legislation is the main challenge of Russian anti-corruption activities. The main actions are issued in the National Anticorruption Plan for 2014–2015, approved by the decree of the Russian President, dated April 11, 2014 № 226. The plan contains a detailed list of anti-corruption actions, which are to be addressed by the various levels of government, governance and public associations, starting with the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and the government of Russia and to the business community, educational and research institutions.

One of the actions of the National Plan is the assignment given to the business communities to monitor the implementation of anti-corruption compliance in companies. Quality monitoring requires criteria by which one can estimate the effectiveness of the anti-corruption activities in a company. The basic principles and criteria for the evaluation of anti-corruption compliance, are as follows:

- **consistency**, which involves the review of all major types of anti-corruption actions, including regulatory, organizational and informational activities;
- **adaptability**, i.e. the ability to use the test procedures for large, medium and small enterprises;
- **reasonable sufficiency**, which means that a comprehensive assessment of the anti-corruption compliance in a company can be done without substantial financial and time costs;

Table 3

Mitigating Anticorruption activities for business processes

Process	Anticorruption activity
Operating activity	Company management publicly and clearly states their intention to act honestly and openly when making purchases and interacting with counterparties
Agents and intermediaries	Company management requires employees to make payments to agents and other intermediaries through legal means
	Clauses on their readiness to counteract corruption and bribery are added to contracts with agents and intermediaries
	All material aspects of interactions with agents and intermediaries are properly documented
	A clause is included in contracts with agents and intermediaries, which gives the Company the right to break the contract if the agent or intermediary is involved in corrupt activities
Human resources	Company management does not retaliate against employees who refused to pay a bribe, even if such a refusal resulted in lost profits
	When evaluating employees, Company management considers their commitment to compliance with anticorruption requirements
Gifts and business hospitality	Management gives clear instructions to employees with regard to giving and receiving gifts and signs of business hospitality
	Gifts, signs of business hospitality and other similar expenses are clearly and accurately recorded in accounting books and are checked by management
Tone from the top	The principle of corruption being unacceptable is officially stated by the company management, which adheres to this principle in its everyday activities
	Refusal to use corruption in its activities is affirmed in the company's documents
	Company management's actions serve as an example of honest behavior for other employees
Bookkeeping	Financial controls and processes in the Company ensures proper recording of activities and performance of appropriate checks
	All financial operations are accurately and correctly reflected in accounting books of the Company and are available for review

• **ease of running**, i.e. assessment is easy for implementation and not burdensome to the audited companies.

Special attention requires the evaluation of anti-corruption compliance in small and medium-sized enterprises (SME). This is due to their high vulnerability to any non-production costs. Our work presents an effort to answer these questions. Hereinafter, small and medium-size enterprises are understood to be businesses that follow the criteria below (Table 2).

Consider how the principle of **consistency** can be applied to a SME. The full volume of adequate anticorruption procedures includes a combination of activities aimed at shaping the

control environment and monitoring its state; also, the presence of a system for counteracting corruption risk, including implementing internal anticorruption controls and an effective system for communication and information exchange between different control divisions and management. There are a lot of anticorruption actions that can be implemented in a company. Transparency International offered a list of actions which includes 231 activities concerning 26 business processes. As of now, this list is the most comprehensive, recognized and methodically correct. This list of activities, of course, allows for further expansion. However, it contains a sufficient set of activities

Table 4

Additional anticorruption activities available to SME due to last initiatives

Process	Anticorruption activity
Membership	The Company participates in local collective activities on counteracting bribery and corruption, signing a joint "Anticorruption charter"
Suppliers and counterparties	The Company has a Due Diligence procedure for assessing counterparties and suppliers for the presence of effective anticorruption programs
	The Company has a procedure for informing counterparties and suppliers about its anticorruption program
	The Company informs the public about educational activities carried out for counterparties and suppliers
	The Company has procedures for monitoring the presence of effective anticorruption programs at its largest counterparties and suppliers
Training	There are procedures for continuing appropriate training of directors, managers and employees so that they clearly understand the company's program, know the company's expectations and the sanctions procedure in the event of a violation
	There are procedures for continuing appropriate training of agents so that they clearly understand the company's program, know the company's expectations and the sanctions procedure in the event of a violation
	There are procedures for providing continuing training where appropriate to contractors and suppliers on the program

that provide an opportunity to reduce the risk of corruption in core business processes, ensuring the implementation of the principle of consistency. But its implementation is expensive and not always acceptable even for large enterprises.

Certainly these activities cannot be fully realized at small and medium enterprises. To use this list for SME you should take into account their specificity, in other words, to adapt them for SME (**adaptability**). Out of the number of business processes that carry signs of increased corruption risk, the following are the most characteristic for an SME:

1. Operating activity.
2. Counterparties and suppliers (purchases/sales of goods and services).
3. Agents and intermediaries (attracting them to speed up completion of business tasks).
4. External communications (obtaining permits and licenses, tax audits, etc.).
5. Human resources.
6. Gifts and business hospitality.

In turn, out of the business processes that contribute to a decrease in corruption risk (so-called mitigating processes), the following can be identified:

7. Tone from the top.
8. Bookkeeping.
9. Membership in anticorruption business associations.
10. Training.

Considering the list of activities characteristic for small and medium enterprises it can be noted that the number of mitigating activities related to them is 95 concerning these 10 business processes [1].

For small and medium enterprises the effective anticorruption methodology should be in compliance with current anticorruption requirements and that can be implemented with minimum costs of their realization. In other words, the anti-corruption procedures must comply with the principle of **reasonable sufficiency**. This list may be used as a reference list of activities that contribute to lowering corruption risk. Expert evaluation of these activities on the basis

Table 5

Validation criteria for SME, complying with the ease of running principle

Criteria	Description of criteria	Business processes to be tested
1. The document, declaring anti-corruption policy of the company.	Internal regulations of the company are in compliance with Russian anti-corruption legislation	Operating activity; Human resources; Tone from the top.
2. The effectiveness of anti-corruption activities.	The company's anti-corruption actions are in compliance with recommended list	Operating activity; Gifts and business hospitality; Bookkeeping; External communications. Training; Suppliers and counterparties;
3. Monitoring and training	The company monitors compliance with anti-corruption measures, conducts regular trainings	Operating activity; Human resources; Training.
4. Participation in anti-corruption activities.	The company is involved in the process of collective anti-corruption and bribery actions.	Agents and intermediaries; Tone from the top; Membership; Suppliers and counterparties
5. Interaction with third parties	The company holds an effective anti-corruption measures in relation to third parties involved in its business activities	Agents and intermediaries; Suppliers and counterparties
6. Disclosure and transparency of doing business	The company discloses the information on implemented anti-corruption measures	Tone from the top; Membership; External communications
7. Feedback	There is an anti-corruption feedback in the company	Operating activity; External communications; Human resources
8. Management	Management of the company is in compliance with anti-corruption principles	Tone from the top; Human resources

of “value/cost” allows for their representation and comparison on a graph. Based on the results, processes with the highest value and lowest cost are identified and recommended for small and medium enterprises. The number of anticorruption actions decreased to 14 in 6 business processes. However, some business processes were not covered by the anti-corruption activities.

However, recent anti-corruption initiatives proposed by the Russian business community have helped change the situation. So, the opportunity to join the Anti-corruption Charter of Russian Business has enabled SME to participate in collective anti-corruption actions, without any additional financial expenses. In turn, participation in the self-evaluation process developed and proposed by the Russian Compliance Alliance, allows implementing of employs training and evaluation of anti-corruption compliance of suppliers and counterparties at minimum financial cost. The results of these activities are shown in *Table 4*.

Note that for “External communications”, no significant, adequate, low cost procedures

could be identified. These include such procedures as:

- the company has implemented the policy of facilitation payments monitoring,
- the company has implemented procedures and controls to ensure that political contributions are not used as a subterfuge for bribery.

It is apparent that from the first procedure other mechanisms should be identified, which will contribute to implementation of significant adequate anticorruption procedures into business practices of SME. However, as to the second procedure, you can offer the prohibition of political payments and payments to political parties. In this case, for all 10 SME business processes we have 23 anti-corruption procedures.

Finally, we apply the principle of **ease of running**, according to which audit procedures should not be burdensome to implement. To resolve this problem, we should define performance criteria and formulate the conditions under which the assessment of the performance criterion can be considered satisfactory. Here we present a summary (*Table 5*).

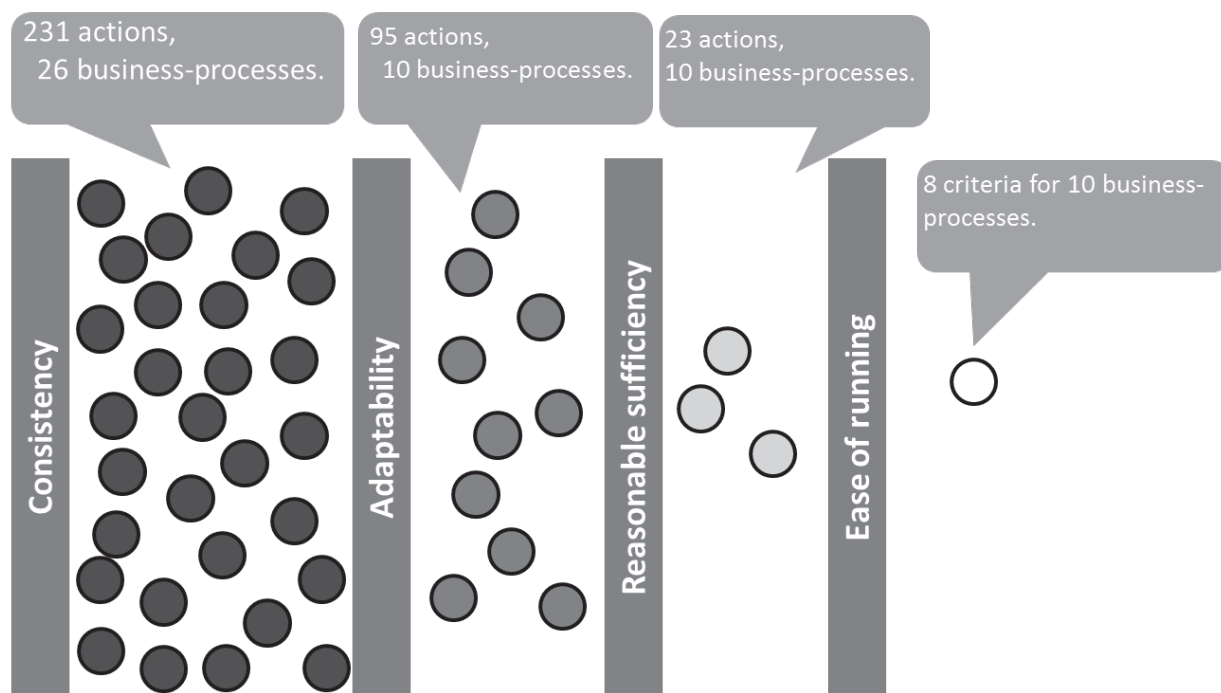

Fig. 2. The result of application of effective anti-corruption compliance principles

SUMMARY

Taking into account the diversity of financial and economic relations, the proposed criteria of anticorruption compliance should be sufficient for large, small and medium size enterprises. Moreover, to apply the same requirements for large, medium and small enterprises would be wrong. Consistency principle allows allocating 231 anti-corruption actions, which can be implemented in 26 business processes. The adaptability principle gives the opportunity for a SME to reduce the number of required anti-corruption measures to 95 for 10 business processes. Applying the principle of reasonable sufficiency, reduce the number of anti-corruption measures up to 23 in 10 business processes. The principle of ease of running gives 8 criteria for 10 business processes in an SME (see figure 2).

REFERENCES

1. Crouse G., Novikov A. V. Antikorrupcionnyi kompliens na predpriiatiakh malogo i srednego biznesa [Anticorruption compliance for small and medium business enterprises]. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa, Moskva, Finansovyi universitet. 25–26 iyunia 2013 g. — Proceedings of the International Scientific Congress. Moscow, the Financial University, 25–26 June, 2013. (In Russ.)
2. Metodicheskie rekomendatsii po razrabotke i priniatiu organizatsiiami mer po preduprezhdeniiu i protivodeistviu korrupsii [Methodological recommendations for development and adoption of measures to prevent and combat corruption]. URL: http://www.dorkomi.ru/about/against_corruption/methodical_recommendations.pdf (access as of 15.09.2014). (In Russ.)
3. Natsional'nyi plan protivodeistviia korrupsii na 2014–2015 gg. [The National Anti-Corruption Plan for 2014–2015]. (in Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161699/ (access as of 15.09.2014).
4. O protivodeistvii korrupsii. Federal'nyi zakon ot 25 dekabria 2008 g. № 273-FZ [On Combating Corruption. Federal Law of 25 December 2008, no. 273-FZ]. URL: <http://fssprus.ru/law9/> (access as of 15.09.2014). (In Russ.)
5. The Bribery Act 2010. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/23/pdfs/ukpga_20100023_en.pdf (access as of 18.09.2014).

6. The 2010 UK Bribery Act. Adequate Procedures. Guidance on good practice procedures for corporate anti-bribery programs. URL: http://www.navigant.com/~media/WWW/site/downloads/disputes%20investigations/uk_bribery_act_what_are_adequate_procedures_article%20final.ashx (access as of 18.09.2014).
7. The 2010 UK Bribery Act Adequate Procedures. Guidance on good practice procedures for corporate anti-bribery programs. Transparency International, July 2010. URL: <http://www.justice.gov.uk/downloads/legislation/bribery-act-2010-guidance.pdf> (access as of 18.09.2014).
8. The Foreign Corrupt Practices Act: 15 U.S.C. § § 78dd-1, 78dd-2, 78dd-3, 78m, 78 ff.
9. A Resource Guide to the U.S. Corrupt Practices Act by the Criminal Division of the U.S. Department of Justice and the Enforcement Division of the U.S. Securities and Exchange Commission, November, 2012.
10. Straub/Steffen District Court Personal Jurisdiction and U.S. — Nexus Rulings: Good News and Bad News for Foreign Individual FCPA Defendants. FCPA Update, February 2013, Vol. 4. No 7. Pp. 1–13.
11. Securities and Exchange Commission, Plaintiff, Versus Elek Straub, et al., Defendants. Memorandum and Order, February 8, 2013. United States District Court Southern District of New York, No 11 Civ. 9645 (RJS), Pp. 1–22.
12. *Berezanskii V. V., Kiliachkov A. A.* Novye trebovaniia rossiiskogo zakonodatel'stva k antikorrupsionnomu kompliansu [The new Russian legislation requirements for the anticorruption compliance]. Vnutrennii kontrol» v kreditnoi organizatsii — Internal control at a credit institution, 2014, no. 2 (22). (In Russ.)
13. *Berezanskii V. V., Kiliachkov A. A.* Chem mozhет obrnut'sia eksterritorial'nost» zakona SShA o protivodeistvii korruptsii [What can become of the extraterritoriality of the US FCPA?]. Vnutrennii kontrol» v kreditnoi organizatsii — Internal control at a credit institution, 2014, no. 3 (22). (In Russ.)
14. Federal'nyi zakon ot 24 iuliia 2007 g. N 209-FZ «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossiiskoi Federatsii [Federal law No. 209-FZ, July 24, 2007, «On the development of small and medium-size enterprises in the Russian Federation», article 4]. (In Russ.)
15. Transparency International. Corruption Perception Index, 2012. URL: <http://www.transparency.org/cpi2012/results> (access as of 18.09.2014).
16. Transparency International. Corruption Perception Index, 2013. URL: <http://www.transparency.org/cpi2013/results> (access as of 18.09.2014).
17. Antikorrupsionnaia khartiia rossiiskogo biznesa [Anticorruption Charter of Russian Business]. URL: <http://rspp.ru/simplepage/455> (access as of 18.09.2014). (In Russ.)
18. Rossiiskii Komplians Al'ians [The Russian Compliance Alliance]. URL: http://www.ethicsrussia.org/ru/index.php?Itemid=206&option=com_zoo&view=category (access as of 18.09.2014). (In Russ.)
19. *Chaldaeva L. A., Kiliachkov A. A., Sivakov O. G.* Rol» biznes soobshchestva v bor'be s korruptsiei [The role of the business community in the fight against corruption]. Finansy i kredit — Finances and Credit, 2014, no. 41 (617). (In Russ.)
20. *Chaldaeva L. A., Kiliachkov A. A.* Strategiiia ekonomicheskoi stabilizatsii: rol» gosudarstva, obshchestvennogo i predprinimatel'skogo soobshchestva // Finansovaia analitika. 2013. № 33 (171). (In Russ.)
21. *Chaldaeva L. A., Kiliachkov A. A.* Sistema protivodeistvii korruptsii: pravovye normy i mezhdunarodnye praktiki. [The anticorruption system: the rule of law and international practices]. Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiia. Ezhegodnik. Vyp. 8 — Russia: Trends and Prospects. Yearbook. Vol. 8. URL: <http://pandia.org/text/78/324/23267.php> (access as of 18.09.2014). (In Russ.)

УДК 343.37 (045)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И КОРРУПЦИИ: ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

СЕЛИВАНОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор философских наук, профессор,

директор Центра правового и методического обеспечения стратегического планирования Института проблем экономической безопасности и стратегического планирования, Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: seliv21@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В Российской Федерации проводится последовательная политика по борьбе с легализацией преступных доходов и коррупции. Цель статьи — показать, что эффективное противодействие этим негативным явлениям может быть обеспечено лишь при условии дополнительных мероприятий, осуществляемых в сферах совершенствования нормативно-правовой, контрольно-надзорной, правоохранительной, правоприменительной деятельности, направленной активностью органов государственного управления в финансово-экономической сфере, через формирование специального комплекса мероприятий в этой сфере. В статье используются комплексный подход, методы системного анализа, анализ результатов научных исследований в виде широкого спектра отечественных и зарубежных работ, метод синтеза управленческих решений. В результате исследования сформирован уточненный комплекс причин и условий феноменов легализации и коррупции, предложен комплекс финансово-экономических мер противодействия данным явлениям. В дальнейшем необходимо отрабатывать конкретные управленческие и организационные мероприятия на основе предложенного подхода.

Ключевые слова: комплексный подход; теневая экономика; криминальная экономика; легализация преступных доходов; коррупция; противодействие.

FIGHTING MONEY LAUNDERING AND CORRUPTION: FINANCIAL AND ECONOMIC ASPECTS**

ALEXANDER I.SELIVANOV

ScD (Philosophy), Professor, Director of the Center for Legal and methodological support of the strategic planning of the Institute of Problems of Economic Security and Strategic Planning, the Financial University, Moscow, Russia

Email: seliv21@mail.ru

ABSTRACT

The Russian Federation has a consistent policy to combat money laundering and corruption. The fight against these negative phenomena requires further improvement of the regulatory, supervisory and monitoring and law enforcement efforts as well as focused activities of the government bodies in the financial and economic sphere through the formulation and joint implementation of special measures in this area.

The article uses an integrated approach, system analysis, analysis of research results of a wide range of domestic and foreign works, synthesis of managerial decisions.

The paper outlines causes and conditions underlying money laundering and corruption and proposes targeted economic and financial measures to prevent and combat these phenomena. The author points out that specific management and organizational measures based on the proposed approach should be worked out and applied.

Keywords: integrated approach; shadow economy; criminal economy; money laundering; corruption; combatting.

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Разработка и обоснование научно-методических подходов и образовательных технологий в сфере противодействия отмыванию доходов и проявлению коррупции», выполняемой по заданию Правительства Российской Федерации в рамках бюджетного финансирования на 2014 г.

** The article is a part of the project "Development and substantiation of scientific and methodological approaches and education technologies for anti-money laundering and corruption". The task was assigned and funded by the Government of the Russian Federation in 2014.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В Российской Федерации на протяжении ряда лет проводится последовательная и поэтапная государственная политика, направленная на противодействие негативным практикам в экономике и управлении, в первую очередь легализации доходов, полученных преступным путем, и коррупции. Для этого есть политическая воля, определенная нормативная правовая база, опыт контрольно-надзорной и правоприменительной деятельности, опыт организации профилактических мероприятий, в том числе в деловой и банковской сферах.

Россией пройден определенный этап по формированию системы противодействия отмыванию преступных доходов и коррупции. Так, наша страна является авторитетным участником основных международных организаций, нацеленных на противодействие отмыванию доходов и борьбу с коррупцией, являющихся основой мировой антикоррупционной системы: ФАТФ (*The Financial Action Task Force — FATF*), Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег (МАНИВЭЛ), Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), группы «Эгмонт», ГРЕКО (англ. *Group of States Against Corruption, GRECO*) — международной организации, созданной Советом Европы в 1999 г. Постоянно активизируется деятельность Федеральной службы по финансовому мониторингу, расширяются спектр ее деятельности и набор инструментов, совершенствуется деятельность всех компонентов контрольно-надзорной, правоохранительной и судебной систем России, субъектов хозяйственной и банковской деятельности. В частности, распространяются знания о принципах деятельности, признаках коррупционных систем и систем отмывания преступных доходов, сигнализации уполномоченным инстанциям и т.д., для чего с 2013 г. формируется сетевая образовательная система (сетевой университет), в которую, наряду с другими вузами страны, включен Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

За 2012–2014 гг. достигнуты значимые результаты и в противодействии коррупции как в плане законоотвечества (включая

имплементацию норм международного права), так и на практике, усиленные следующими мероприятиями: создание Управления Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции (декабрь 2013 г.); утверждение Президентом России Национального плана по противодействию коррупции на 2014–2015 гг. (апрель 2014 г.), в котором наряду с поручениями органам государственной власти содержится пакет поручений по научному обеспечению противодействия коррупции; утверждение Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП) в качестве координатора научно-методических разработок по противодействию коррупции; формирование Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции; проведение трех международных форумов; подписание ИЗиСП Меморандума с Международной антикоррупционной академией в сфере образования (май 2014 г.). Причем совершенно обоснованно возникает задача корреляции решения проблем противодействия легализации преступных доходов и коррупции, усиления действий по устранению причин и условий этих негативных явлений, в том числе в сфере законодательства [1, с. 46, 53–54].

Государственная политика в целом ориентирована на создание в России эффективных систем противодействия отмыванию преступных доходов и коррупции как основных целей мирового сообщества, закрепленных в нормах международного права, международных соглашениях, подписанных Российской Федерацией, и международных организациях, членом которых является Российская Федерация, а также в целях обеспечения национальных интересов и национальной безопасности.

Проходящие в России мероприятия приносят существенные позитивные результаты как в реальной практике, так и в различных международных рейтингах, где позиции России постепенно повышаются. Это показал, например, Третий Евразийский антикоррупционный форум «Современные стандарты и технологии противодействия коррупции», который прошел 24–25 апреля 2014 г. в Счетной палате

РФ¹. На этом форуме еще раз была продемонстрирована политическая воля руководства страны в борьбе с коррупцией, решительность и последовательность действий, показаны серьезные позитивные сдвиги в этой сфере за последние два года, а также указывалось на необходимость мобилизации государственной системы управления, деловых кругов и научного сообщества России на реализации «Национального плана противодействия коррупции на 2014–2015 годы»². Особо отмечено значение документа в ряду других документов данного формата в связи с тем, что в него впервые напрямую включен перечень направлений научных исследований в этой сфере как одно из приоритетных направлений политики противодействия коррупции.

Однако есть все основания обратить внимание научной и политической общественности на то, что основные усилия и весь пакет реализуемых мероприятий в России в данной сфере пока направлены на повышение эффективности комплекса правовых норм, контрольно-надзорных и правоохранительных мер. Это сужает систему противодействия, в частности выводя за ее пределы финансово-экономические механизмы. Например, на столь представительном форуме по противодействию коррупции, о котором речь шла выше, лишь в двух-трех выступлениях была обозначена (именно обозначена, и не более) необходимость экономического блока в осуществлении противодействия коррупции и легализации преступных доходов.

Нисколько не умаляя значимости юридических, правоохранительных и контрольно-надзорных аспектов проблемы, механизмов и инструментов противодействия, обратим внимание на невозможность эффективного решения обсуждаемых проблем без комплексного

подхода, в котором одна из ведущих ролей должна отводиться финансово-экономическим инструментам. Принципиально важно понимание того, что легализация преступных доходов и коррупция — это в первую очередь финансово-экономические феномены. Поэтому правовые, правоохранительные и контрольно-надзорные подходы и методы должны органично дополняться финансово-экономическими инструментами и механизмами противодействия, воздействием на финансово-экономические условия и причины, способствующие возникновению и развитию негативных явлений в экономике, основанные как на общем финансово-экономическом регулировании (и оздоровлении), так и на создании специальных барьеров силами и средствами финансово-экономических институтов (государственных и негосударственных), инфраструктур, ресурсов.

2. НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И КОРРУПЦИИ

Доминирующая в мире парадигма противодействия отмыванию преступных доходов и коррупции основана на месте этой подсистемы в эффективно управляемых и прозрачных экономиках развитых стран, в условиях сложившихся экономических моделей и их эффективного симбиоза с административными, правовыми и культурными системами (США и европейские страны, некоторые страны Азии: Япония, Гонконг). Существующая в России финансово-экономическая система и проводимая в стране политика пока далеки от такого состояния и потому системы противодействия негативным явлениям в экономике, построенные лишь по аналогии с другими странами и под международные стандарты, оказываются не столь эффективными, в том числе в решении проблем противодействия легализации преступных доходов и коррупции. Для достижения аналогичного эффекта необходима разработка целого комплекса мер, который должен базироваться на более широких исследованиях условий, причин возникновения и закономерностей функционирования систем легализации преступных доходов и коррупции в России, нежели правоохранительная и контрольно-надзорная сферы, а также включать финансово-экономические

¹ Форум был организован ИЖиСП совместно с Государственной Думой Федерального Собрания и Счетной палатой. В работе форума приняли участие руководители Государственной Думы, Управления Президента по вопросам противодействия коррупции, Счетной палаты, Федеральной службы по финансовому мониторингу, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства юстиции, различных ведомств России; председатели Счетных палат, Счетных комитетов и Контрольных палат стран СНГ (Республик Казахстан, Армения, Беларусь, Молдова, Кыргызстан); руководители и представители научных и образовательных учреждений, общественных и международных организаций, представители деловых кругов.

² Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы». URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?3624982> (дата обращения: 25.02.2014).

аспекты. Поэтому необходим переход от концепции копирования и заимствования к концепции собственных разработок с использованием адаптированного зарубежного опыта. Лишь такой подход способен обеспечить эффективное решение проблемы — это доказывает весь мировой и отечественный опыт. Всякое иное решение — иллюзия и самообман. Это единственный обоснованный вывод из огромного числа отечественных и зарубежных научных исследований.

Отечественная наука (в том числе финансово-экономическая) на протяжении пореформенного периода проделала огромную, хотя и не вполне комплексную работу как по освоению мирового опыта, так и по осмыслению ситуации в России и выработке собственных моделей и рекомендаций. Исследования были развернуты и по широкому спектру взаимосвязанных смежных проблем.

Так, уже в начальный период изучения негативных явлений в постсоветской экономике стало понятно, что для исследования теневой (ненаблюдаемой в целом) и криминальной экономики как базы преступных доходов и коррупции необходим системный подход, элементно-структурный и структурно-функциональный анализ системы и механизмов ее функционирования, статистические и конъюнктурные обследования, социологические подходы, выявление отраслевой специфики теневых экономических отношений. В этих и других сферах научных изысканий проведено большое число исследований, опубликовано множество статей, монографий, защищено большое количество диссертационных работ, и научные дискуссии продолжаются [2]. Одновременно развивалось и становилось все более комплексным научное понимание методов противодействия легализации преступных доходов и возможности практических действий.

Экономические аспекты коррупции и проблемы противодействия ей также активно исследовались и разрабатывались, развиваясь и расширяясь по спектру охватываемых проблем [3–5], изучался опыт создания антикоррупционных систем в других странах. В научных дискуссиях принимало участие и научное сообщество Финансового университета [6–10]. В принципе, специалистам правоохранительных органов известно, что поймать коррупционера проще, чем «форточника». Но намного сложнее

победить коррупцию как феномен, устранить причины и условия продажности и при этом не обрушить систему управления в стране, последовательно заменяя коррупционные вертикали на здоровые, эффективные, современные управленческие структуры и механизмы.

С начала 1990-х гг. в научном мире начинают исследовать собственно феномен отмывания денег как одно из закономерных проявлений функционирования криминальной и теневой экономики. Начали разрабатываться собственные и адаптироваться международные рекомендации, инструкции и стандарты — сначала для сферы банковской деятельности, затем более широко.

Параллельно развивались исследования в смежных сферах, имеющих важнейшее значение для понимания природы исследуемых явлений, которые имеют собственную современную историю изучения российской реальности и зарубежного опыта: в сфере экономической безопасности, экономических и иных рисков, в сфере налогообложения, конкуренции и изменения методов конкурентной борьбы (в том числе путем формирования транснациональных альянсов), асимметрии информации, экономического лоббизма и *Government Relations* (GR — дословно: взаимодействие с органами государственной власти), вывоза капитала, природы и эволюции офшорного бизнеса (когда изменения налогового законодательства одной страны мира ведут к перетеканию финансовых средств, изменению инвестиционных предпочтений и т.д. во всем мировом хозяйстве), общих проблем организованной преступности, отношений собственности. Проводились и сопоставительные исследования экономических систем, аналитические исследования экономики, анализировались этические и поведенческие аспекты противодействия коррупции.

Важно отметить, что многие фундаментальные и прикладные идеи, выработанные на предыдущих этапах исследований, остались пока невостребованными и не реализованными в практике государственного и корпоративного управления. В итоге отечественным и зарубежным научным сообществом в ходе исследований на протяжении 40–50 лет формирования и активизации феноменов отмывания денежных средств, полученных преступным путем,

и коррупции достоверно установлено, что эти явления имеют комплексный социально-экономический, политико-правовой, культурно-исторический (в широком смысле) и морально-этический характер. Научному сообществу вполне понятна неустранимость из этого комплекса финансово-экономических причин и соответственно мер противодействия, которые являются важнейшим компонентом систем противодействия, в том числе посредством формирования финансово-экономических моделей, которые бы купировали условия и причины формирования этих явлений.

3. БЛОК ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ И ПОДХОДОВ В СИСТЕМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И КОРРУПЦИИ

Совокупность условий и причин существования систем отмывания преступных доходов и коррупции определяется в первую очередь функционированием криминальных и теневых сегментов в национальной и мировой экономике. Причем на основе анализа глубинных взаимосвязей социально-экономической динамики можно утверждать, что теневая и криминальная экономики различны по сферам, содержанию, характеру, форме реализации, характеру взаимодействия с легальной экономикой и воздействию на нее в различных национальных экономических системах, при разных социально-экономических и технологических укладах³, в различных типах экономики, сферах и сегментах экономики, в условиях разных финансовых и платежных, налоговых систем, в разных культурах и странах. Соответственно различны механизмы, инструменты отмывания денег, полученных преступным путем и коррупцией, различны объемы отмывочных и коррупционных потоков и т.д.

Кроме того, мировой опыт демонстрирует постоянную эволюцию и усовершенствование методов противоправной деятельности в экономике, наносящей ущерб национальным интересам. Например, возникновение и развитие

информационных систем привело к формированию виртуальных валют, криптовалют, мобильных переводов денежных средств, систем интернет-платежей, а также к развитию традиционных систем взаимных платежей по примеру хавалы (араб. вексель — традиционная, частично легальная международная система перевода денег между частными лицами, организованная выходцами из Азии, преимущественно афганцами, пуштунами, белуджами и таджиками), которые позволяют сегодня осуществлять оперативные и фактически анонимные переводы денежных средств из одной точки мира в другую. Теперь это не только удобные инструменты, позволяющие упрощать финансовые операции и облегчать расчеты между контрагентами, но и инструменты, используемые в технологиях отмывания денег, финансирования терроризма, коррупционных деяний и других преступных целей.

Все это требует финансово-экономических инструментов и механизмов в составе комплексов по противодействию легализации преступных доходов и коррупции. Однако как в институционально-организационном, экономическом, политическом, нормативно-правовом аспектах практики управления, так и в используемом в практической управленческой деятельности научно-исследовательском и информационно-идеологическом обеспечении в России этого нет. В предмет регулирования и управления со стороны государства соответственно включаются лишь контрольно-надзорная, фискальная, правоохранительная, правоприменительная деятельность. В этих же сферах осуществляется заказ научной продукции. Такое сужение предметной области — большая методологическая ошибка, изначально приводящая к ограничению потенциала всей совокупности мероприятий.

По сути, в отечественной и мировой науке хорошо известен комплексный характер прикладных исследований. Так, в руководящих указаниях межправительственной организации «Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)» использована аналитическая модель, известная под названием *PESTEL*⁴. На основе данной модели предлагаются

³ Академик РАН Е.Н. Каблов приводит следующие данные: в США доля 5-го технологического уклада составляет 60%, 4-го — 20% и около 5% уже приходится на 6-й технологический уклад. В России 6-й технологический уклад пока не формируется, доля технологий 5-го уклада составляет примерно 10% (в военно-промышленном комплексе и авиакосмической отрасли), 4-го — свыше 50%, третьего — около 30%. URL: <http://www.courier-edu.ru/cour1003/1200.htm> (дата обращения: 5.05.2014).

⁴ *PESTEL* — аббревиатура из первых букв слов: политический, экономический, социальный, технологический, экологический, правовой анализ.

комплексы факторов оценки рисков, касающихся уязвимости в сфере отмыывания доходов и финансирования терроризма⁵.

По результатам множества научных исследований финансово-экономические причины и условия функционирования систем легализации преступных доходов и коррупции можно представить следующим образом:

- непрозрачная экономика;
- конфликт интересов и незаконный экономический лоббизм;
- высокие процентные ставки кредитов;
- высокие ставки налогов;
- асимметрия информации;
- наличные деньги;
- внешнее управление национальными экономиками со стороны МВФ и ВБ;
- большие сегменты нездоровой экономики и финансовых систем;
- оргпреступность и криминальная экономика, их доля (масса) в ВВП и «сила давления»;
- теневая экономика (в том числе «конвертные» зарплаты, для выплаты которых также нужны отмыывочные механизмы);
- наличие офшоров;
- финансовый инжиниринг и финансово-экономические технологии, используемые в криминальных целях;
- высокая скорость развития новых финансовых технологий;
- взаимосвязь внешнего и внутреннего потенциалов коррупции и легализации преступных доходов;
- формирование частных денег и мобильных расчетов.

Этот перечень может быть несколько расширен и, естественно, имеет специфику в каждой стране, исходя из органичности всякого социального образования, из специфики сочетания общего и единичного в каждой стране, в каждый исторический период.

Такой сложный и многомерный комплекс причин и условий для их купирования требует соответствующего по сложности управленческого подхода в организации системы

противодействия, предполагая выход за пределы компетенции правоприменительной (чаще даже правоохранительной) и контрольно-надзорной практики в сферу управления финансами и экономическими механизмами.

Целью коалиции противодействия в этой сфере должно стать создание таких финансово-экономических условий, которые делали бы невыгодными и неэффективными криминальное и теневое развитие национальной экономики. Условия для бизнеса отмыывания преступных доходов и коррупции должны перестать быть прибыльными. Необходимо сломать «машину» получения теневой и криминальной сверхприбыли, в том числе в бизнесе по легализации преступных доходов и коррупции.

В этой связи, как показывает анализ мировой и отечественной практики и научной информации, системный комплекс противодействия отмыыванию преступных доходов и коррупции должен включать, как минимум, следующие компоненты.

1. Разработка и осуществление эффективной, комплексной государственной экономической и финансовой политики в интересах противодействия легализации преступных доходов и коррупции, включая государственную систему регулирования финансово-экономической деятельности, денежно-кредитной политики и банковской деятельности в интересах противодействия легализации преступных доходов и коррупции.

2. Использование методов финансового инжиниринга в целях противодействия легализации преступных доходов и коррупции.

3. Управление угрозами и рисками криминализации и теневизации экономики в различных сферах.

4. Устранение или резкое ограничение наличного денежного оборота.

5. Оптимизация налогового регулирования.

6. Деофшоризация экономики.

7. Создание системы цивилизованного экономического лоббизма.

8. Антикоррупционная и антиотмыывочная экспертиза экономических проектов и управленческих решений на предмет таких рисков и угроз.

9. Внедрение и пропаганда антикоррупционного и антитеневого поведения, норм поведения для госслужащих и бизнесменов.

⁵ Оценка рисков отмыывания денег и финансирования терроризма на национальном уровне. Руководящие указания ФАТФ. Февраль, 2013. Приложение II: факторы оценки рисков, касающиеся уязвимости. URL: http://www.eurasiangroup.org/FATF_risk_accessment.pdf (дата обращения: 12.08.2014).

10. Развитие роли антикоррупционных и антиотмывочных стандартов и норм в микроколлективах, на предприятиях и в органах власти.

11. Распространение в обществе антикриминальной и антикоррупционной морали, активизация деятельности СМИ, направленной на воспитание высокой морали и достоинства, гордости за страну, вовлечение активной части населения в систему противодействия, в том числе через формирование системы общественного контроля.

12. Повышение эффективности деятельности контрольно-надзорных, правоохранительных и других правоприменительных органов и судов в сфере экономики, в том числе в части соблюдения адаптированных рекомендаций международных организаций.

13. Формирование стратегии национального развития, широкое внедрение методов стратегического управления в национально-государственных интересах как альтернативы криминально-коррупционному управлению.

14. Широкое вовлечение научно-экспертного сообщества и научных разработок в сферу управления экономикой, создание эффективных прикладных мозговых центров, отечественных консалтинговых структур, ситуационных центров и центров стратегического управления.

15. Совершенствование нормативной правовой базы для повышения эффективности обеспечения национальных интересов и экономической безопасности государства.

16. Формирование эффективной системы образования — подготовки и переподготовки специалистов по данному профилю (аспекту) их профессиональной деятельности, в том числе посредством создания сетевого университета.

17. Направленное развитие научных исследований в сфере финансово-экономических обстоятельств функционирования и развития теневой и криминальной экономики, легализации преступных доходов и коррупции на основе государственного заказа.

Для координации этой деятельности целесообразно в сфере государственного управления в рамках финансово-экономического блока, в первую очередь в Министерстве финансов и Министерстве экономического развития, расширить функции подразделений по государственному регулированию финансов и экономики.

В рамках данного блока должны быть включены, как минимум, следующие мероприятия:

- разработка и внедрение мероприятий по оптимизации экономических отношений в интересах противодействия отмыванию преступных доходов и коррупции, разработке проектов, которые несут в себе снижение «тени» и криминала, минимизации условий и причин функционирования систем отмывания денег и коррупции;

- обеспечение взаимодействия по этому направлению с организациями предпринимателей: Торгово-промышленной палатой (ТПП), Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), Общероссийской общественной организацией «ОПОРА РОССИИ» и др.;

- разработка и осуществление антикоррупционных финансово-экономических проектов, направленных на разрушение системы условий и причин возникновения коррупции и отмывания преступных доходов;

- проведение экспертиз федеральных и региональных проектов, программ на предмет угроз теневизации и криминализации, по разработке комплексной государственной программы декриминализации экономики, осуществлению системного заказа на научные исследования в интересах данного подразделения с целью выявления потенциально коррупциогенных и криминальных зон, определению рисков и угроз применительно к конкретным государственным и иным хозяйственным проектам, исследованию криминальной и теневой экономики, постоянному совершенствованию пакета мер противодействия.

Главная задача, стоящая перед финансово-экономическим блоком антиотмывочной и антикоррупционной систем государства, — формирование эффективного адаптированного комплекса финансово-экономических и административных мер противодействия криминальной и теневой экономике как основному источнику поступления коррупционных средств, запуск экономических механизмов борьбы с коррупцией с целью повышения эффективности государственной политики в этой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и практики его применения / под ред. Т.Я. Хабриевой.

- М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014. 64 с.
2. Развитие финансов в России в условиях глобализации: монография. М.: МИЭМП, 2013. 237 с.
 3. Батжав Л. Столкновение интересов госслужащих // Вестник ВСГТУ. 2011. № 2 (33). С. 167–171.
 4. Селиванов А.И. Геополитические и геоэкономические причины коррупции в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 5. С. 35–43.
 5. Шедий М.В. Коррупционные отношения в современном обществе: социологический анализ: монография. Орел: ОФ РАНХиГС, 2013. 152 с.
 6. Авдийский В.И. Экономический анализ права // Вестник Финансового университета. 2012. № 2 (68). С. 101–107.
 7. Пименков Н.А. Проблемы коррупции в России // Вестник Финансового университета. 2011. № 4 (64). С. 21–26.
 8. Хрипков М.П. Теневая экономика и коррупция // Вестник Финансового университета. 2013. № 2 (74). С. 98–103.
 9. Гладких В.И., Краюшкин А.А. Уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения легализации преступных доходов: монография. М.: Международный юридический институт, 2011. 201 с.
 10. Гладких В.И. Противодействие коррупции на государственной службе: учеб.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2014. 212 с.

REFERENCES

1. Problemy sovershenstvovaniia zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii o protivodeistvii korruptsii i praktiki ego primeneniia: Pod red. T. Ia.Khabrievoi [Problems of improving the legislation of the Russian Federation on combating corruption and practice: ed. T. Ya. Habrieva.]. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii — Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2014, 64 p. (In Russ.)
2. Razvitie finansov v Rossii v usloviakh globalizatsii: monografiia [Development finance in Russia in the context of globalization: a monograph]. M.: MIEMP, 2013, 237 p. (In Russ.)
3. Batzhav L. Stolknovenie interesov gossluzhashchikh [Conflict of interest of state employees]. Vestnik VSGTU — Bulletin of ESSTU, 2011, no. 2 (33), pp. 167–171. (In Russ.)
4. Selivanov A.I. Geopoliticheskie i geoekonomicheskie prichiny korruptsii v Rossii. Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie [Geopolitical and geo-economic causes of corruption in Russia. State Government and local government]. M., 2010, no. 5, pp. 35–43. (In Russ.)
5. Shedii M. V. Korruptsionnye otnosheniia v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskii analiz. Monografiia [Corrupt relations in modern society: a sociological analysis: a monograph.]. Oryol: OF RANKhiGS — PF RANHiGS, 2013, 152 p. (In Russ.)
6. Avdiiskii V.I. Ekonomicheskii analiz prava [Economic Analysis of Law]. Vestnik Finansovogo universiteta — Bulletin of Financial University, 2012, no. 2 (68), pp. 101–107. (In Russ.)
7. Pimenkov N.A. Problemy korruptsii v Rossii [Problems of corruption in Russia]. Vestnik Finansovogo universiteta — Bulletin of Financial University, 2011, no. 4 (64), pp. 21–26. (In Russ.)
8. Khripkov M.P. Tenevaia ekonomika i korruptsiia [Shadow economy and corruption]. Vestnik Finansovogo universiteta — Bulletin of Financial University, 2013, no. 2 (74), pp. 98–103. (In Russ.)
9. Gladkikh V.I., Kraiushkin A.A. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery preduprezhdeniia legalizatsii prestupnykh dokhodov: monografiia [Criminal law and criminological measures to prevent money laundering: a monograph]. M.: Mezhdunarodnyi iuridicheskii institute — International Law Institute, 2011, 201 p. (In Russ.)
10. Gladkikh V.I. Protivodeistvie korruptsii na gosudarstvennoi sluzhbe. Uchebno-metodicheskoe posobie [Anti-corruption in the public service: Textbook]. M.: Iurlitinform — Legal literature and information, 2014, 212 p. (In Russ.)

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 336.011

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

АКУЛИЧ ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА

*аспирант кафедры «Государственные и муниципальные финансы»,
Финансовый университет, Москва, Россия*

E-mail: roxieee@ya.ru

АННОТАЦИЯ

В связи с формированием контрактной системы в Российской Федерации, нацеленной главным образом на значительное повышение эффективности и результативности расходов бюджета на оплату государственных контрактов, особую значимость приобретают сущность государственных нужд, их место и роль в системе экономических отношений. Актуальность выбранной темы обусловлена, во-первых, недостаточным теоретическим исследованием проблем государственных нужд, концептуальных подходов к формированию единого понимания эффективности государственных расходов на оплату государственных контрактов. Во-вторых, существующими пробелами в законодательстве и коллизиями нормативных правовых актов в части толкования государственных нужд, государственных закупок и, наконец, государственных контрактов.

Проанализирована взаимосвязь государственных нужд, с закупками и контрактами. Даны определения рассматриваемых понятий и приведены функции государственных закупок, основными из которых являются обеспечение общественных потребностей и регулятивная функция; раскрыты особенности каждой из них. Сделан вывод о невозможности эффективного финансового обеспечения государственных нужд без определения общественных потребностей.

Предложенные выводы могут быть использованы при осуществлении средне- и долгосрочного бюджетного планирования и проведении бюджетной политики Российской Федерации. Аналогичный подход позволит повысить эффективность и результативность использования бюджетных средств при оплате государственных контрактов, а также осуществить необходимое реформирование действующего законодательства.

Ключевые слова: финансы; расходы бюджета; государственные нужды; государственные закупки; государственные контракты.

ECONOMIC PRECONDITIONS FOR FINANCIAL SUPPORT OF STATE NEEDS

EVGENIYA I. AKULICH

Postgraduate student of the State and Municipal Finance Department, the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow Russia.

E-mail: roxieee@ya.ru.

ABSTRACT

The formation of the contract system in the Russian Federation aimed mostly at significant improvement of the efficiency and effectiveness of budget allocations for government contract payments brought into limelight the importance of the state needs, their place and role in the system of economic relations. The relevance of the topic is determined, firstly, by the lack of theoretical research into the state needs and conceptual approaches to the formation of common understanding of the effectiveness of government contract payments. Secondly, there are gaps in the legislation and law conflicts in respect of the state needs interpretation, government procurements,

and, finally, government contracts. The interrelation between the state needs, procurements and contracts is analyzed. The definitions of the concepts under consideration are suggested; government procurement functions are identified, the main ones being support of the state needs and the regulatory function; the specifics of each function are described. It is concluded that the effective financial support of the state needs is impossible unless social needs are determined.

The conclusions proposed can be used in the implementation of the mid- and long-term budget planning and running the fiscal policy of the Russian Federation. A similar approach will allow a higher effectiveness of using budget funds for government contract payments and promotion of needed reforms in the current legislation.

Keywords: finance; budget expenses; state needs; government procurements, government contracts.

Происходящие в Российской Федерации модернизация и структурная перестройка экономики неразрывно связаны с острой необходимостью повышения качества удовлетворения государственных нужд, что влечет за собой значительные бюджетные расходы. Эффективное обеспечение государственных нужд, как свидетельствует мировой опыт, является одним из ключевых факторов строительства сильного государства и укрепления рыночной экономики. В связи с этим теоретические, правовые и методологические проблемы удовлетворения государственных нужд находят все большее отражение в научной литературе.

Вместе с тем анализ экономической литературы и практика свидетельствуют, что сущностное содержание государственных нужд как экономического явления требует более углубленного анализа. Это касается прежде всего определения сущности государственных нужд, их взаимосвязи с содержанием государственных закупок и, как следствие, воздействия на эффективность расходов бюджетов на оплату государственных контрактов. Недостаточные теоретические исследования проблем государственных нужд, концептуальных подходов к формированию единого понимания эффективности расходов на оплату государственных контрактов находят отражение в законодательных и нормативных правовых актах, регулирующих указанную сферу.

Исходной точкой в анализе государственных нужд, их места и роли в системе экономических отношений, как представляется автору, является теория *общественных потребностей* в виде общественных благ и государственных услуг, выступающих как результат общественного воспроизводства.

В этом заложен глубокий методологический смысл анализа сущностного содержания таких важнейших категорий и понятий, связанных с экономическими отношениями, каковыми являются государственные нужды, закупки, контрактная система, их структурные составляющие, эффективность и результативность данного процесса.

Процесс воспроизводства общественных благ и общественных потребностей представляет собой научную категорию и может осуществляться в неизменных масштабах при простом исполнении и в увеличивающихся масштабах — при расширенном. Отличительной чертой эффективного расходования средств бюджетов на оплату контрактов как составной части эффективного бюджетирования является расширенное общественное воспроизводство на интенсивной основе. Такое воспроизводство представляется единственно допустимым в условиях грамотно выстроенных бюджетных отношений, опирающихся на человека и его потребности, как основу основ.

Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Решить задачу сочетания рыночных методов с социальной ориентацией экономики может только эффективно функционирующее государство, которое способно оказывать необходимое воздействие на экономику не только в общественном, но и в частном секторе.

Аспект общественных потребностей подразделяется на группы по поводу формирования:

- 1) общественных благ и услуг населению, удовлетворения личных потребностей граждан;

2) услуг, связанных с реальным сектором экономики, общественным воспроизводством на расширенной основе, отношениями по поводу защиты среды обитания, нивелирования последствий рыночной экономики;

3) услуг общего характера (например, обеспечение безопасности и обороноспособности государства, потребности самих органов государственной власти, их содержание).

Категории потребностей состоят из отдельных блоков разной степени конкретности и охватывают широкий круг сложнейших социальных отношений.

Общественные потребности определяются уровнем социально-экономического развития общества, его производительных сил, степенью зрелости экономических, финансовых, бюджетных отношений, спецификой той или иной страны. Общественные потребности, присущие определенному этапу развития экономики, формируют потребительский рынок с определенной структурой, которая, в свою очередь, является определяющей для государственных нужд. Структура современного потребительского рынка представлена в *таблице*.

В сфере потребительского сектора государственная политика и поддержка должны быть направлены на производство не отдельных товаров и услуг, а целостных систем, обеспечивающих жизнедеятельность общества и высокую степень национальной безопасности. В целом бюджетная политика России до настоящего времени ведется на основе ужесточения финансирования, абсолютизации денежной составляющей бюджетных отношений, причем в отрыве от интересов граждан, без понимания смысла и целей деятельности современного демократического социального государства. Построенный на основе управления затратами бюджетный процесс привел и ведет к еще более углубляющемуся кризису общественного и личного потребления при огромных масштабах производства и вовлеченных в него материальных, финансовых и трудовых ресурсов [1, с. 51].

Общественные потребности — явление комплексное, включающее в себя и некоторую часть разноплановых личных

Структура потребительского сектора

Отраслевая структура потребительского рынка	
Сельское хозяйство	<ul style="list-style-type: none"> растениеводство; животноводство;
Промышленность	<ul style="list-style-type: none"> пищевая; легкая; бумажная; мебельная; фармацевтическая; производство бытовой техники; производство транспортных средств; производство стройматериалов; топливо
Строительство	<ul style="list-style-type: none"> жилищ; дач; гаражей; коммунальных объектов; социокультурных объектов
Транспорт и связь	<ul style="list-style-type: none"> транспорт пассажирский; связь для населения;
Услуги бытовые, ЖКХ	<ul style="list-style-type: none"> бытовые; жилищно-коммунальные
Услуги социально-культурные	<ul style="list-style-type: none"> здравоохранение; образование; культура; туризм
Функциональная структура потребительского рынка	
<ul style="list-style-type: none"> производство и реализация продовольствия; производство и реализация непродовольственных товаров; строительство жилья, коммунальных объектов; производство услуг жизнеобеспечения; производство социокультурных услуг 	
Экономическая структура потребительского рынка	
По формам собственности	<ul style="list-style-type: none"> государственные предприятия и организации, федеральные, межрегиональные; муниципальные предприятия и организации; крупный частный бизнес; малый бизнес; смешанные предприятия, организации; общественные организации; иностраные предприятия, организации
По способу реализации	<ul style="list-style-type: none"> рыночные; нерыночные; смешанные

потребностей. Бюджетные расходы на обеспечение отдельных общественных потребностей могут быть сокращены или вовсе исключены. Так, например, в годы войны в стране временно сокращались эстетические общественные потребности, что влекло за собой сокращение государственных нужд в сфере культуры и искусств и, как следствие, сокращение расходов бюджетов на оплату государственных контрактов на соответствующую поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг.

Отправной точкой современных финансовых отношений в сфере обеспечения государственных нужд путем государственных закупок должны стать именно общественные потребности. Потребности граждан возрастают с каждым годом, и только слаженная работа механизма «общественные потребности → потребительский рынок → государственные нужды» и его надлежащее отражение в бюджетных отношениях способны обеспечить как различного вида общественные, так и личные потребности.

Анализ экономической и юридической литературы, посвященной теоретическим проблемам государственных нужд, показал, что пока не существует однозначного толкования категории «государственные нужды». Следовательно, первоочередной задачей становится исследование, конкретизация этого понятия, которое наиболее полно и точно раскрывало бы его социально-экономическую сущность применительно к современному этапу развития российской экономики. Научный поиск такого определения является достаточно сложной задачей экономического анализа, основу которого составляет системный подход, базирующийся, в свою очередь, на принципах системного исследования экономических явлений.

В общем смысле «нужды» трактуются как «недостаток в необходимом» или «то же, что потребность» [2, с. 423]. Однако существует мнение, что «нужды», «надобность» и «необходимость» — понятия равнозначные [3].

Это отождествление было в свое время зафиксировано и в действовавшем законодательстве. Так, в Законе Российской Федерации «О поставках продукции и товаров

для государственных нужд» было зафиксировано, что «Государственные нужды — это потребность Российской Федерации в продукции, необходимой для решения общенациональных проблем, реализации социально-экономических, оборонных и научно-технических, природоохранных и других целевых программ, а также иных задач».

С подобным определением нельзя согласиться в принципе, так как оно неполно отражает основную суть государственных нужд. Решение общенациональных проблем, реализация социально-экономических, оборонных и научно-технических, природоохранных и других целевых программ — это вовсе не исчерпывающий перечень функций государства, для осуществления которых в стране возникают государственные нужды.

Наряду с институциональным подходом к проблеме государственных нужд отмечается и философский аспект рассматриваемого вопроса. Так, М.В. Тараткевич пишет: «Отождествлять нужду с потребностями у человека нельзя и потому, что она обычно связана с коротким проходящим действием». В подтверждение он приводит ситуацию, когда человек подходит к бурной реке, через которую ему надо перебраться, и у него возникает нужда в средстве переправы — лодке. Но это не является утверждением, отмечает ученый, что у человека есть потребность в лодке. В таком случае лодка выступает исключительно средством удовлетворения потребности, как, например, есть потребность в еде, а хлеб, мясо будут предметом потребности, а не самой потребностью. Таким образом, по словам М.В. Тараткевича, потребность представляет собой более устойчивое, более сложное явление, чем человеческие чувства, связанные с осознанием потребности в виде нужды, чем выбор тех предметов, которые необходимы для удовлетворения наших потребностей [4, с. 41]. Такое умозаключение наводит на мысль о том, что нужда является следствием потребности, а государственные нужды представляют собой реальное выражение общественных потребностей, причем такое выражение общественных потребностей подлежит точному измерению.

В Федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» было приведено более обоснованное определение, чем в предыдущих нормативных правовых актах.

«Под государственными нуждами понимаются обеспечиваемые в соответствии с расходными обязательствами Российской Федерации или расходными обязательствами субъектов Российской Федерации за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников финансирования потребности Российской Федерации в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций Российской Федерации (в том числе для реализации федеральных целевых программ), для исполнения международных обязательств Российской Федерации, в том числе для реализации межгосударственных целевых программ, в которых участвует Российская Федерация, либо потребности субъектов Российской Федерации в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций субъектов Российской Федерации, в том числе для реализации региональных целевых программ». Такое определение является неоправданно громоздким и расплывчатым, упускающим социально-экономическую суть государственных нужд.

Однако тот факт, что Федеральный закон РФ от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ утратил силу с 1 января 2014 г., а действующий Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и вовсе не содержит понятия государственных нужд, привел к абсолютному отсутствию официального трактования понятия «государственные нужды», хотя оно все шире используется в общественной практике.

Изучение понятийного аппарата и теоретических аспектов обеспечения государственных нужд способствует слаженной работе механизма «госнужды → госзакупки → госконтракты» на практике.

По словам М. В. Розовенко, «Государственные нужды — это правовое понятие,

имеющее самостоятельное значение. В соответствии с действующим законодательством содержание государственных нужд составляют потребности в товарах, работах, услугах, необходимых для осуществления функций и полномочий как государства, так и государственных заказчиков» [5, с. 118]. Но потребности, функции и полномочия государственных заказчиков — это лишь одна из форм проявления государственных потребностей, функций и полномочий, основывающихся на том, что государственные заказчики действуют в интересах государства и от его имени. Аналогичную интерпретацию излагали и великие философы. Так, например, Гегель мыслил о гражданском обществе как о «внешнем государстве», «государстве нужды и рассудка», интерпретируя, таким образом, государственные нужды как обобщенное внешнее выражение потребностей всего общества в целом [6, с. 228].

Большинство авторов при рассмотрении государственных нужд разделяют государственные нужды и собственные нужды государственных заказчиков, ошибочно полагая, что «Бюджетное учреждение (государственный заказчик) может иметь и интересы, и нужды, отличные от государственных. А это, в свою очередь, ставит под сомнение целесообразность отнесения нужд бюджетных учреждений к государственным нуждам» [7]. Несомненно, указанный подход противоречит самой природе государства и его экономической сущности.

Отличное от других авторов представление обосновывает В. А. Болдырев, полагая, что «в полной мере логично и соответствует духу права понимание под государственными нуждами не только нужд Российской Федерации и ее субъектов, но и нужд государственных заказчиков — государственных органов и бюджетных учреждений» [8].

По мнению автора, действия в интересах государственного заказчика должны осуществляться исключительно в интересах граждан, организаций, общества и государства, являясь одной из форм проявлений действий в интересах государственных нужд, в противном случае

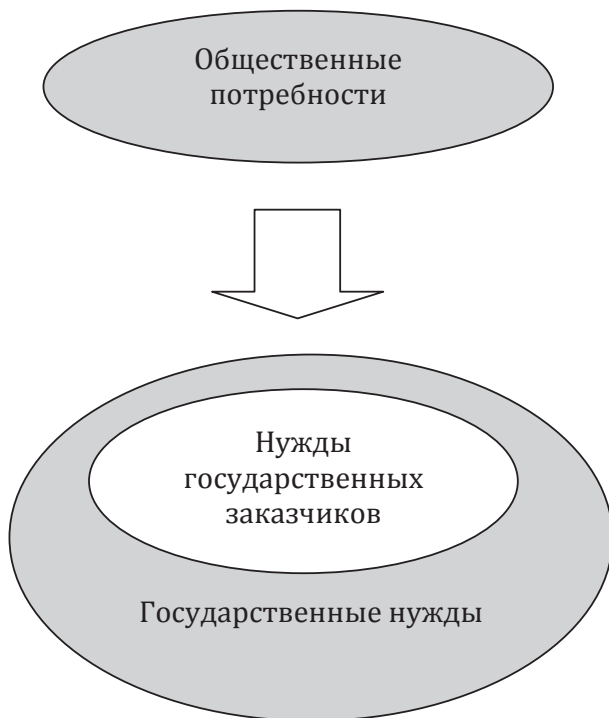

Рис. 1. Соотношение понятий «государственные нужды» и «нужды государственных заказчиков» с учетом теории общественных потребностей

возникает конфликт интересов¹. А значит, соотношение государственных нужд и ведомственных нужд государственных заказчиков представляется наиболее оптимальным при «поглощении» нужд заказчиков госнуждами (рис. 1).

Автор предлагает рассмотреть иной аспект проблемы государственных нужд. В экономической литературе до сих пор продолжается смешение понятий «государственные нужды» и «государственные закупки». По мнению Л. В. Андреевой, «„государственные нужды“» — это понятие многоукладной экономики, отражающее рыночный механизм взаимодействия государства с хозяйствующими субъектами по удовлетворению публичных потребностей в товарах, работах и услугах» [9, с. 14]. Но сами государственные нужды лишь свидетельствуют о наличии необходимости в конкретных товарах, работах, услугах и общественной потребности, но еще не означают

совершение каких-либо действий по их удовлетворению (например, взаимодействие государства с хозяйствующими субъектами), тогда как указанное понятие скорее является следствием государственных нужд и больше характеризует государственные закупки, чем сами госнужды.

Точку зрения, идентичную мнению автора, выражал материалист Демокрит, который, рассматривая нужду, полагал, что она является источником действий человека: «Действительно, сама нужда служила людям учительницей во всем, наставляя их соответствующим образом в познании каждой вещи...». Причем, указывая на то, что человек не знает границ удовлетворения своих потребностей, Демокрит акцентировал внимание на отличии самой потребности или нужды от средств ее удовлетворения [10, с. 664].

В ином ключе рассматривает государственные нужды С. С. Шихова: «Понятие «государственные нужды» закрепляется через определение целей, для достижения которых осуществляется поставка товаров для государственных или муниципальных нужд», подменяя таким образом «государственные нужды» термином «государственные закупки», в рамках которых осуществляется поставка. В данном случае упущена из виду финансовая составляющая этой сложной экономической категории.

Отсутствие четкого определения государственных нужд, смешение понятий, как нам представляется, — одна из причин того, что до настоящего времени в стране не создана соответствующая современным реалиям правовая и методологическая база государственных нужд, отсутствие которой негативным образом сказывается на четкости используемого в теории и на практике понятийного аппарата, что, естественно, приводит к определенному недопониманию и двусмысленности.

Однако нельзя не согласиться с точкой зрения М. В. Розовенко относительно самостоятельности понятия «государственные нужды», отличного от «государственных закупок» и «государственных контрактов». Верно подмечает Л. М. Давлетшина: «Понятие «государственные нужды» формально

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008. 30 декабря. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/ (дата обращения: 15.04.2014).

несколько шире, чем понятие «государственный заказ», поскольку и в широком, и в узком смысле этого слова государственный заказ является должным образом обобщенным и оформленным выражением государственных нужд» [11, с. 46].

По мнению автора, государственные нужды могут существовать независимо от госзакупок, что подтверждается рядом фактов. Во-первых, удовлетворение государственных нужд может обеспечиваться не только при помощи осуществления государственных закупок, а, скажем, путем изъятия земельных участков для государственных нужд². Во-вторых, такая нужда может и вовсе не получить своего удовлетворения ни в форме проведения госзакупок, ни в любой другой форме.

В то же время не всякая государственная закупка может привести к заключению государственного контракта, тем более к его оплате из средств бюджета, и, как следствие, к удовлетворению государственных нужд.

Внимания заслуживает высказывание Н. А. Курца: «В широком смысле государственные закупки — основание заключения государственного либо муниципального контракта, односторонняя сделка по предоставлению заказчиком права удовлетворить публичные нужды посредством заключения контракта» [12]. Такое понимание выстраивает логическую цепочку, связывающую не только госнужды с государственными закупками, но и с госконтрактами.

Как справедливо отмечает А. Т. Шамрин, «в настоящее время не установлено критериев и порядка определения объемных и качественных показателей государственных нужд (потребностей)». Эта категория не используется при планировании и размещении государственного заказа. Поэтому отсутствует объективная основа для определения параметров государственных контрактов [13].

Несмотря на смену политических взглядов, реформирование законодательства и обновление социально-экономических систем, предметная область, рассматриваемая

автором данной статьи, остается неизменной.

Государственные нужды — необходимость государства в товарах, работах и услугах, направленная на осуществление его функций и преследующая основную цель — обеспечение общественных потребностей. Государственные нужды представляют собой формализованные общественные потребности.

Государственная закупка как экономическое явление представляет собой весьма сложные экономические отношения. Это обусловливается многогранностью ее функций:

- 1) обеспечением общественных потребностей;
- 2) регулятивной функцией.

Подобно финансам, стоящим у истоков рассматриваемых бюджетных отношений, основополагающей функцией государственной закупки является регулятивная, порожденная макроэкономической нестабильностью и несовершенством рынка, которые требуют государственного вмешательства.

Будучи финансовым рычагом, регулятивная функция может иметь различные проявления. Так, государство способно улучшить общую экономическую ситуацию в стране, поддержать реальный сектор экономики путем повышения государственных расходов на оплату государственных контрактов в целом, тем самым увеличивая спрос на товары, работы, услуги и повышая ВВП страны, следовательно, государство обеспечивает и занятость населения. Однако регулирование может осуществляться также посредством смещения акцентов на закупку определенных товаров, работ и услуг, выравнивая, таким образом, образовавшийся в конкретных сферах дисбаланс. Причем в указанном случае регулирование затрагивает не только экономические процессы, но и, например, сферы науки, здравоохранения и образования.

Для такой формы государственного устройства, как Федерация, причем имеющая огромную территориальную протяженность, ощутимую роль играет и сглаживание региональных диспропорций, с которыми можно справиться также посредством госзакупок.

В последнее время при анализе экономических явлений особенно актуальным стало

² Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // Российская газета. 2004. 30 декабря. URL: <http://www.rg.ru/2004/12/30/zemli-perevod.html> (дата обращения: 15.04.2014).

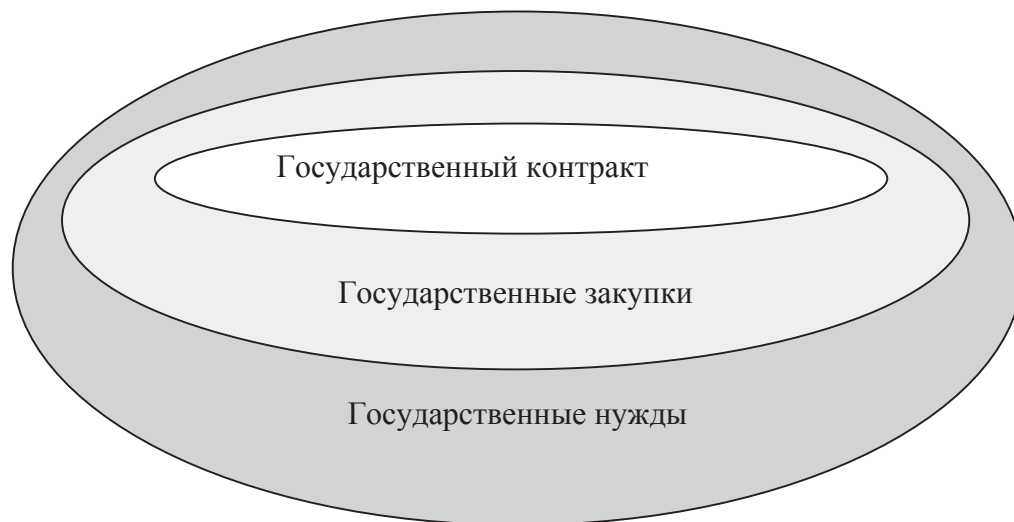

Рис. 2. Схема соотношения государственных нужд, государственных закупок и государственных контрактов

выделение инновационной функции. Автор счел нужным выделить инновационную функцию государственных закупок в составе регулирующей. Описанные регулятивные механизмы способны оказать положительное воздействие, в том числе и на инновационные методы производства.

Особую значимость регулятивной функции государственных закупок придает тот факт, что это одна из немногих форм финансовой поддержки бизнеса, требующая незамедлительной отдачи от реального сектора экономики, что определяется условиями государственных контрактов, заключаемых по результатам государственных закупок.

Несмотря на значимость, регулятивная функция является косвенной, ведь так или иначе, используя регулятивную функцию, государственный заказ стремится к своей главной цели — обеспечению государственных нужд, которые могут выражаться и в необходимости регулирования рыночной экономики.

С одной стороны, регулятивная функция государственных закупок влечет дополнительные расходы бюджетов на их проведение, которые позволяют оказать воздействие на современный рынок несовершенной конкуренции. Но в то же время такие бюджетные расходы компенсируются за счет неограниченной конкуренции среди участников государственной закупки.

Итак, функция обеспечения общественных потребностей и регулятивная функция, подобно двум природам одной ипостаси, должны существовать в неразрывной связи, учитываемой при проведении всех закупок, без исключения. Указанная корреляция функций государственных закупок составляет принципиальное отличие государственных закупок от закупок, осуществляемых хозяйствующими субъектами.

Для обеспечения своих нужд государство проводит госзакупки. Государственная закупка — это совокупность действий (общественных отношений), направленных на заключение государственного контракта с целью удовлетворения государственных нужд.

Итоговой целью проведения государственных закупок является обеспечение государственных нужд, в то время как промежуточная задача проведения государственных закупок — заключение государственного контракта. Однако не каждое проведение госзакупки приводит к заключению государственного контракта. Государственный контракт — договор, заключаемый по результатам осуществления государственной закупки с целью удовлетворения государственных нужд (рис. 2).

Таким образом, первопричиной рассматриваемых отношений неизменно являются государственные нужды, опосредующие процесс государственных закупок, который,

в свою очередь, приводит к заключению государственных контрактов.

Таким образом, дефиниции, обоснованные автором, являются категориями теоретическими, общенаучными и междисциплинарными, играющими важнейшую роль для общественной практики. Это предполагает необходимость их использования при среднесрочном и долгосрочном бюджетном планировании и проведении бюджетной политики Российской Федерации с учетом прогрессивных тенденций развития общественных потребностей на основе глубоких сдвигов в науке и технике. Подобный подход позволит повысить эффективность и результативность использования бюджетных средств при оплате государственных контрактов.

Действующее законодательство нуждается в серьезном реформировании, в том числе путем устранения существующих пробелов в законодательстве и коллизий нормативных правовых актов в части толкования государственных нужд, государственных закупок и, наконец, государственных контрактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронин Ю.М.* Бюджетная система Российской Федерации: вопросы теории и практики. СПб.: КОСТА, 2011. 861 с.
2. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1997. 944 с.
3. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info/letter/+nu.html?page=2> (дата обращения 18.02.2014).
4. *Тараткевич М.В.* Человек. Среда. Потребности. Минск: Беларусь, 1980. 272 с.
5. *Розовенко М.В.* Понятие и порядок определения государственных нужд // *Общество и право.* 2011. № 5 (37). С. 116–119.
6. *Гегель.* Философия права. Академия наук СССР. Институт философии. М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. *Спиридонов С.А.* Проблемы законодательного разделения нужд Российской

Федерации, государственных заказчиков и бюджетных учреждений при заключении государственных контрактов // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2013. № 4. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=70342> (дата обращения 18.02.2014).

8. *Болдырев В.А.* Юридические лица — собственники в системе субъектов гражданского права: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2010. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=16716> (дата обращения 18.02.2014).
9. *Андреева Л.В.* Закупки товаров и энергосервисных работ для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2011. 302 с.
10. *Лурье С.Я.* Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970. 739 с.
11. *Давлетшина Л.М.* Государственный заказ как инструмент проведения промышленной политики: на примере Республики Татарстан: дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2007. URL: <http://scilance.com/library/book/34283> (дата обращения 18.02.2014).
12. *Куриц Н.В.* Государственный (муниципальный) заказ как категория частного права // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2011. № 7. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PBI;n=161032> (дата обращения 18.02.2014).
13. *Мау В.А., Кузьминов Я.И.* Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. URL: http://www.hse.ru/data/2013/10/30/1283340742/Стратегия-2020_Книга%201.pdf (дата обращения: 18.02.2014).

REFERENCES

1. *Voronin Iu.M.* Biudzhetnaia sistema Rossiiskoi Federatsii: voprosy teorii i praktiki

- [The budget system of the Russian Federation: Theory and Practice] SPb.: KOSTA, 2011. 861 p. (In Russ.)
2. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Iu.* Tolkovyi slovar» russkogo iazyka [The Russian Language Dictionary]. M.: Az Publishers, 1997, 944 p. (In Russ.)
 3. *Efremova T.F.* Novyi slovar» russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [The New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-Derivational]. M.: Russkii iazyk — The Russian Language, 2000. URL: <http://www.efremova.info/letter/+nu.html?page=2> (access as of 18.02.2014). (In Russ.)
 4. *Taratkevich M.V.* Chelovek. Sreda. Potrebnosti [Man. Environment. Needs]. Minsk: Belarus, 1980, 272 p. (In Russ.)
 5. *Rozovenko M.V.* Poniatie i poriadok opredeleniia gosudarstvennykh nuzhd [The concept and procedure for determining the state needs]. *Obshchestvo i pravo — Society and Law*, 2011, no. 5 (37), pp. 116–119. (In Russ.)
 6. *Hegel G.* Filosofii prava. Akademiia nauk SSSR. Institut filosofii [Philosophy of law. The USSR Academy of Sciences. Institute of Philosophy]. M.: Mysl», 1990, 524 p. (In Russ.)
 7. *Spiridonov S.A.* Problemy zakonodatel'nogo razdeleniia nuzhd Rossiiskoi Federatsii, gosudarstvennykh zakazchikov i biudzhethnykh uchrezhdenii pri zakliuchanii gosudarstvennykh kontraktov [Problems of legislative separation of needs of the Russian Federation, government customers and budgetary institutions at conclusion of government contracts]. *Gosudarstvennaia vlast» i mestnoe samoupravlenie — State Government and local self-government*, 2013, no. 4. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=CJI; n=70342> (access as of 18.02.2014). (In Russ.)
 8. *Boldyrev V.A.* Iuridicheskie litsa — nesobstvenniki v sisteme sub'ektov grazhdanskogo prava: monografiia [Non-owner legal entities in the civil law system: a monograph]. Omskaia akademiia MVD Rossii — The Omsk Academy of the Russian Interior Ministry. Omsk, 2010. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=CMB; n=16716> (access as of 18.02.2014). (In Russ.)
 9. *Andreeva L.V.* Zakupki tovarov i energoservisnykh rabot dlia federal'nykh gosudarstvennykh nuzhd: pravovoe regulirovanie. 2-e izd., pererab. i dop. [Procurements of energy products and services for the federal government needs: legal regulation. 2nd ed., rev. and supp.]. M.: Wolters Kluwer, 2011, 302 p. (in Russ.)
 10. *Lurie S. Ia.* Demokrit. Teksty. Perevod. Issledovaniia [Democritus. Texts. Translation. Research]. L.: Nauka, 1970, 739 p. (In Russ.)
 11. *Davletshina L.M.* Gosudarstvennyi zakaz kak instrument provedeniia promyshlennoi politiki: na primere Respubliki Tatarstan [A government order as an instrument of industrial policy: a case of the Republic of Tatarstan].: Dis. kand. ekon. nauk — PhD thesis (Economics), Kazan, 2007. URL: <http://scilance.com/library/book/34283> (access as of 18.02.2014). (In Russ.)
 12. *Kurts N.V.* Gosudarstvennyi (munitsipal'nyi) zakaz kak kategoriia chastnogo prava [A state (municipal) order as a private law category]. *Gosudarstvennaia vlast» i mestnoe samoupravlenie — The state government and local self-government*, 2011, no.7. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PBI; n=161032> (access as of 18.02.2014). (In Russ.)
 13. *Mau V.A., Kuzminov Ia. I.* Strategiiia-2020: Novaia model» rosta — novaia sotsial'naia politika. Itogovyi doklad o rezul'tatakh ekspertnoi raboty po aktual'nym problemam sotsial'no-ekonomicheskoi strategii Rossii na period do 2020 goda [Strategy 2020: New growth model — new social policy. The final report on the results of expert work on current problems of the social and economic strategy of Russia until 2020]. URL: http://www.hse.ru/data/2013/10/30/1283340742/Strategiia-2020_Kniga%201.pdf (access as of 18.02.2014). (In Russ.)

УДК 339.137.2:658.114.3 (045)

ЭЛЕМЕНТЫ НЕСПРАВЕДЛИВОЙ КОНКУРЕНЦИИ США И УКРАИНЫ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

КОТОВА НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА

младший научный сотрудник

Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: NKotova@fa.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются причины формирования элементов несправедливой конкуренции США и Украины в отношении российских компаний на рынке оборонной промышленности; политика США по вводу санкций в отношении России в связи с ситуацией на Украине как способ «выдавливания» России с рынка военно-промышленного комплекса (ВПК). Исследованы основания навязывания условий функционирования в данном сегменте рынка американскими и канадскими компаниями. Рассмотрены вопросы перемещения или замены производства оборудования и запасных частей предприятиями Украины (ключевых деталей и узлов для судовых двигателей, технологического оборудования для танков, а также компонентов и узлов для тяжелых ядерных ракет) для ВПК России, в частности в ракетно-космической отрасли [производство спутниковых систем и ракетносителей нового поколения, осуществляющих доставку грузов на Международную космическую станцию (МКС)], направленные на модернизацию оборонно-промышленного комплекса России, возрождение ее промышленного потенциала [1]. Данное направление развития российской экономики рассматривается как крайне важное в современных условиях усиления конкуренции на рынках высокотехнологичных производителей и как выход из предложенного сценария специализации страны в области добычи углеводородных ресурсов.

Ключевые слова: несправедливая конкуренция; оборонная промышленность; экспорт военной продукции; ракетно-космическая отрасль; промышленный потенциал; рынок вооружений.

ELEMENTS OF UNFAIR COMPETITION RUN BY THE USA AND UKRAINE AGAINST RUSSIAN COMPANIES

NATALIA E. KOTOVA

junior researcher at the Center for Macroeconomic Research, the Financial University, Moscow, Russia

E-mail: NKotova@fa.ru

ABSTRACT

The paper analyzes the reasons that provoked unfair competition on the part of the USA and Ukraine against Russian companies in the defense industry market along with the US policy of imposing sanctions on Russia using the situation in Ukraine as a pretext to drive Russia out of the military production market and force the US and Canadian rules of play in this market segment.

Subject to discussion are issues of relocation or replacement of the Ukrainian enterprises engaged in the production of equipment and spare parts (key parts and components for marine engines, technological equipment for tanks as well as components and assemblies for heavy nuclear missiles) for the Russian military-industrial complex, in particular for the space industry (manufacture of satellite systems and new generation launch vehicles for delivery to the International Space Station (ISS)) aimed at modernization of the military-industrial complex of Russia and revival of its industrial potential [1]. This area of the Russian economy development is viewed as extremely important in today's increasingly competitive environment in the markets of high-tech manufacturers, and as a way out of the hydrocarbon extraction focused scenario.

Keywords: unfair competition, defense industry, export of military products; space-missile sector; industrial potential; arms market.

Опубликованная недавно в *Washington Post*¹ статья под названием «Украинские заводы оснащают российскую армию, несмотря на поддержку повстанцев на Востоке», была написана при участии российских коллег.

Президент Украины П. Порошенко еще в июне издал приказ о прекращении экспорта военных изделий в Россию, но этот приказ так и остался на бумаге. В администрациях военных заводов говорят, что никаких официальных распоряжений о прекращении поставок не получали. Возможно, это связано с попыткой сохранить рабочие места в ключевых промышленных регионах на востоке, или же в симпатиях Москве². Поставки включают ключевые детали и узлы для судовых двигателей, технологическое оборудование для танков, а также компоненты и узлы для тяжелых ядерных ракет России. По данным исследований университета Торонто (Канада), статья появилась не случайно — это намерение максимально снизить военный потенциал России, заставив ее вновь согласиться (как было на протяжении последних 20 лет) с предлагаемой специализацией в области добычи углеводородных ресурсов. Однако в статье высказывается опасение, что это лишь маневр, способный отвлечь внимание общественности от США и ЕС, которые сохраняют темпы развития сотрудничества с российскими высокотехнологичными компаниями, несмотря на все объявленные санкции. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, Украина является восьмым по величине в мире экспортером военной продукции, при этом около 70% оборонного экспорта Украины связано с деятельностью российских предприятий.

По данным американских правительственных кругов и представителей бизнеса, США являются зависимыми от поставок

российских двигателей, так как собственное производство и главные научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в этой области могут занять годы и оцениваются в миллиарды долларов. Американские эксперты даже ввели такой термин, как «русский шантаж» (*The Daily Caller*), так как Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) не в состоянии обеспечить доставку астронавтов в космос без российского сотрудничества и не сделают этого в течение многих лет. При этом отмечается существование устойчивой зависимости Международной космической станции (МКС) в части используемых солнечных панелей, которые обеспечивают большую часть электроэнергии. Со стороны американских компаний, и в частности фирмы «Боинг», ведется достаточно сильное воздействие на правительственные круги в части обхода вводимых санкций по отношению к России. Одновременно на экспертном уровне бытует и такая точка зрения, что между США и Россией обострилась конкуренция за украинские предприятия, тесно интегрированные в производственную цепочку военной продукции России, в том числе в ракетно-космической отрасли. Эта конкуренция приводит к маркетинговым и информационным войнам. Например, указывается, что запуски ракет типа «Протон» на Байконуре связаны в основном с авариями, причины которых кроются в бесхозяйственности и коррупции. Самая последняя неудача — попытка развертывания спутника *Galileo* с использованием российского производства ракет-носителей «Союз-Фрегат» (август 2014 г.). «Фрегат» верхней ступени был построен научно-производственным объединением (НПО) Лавочкина в рамках Федеральной космической программы России для выведения космических аппаратов различного назначения. *Galileo* — это спутниковая навигационная система, являющаяся первым совместным проектом (5 млрд евро), который будет разделен между Европейским космическим агентством (ЕКА) и Европейским союзом. Одна из целей *Galileo* — предоставление альтернативной высокоточной системы позиционирования,

¹ Birnbaum Michael. *Ukraine factories equip Russian military despite support for rebels* (Украинские заводы оснащают российскую армию, несмотря на поддержку повстанцев на Востоке). URL: <http://www.washingtonpost.com/world/europe/ukraine-factories-equip-russian-military-despite-support-for-rebels/2014/08/15/> (дата обращения: 15.08.2014).

² URL: <http://economics.unian.net/industry/952965-washington-post-ukrainskie-zavodyi-prodoljayut-osnaschat-rossiyskuyu-armiyu.html> (дата обращения: 20.08.2014).

которую европейские страны смогут использовать без зависимости от российского ГЛОНАСС и GPS-систем (США), исключая опасность возможного отключения операторов в виде санкций. По данным Европейской комиссии, ЕС будет тратить около 7 млрд евро (9,3 млрд долл.) на спутниковую навигацию до 2020 г. *Arianespace*, французская пусковая компания, была выбрана, чтобы развернуть весь *Galileo* в «созвездии» 30 спутников. Этот процесс начался с запуска первых двух экспериментальных спутников, *Galileo In-Orbit Validation Elements (Giove) — Giove-A и Giove-B*. Но уже в 2005, 2008 гг. запуски не всегда сопровождались удачей. Вместе с тем, как сообщает НАСА США, Европейское космическое агентство в результате подтвердило в августе 2014 г., что два последних запуска указанных спутников были преднамеренно ориентированы на то, чтобы создать версию в Европе с американской системой спутников GPS-навигации.

Альтернативным проектом российским «Зенит-3SLB» и «Протон-М» является «Антарес» (англ. *Antares*) — ракета, разработанная американской *Orbital Sciences Corporation (OSC)* с участием субподрядчиков, таких как Государственное конструкторское бюро «Южное» им. М.К. Янгеля (КБ «Южное») и «Южный машиностроительный завод имени А.М. Макарова» (Южмаш). Это крупные украинские предприятия по производству ракетно-космической техники и другой наукоемкой продукции, расположенные в Днепропетровске, *Aerojet, Alliant Techsystems (ATK)* в США. Одним словом, США еще до объявления санкций предприняли шаги по вовлечению в ракетно-космическую деятельность таких важных российских субподрядчиков, как предприятия КБ «Южное» и Южмаш. Так, по инициативе НАСА в посольство США в Украине были приглашены представители *Orbital Sciences Corporation*, КБ «Южное» и Южмаш. В ходе встреч была отмечена необходимость продолжения совместных программ космических исследований, подписан протокол о взаимодействии сторон, где указывались новые направления развития украинско-американского сотрудничества в космосе.

КБ «Южное», Южмаш — предприятия, которые разработали и изготовили первый этап ракеты *Antares*, имеют долгосрочный договор с американской компанией *OSC*. Финансирование программы было проведено НАСА на сумму около 1,9 млрд долл. В апреле 2013 г. *OSC* оценила сотрудничество с Украиной в создании новой *Antares* как высокоэффективное и предположило, что запуск космических ракет среднего класса, построенных для доставки грузов на Международную космическую станцию (МКС), полностью ликвидирует зависимость от российских ракетноносителей. Однако неудачный запуск ракеты *Antares*, произведенный в октябре 2014 г., показал несостоятельность данной точки зрения.

Россия рассматривала несколько иное направление развития сотрудничества с Украиной (во время правления президента Януковича): вкладывая средства в реструктуризацию украинской оборонной промышленности и усиливая ее интегрирование с российской промышленностью, восполнить потребности, заложенные в Российской государственной программе развития вооружений на 2011–2020 гг. [2]. Так, по контрольным показателям этой программы новое вооружение в российской армии должен составить 30% в 2015 г. и 70% в 2020 г., так как ожидаемый вклад украинского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в программу вырастет с 10% в 2013 до 40% в 2020 г. Россия была готова инвестировать более 700 млрд долл. (500 млрд евро) в программу вооружений в 2011–2020 гг.³ Основная часть российского кредита Украине (15 млрд долл.), скорее всего, обусловлена реструктуризацией оборонной промышленности Украины, оплачиваемой российским газом.

Некоторые эксперты оценивают вклад военно-промышленного комплекса Украины в российскую оборону критически, в частности в таких областях, как воздушно-космическая сфера, стратегические ракеты

³ Государственная программа РФ «Космическая деятельность России на 2013–2020 годы» (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2594-п). URL: <http://www.federal.space.ru/115/> (дата обращения: 16.09.2014).

и военно-морской флот. Американские эксперты надеются, что проведенные ими исследования подтвердятся и планы модернизации оборонно-промышленного комплекса России, возрождения промышленного потенциала нашей страны могут быть поставлены под вопрос. Идею перемещения из Восточной и Южной Украины в Россию или замены производства оборудования для военно-промышленного комплекса России американцы считают практически не решаемой, надеясь, что таким образом Россия будет «выдавлена с рынка ВПК и примет все навязываемые ей условия со стороны американских и канадских компаний». Отказ современного правительства Украины поддерживать оборонную промышленность в стране, и Южмаш в частности, может привести к утечке мозгов первоклассных специалистов украинской оборонной промышленности и передаче чувствительных военных технологий из Украины в Россию.

Это позволит России успешно завершить перевооружение, несмотря на США и санкции ЕС. Другими словами, отток кадров с демонтажем оборудования и переносом его в Россию уже осуществляется в связи с эскалацией военных действий в ДНР и ЛНР, а также усилением радикального крыла в политике Украины. Государственная администрация Днепропетровской области поддерживает переориентацию Южмаша в сторону США и ЕС, но указанный тренд не поддерживается персоналом и инженерным корпусом предприятия.

Вместе с тем украинские власти рассчитывают, что Южмаш станет основой для развития противоракетной строительной индустрии. Как сообщили в Государственном космическом агентстве Украины (СГАУ), европейские эксперты посетили Днепропетровск в период с 12 по 16 мая 2014 г. в рамках проекта *Twinning*, Меморандум о сотрудничестве с США и ЕС будет действовать в течение всего 2014 г. и автоматически продлится еще на 3 года. Участники проекта посетили конструкторское бюро «Южное», Национальный центр аэрокосмического образования молодежи, научно-производственную фирму «Днепротехсервис». Украинская

сторона ознакомила европейских экспертов с основными направлениями деятельности предприятий, кроме того, они имели возможность увидеть производство ракетной техники, испытательного оборудования и основные продукты компаний (ракеты-носители, космические аппараты и их компоненты, двигатели, агрегаты, пусковые системы и технические комплексы).

Чтобы оторвать Украину от России, некоторые эксперты предложили со стороны США и ЕС обеспечить своего рода «плана Маршалла» для Украины. Это позволит интегрировать оборонную промышленность Украины с США и ЕС⁴. В Восточной и Южной Украине сформированы огромные производственные мощности, которые нуждаются в срочной реструктуризации. Важно, чтобы эта реструктуризация была проведена в соответствии с техническими стандартами ЕС, а не подчинялась России. Необходимо внедрение энергоэффективных технологий на Украине из ЕС. В настоящее время энергоемкость ВВП Украины остается на очень высоком уровне, превышая средний показатель энергоемкости ВВП уровня потребления остальных стран мира в 2,6 раза, что неизбежно приводит к существенному технологическому разрыву в большинстве секторов экономики по сравнению с развитыми экономиками. Наибольший выигрыш в экономии энергии может быть сделан в Украине, если она станет ближайшим партнером Германии в области энергоэффективности, тогда и не потребуется импортировать энергоносители из России⁵.

Для противодействия России на рынке вооружений и ослабления экономики нашей страны со стороны США рассматривается возможность предоставления Украине статуса союзника без членства в НАТО. Членами Конгресса США внесен законопроект в Палату представителей США о признании

⁴ США и ЕС продолжают сотрудничество с Россией в космической и ракетной промышленности. URL: <http://euromaidanpress.com/2014/08/24/united-states-continues-successful-co-operation-with-russia-in-sp> (дата обращения: 25.08.2014).

⁵ Ukraine's economy: Broken down. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/63e0a202-26fb-11e4-a46a-00144feabdc0.html#axzz3B3dAQJz6> (дата обращения: 01.09.2014).

Украины как главного союзника не входящих в НАТО стран и обеспечении страны прямой военной помощью. Главная составляющая этого статуса — право Украины на широкую финансовую помощь от США для покупки военной техники и оружия, а также предоставления разнообразных военных и финансовых преимуществ. Иначе эти преимущества могут быть только у стран, которые должны следовать инициативе США, проводя аналогичные изменения в законодательстве. Украина в данном случае рассматривается исключительно как плацдарм для использования современной, обученной и хорошо оснащенной армии, разделяющей западную точку зрения и ценности США, Канады, ЕС и стран — членов НАТО, способной оказать существенное давление на внешнюю политику России и ее специализацию в мировом хозяйстве⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перская В.В., Огрызов А.А. Инструменты повышения национальной конкурентоспособности России в современ-

⁶ United States and EU continue co-operation with Russia in space and missile industries. URL: <http://euromaidanpress.com/2014/08/24/united-states-continues-successful-co-operation-with-russia-in-sp> (дата обращения: 25.08.2014).

ных условиях // Горизонты экономики. 2014. № 3 (15). С. 14–19.

2. Перская В.В. Национальная конкурентоспособность России — условие и фактор поступательного развития России (обзор материалов научно-практической конференции) // Этносоциум. 2014. № 7 (73). С. 143–156.

REFERENCES

1. Perskaia V. V., Ogryzov A. A. Instrumenty povysheniia natsional'noi konkurentosposobnosti Rossii v sovremennykh usloviakh [Tools of national competitiveness of Russia in the modern environment]. Gorizonty ekonomiki — Economic Horizons, 2014, no. 3 (15), pp. 14–19. (In Russ.)
2. Perskaia V. V. Natsional'naia konkurentosposobnost' Rossii — uslovie i faktor postupatel'nogo razvitiia Rossii (obzor materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii) [National competitiveness of Russia as the precondition and factor of its progressive development (an overview of the scientific and practical conference proceedings)]. Etnosotsium — Ethnosocium, 2014, no. 7 (73), pp. 143–156. (In Russ.)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Конференция «Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания» состоится 3 марта 2015 г.

Проблематика. Научная полемика о необходимости разработки нового подхода к решению социально-экономических проблем и к формированию новой геостратегической и макроэкономической политики ведется среди экономистов-исследователей и практиков не один год. Экономические санкции Запада и объективные ограничения экспортно-сырьевой модели — реалии современного положения дел настоящей России. Без научно-практического решения вопроса о новых источниках развития — источниках индустриальных, прочных, фундаментальных и долгосрочных — невысказано практическое решение ни одной из социально-экономических задач нашей страны.

Цель конференции — выявление идей и мнений по поводу вышеобозначенной проблемы, обсуждение неясных и спорных моментов, связанных с протекающим сегодня в мире глобальным системным кризисом, а также раскрытие наиболее талантливых и перспективных авторов с целью поддержки их научного потенциала.

Источник: <http://www.fa.ru/news/Pages/index.aspx>

Содержание журнала «Вестник Финансового университета» за 2014 г.

№ 1

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

М. А. Эскиндаров

Проблемы интеграции финансовых рынков стран Единого экономического пространства 8

П. Фелис

Налоги на недвижимость в странах Европейского союза. Теоретические и практические соображения..... 20

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Н. Г. Миценко

Методические подходы к оценке экономической эффективности вертикальных интегрированных систем..... 28

А. М. Саралидзе, О. А. Доничев

Формирование автодорожной инфраструктуры как инструмента межрегиональной экономической интеграции 36

П. В. Арефьев

Преодоление социальной дифференциации как фактор перехода к устойчивому экономическому развитию 48

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Н. Г. Иванова

Финансовая политика: вопросы методологии и современной российской практики..... 64

Н. М. Сабитова

О понятийном аппарате в финансах..... 74

Е. И. Мешкова

Нормативное регулирование рисков банковского сектора: проблемы и основные задачи..... 82

В. А. Тюрнин

Некоторые методологические аспекты исследования финансов 92

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Д. И. Дема, Н. Н. Фещенко

Казначейское выполнение местных бюджетов по расходам: проблемы и пути решения 100

Ш. У. Ниязбекова, С. Т. Космагамбетова

Мировые банковские кризисы – причины, факторы и последствия..... 110

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

М. А. Рыльская, Д. В. Некрасов

Институт уполномоченного экономического оператора в контексте теории права 122

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Н. В. Кириллова

Актуальные проблемы развития российского страхового рынка 129

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

В. В. Литвинова

Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке..... 139

Е. А. Васин

Оценка эффективности инвестирования средств российских суверенных фондов..... 153

Слово нашим выпускникам... 6, 35, 63, 73, 81, 91, 99, 109, 121

№ 2

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Ф. Ф. Пащенко, И. С. Дургарян, А. Ф. Пащенко

Эффективность инвестиций и инновационное развитие..... 6

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Л. П. Гончаренко, Т. М. Геращенко

Инвестирование инновационных процессов в агропромышленном производстве как фактор повышения уровня продовольственной безопасности страны 13

А. И. Лукашов

Развитие внутреннего государственного финансового контроля в секторе государственного управления..... 24

Б. М. Мизюк, С. С. Гринкевич

Государственные ориентиры в повышении эффективности использования и развития трудового потенциала в современных условиях..... 30

И.В. Трезуб

Покупательная способность потребителей на российском ИТ-рынке услуг.....34

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Д.В. Тихомиров

Инвестиционное имущество: вопросы оценки и отражения в отчетности по МСФО39

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, АНАЛИЗ И АУДИТ

А.В. Сметанко

Классификация и характеристика принципов внутреннего аудита49

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

Б.Е. Одинцов, А.Н. Романов

Итерационный метод оптимизации управления предприятиями средствами обратных вычислений60

О.А. Баяк, И.Е. Денежкина, С.А. Зададаев

Метод оценки инвестиционной привлекательности градостроительных проектов74

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Р.В. Кашбразиев

Влияние международной кооперации на национальную экономику.....79

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.М. Мухетдинова

О законодательном обеспечении формирования современной системы стратегического планирования в России93

А.А. Фатьянов, Ю.М. Саранчук

Теоретическое правовое содержание понятий законодательства о средствах массовой информации 102

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Н.В. Кириллова, А. Беллуччи

Защита потребителей и инвестиции на страховом рынке: итальянская и российская практика..... 113

Я.С. Ядгаров

Меркантилистские основания творческого наследия И.Т. Посошкова 124

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ш.М. Омаров

Основы экономической безопасности Евразийского экономического союза 134

№ 3

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

М.В. Рыбакова, М.Ю. Щукина

Экономический потенциал экопоселений в устойчивом развитии сельских территорий 6

В.Г. Глушкова, О.Б. Хорева

Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения.....14

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

А.К. Соловьев, В.Ю. Попов, А.Б. Шаповал, Н.Н. Нуриева, А.М. Курманов

Регионально-отраслевая дифференциация солидарного коэффициента замещения в Российской Федерации.....26

Е.В. Васильева

Концепция рамки квалификации в сфере информационных технологий.....36

Н.Н. Нестерова

Управленческая составляющая экономического потенциала региона 41

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Е.Ю. Фаянцева

Внутренний контроль как метод управления финансовой устойчивостью компании в условиях экономической нестабильности48

И. Шлезак-Матусевич

Регулирование не облагаемых налогом расходов и неплатежей – практическое применение и возможности налоговой оптимизации в Польше..... 57

Г.И. Хотинская, Е.И. Шохин

Место и роль финансового инструментария в повышении конкурентоспособности российского бизнеса64

А.М. Мотохин, И.А. Смарагдов

Анализ структуры европейского банковского рынка76

Д.К. Маштакеева

Роль кредитных брокеров в повышении устойчивости финансовой системы России.....83

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, АНАЛИЗ И АУДИТ

Е.С. Волкова, В.Б. Гисин

Меры возможности и внутренняя норма доходности инвестиционных проектов с нечетко определенными платежами93

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Т.М. Матаев

Концессии в Республике Казахстан..... 105

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Р.Г. Ибрагимов, Г.А. Панферов

Обобщение теории Модильяни – Миллера: миф и реальность..... 114

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ
МЕРОПРИЯТИЯ**

- Я.С. Ядгаров, В.А. Сидоров, Э.В. Соболев**
Феномен рыночного хозяйства в зеркале
экономической науки 123

**ПУБЛИКАЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

- Е.А. Петрова**
Оценка риска остаточной стоимости
секьюритизированного пула активов
оперативного лизинга 127
- Д.С. Хазова**
Квалитативное моделирование
развития экологического туризма
в Республике Алтай..... 139

№ 4**АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА**

- Г.Б. Клейнер**
Какая мезоэкономика нужна России?
Региональный разрез в свете системной
экономической теории..... 6

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ**

- Е.В. Маркина**
Развитие финансового механизма
функционирования бюджетных учреждений..... 23
- А.Н. Ряховская**
Основы стабильного функционирования
предприятий жилищно-коммунального
хозяйства 33
- Б.М. Мизюк, И.Я. Лукасевич, М.Д. Гоньский**
Совершенствование организационно-
экономического механизма
управления коммерческой деятельностью 41
- В.А. Федорова**
Пути повышения эффективности нормативного
регулирования особых экономических зон
в Российской Федерации..... 45

**ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
И КРЕДИТ**

- Н.Г. Иванова, М.В. Цепя**
Теория бюджетного федерализма и российская
практика 54
- А.В. Грищенко**
Механизмы формирования финансовых ресурсов
некоммерческих организаций..... 64

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Б.А. Кушенова, А.С. Асилова**
«Народное IPO»: экономико-социальная
новация..... 75

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

- Д.В. Домашова**
Проблемы формирования банкоматной сети
коммерческого банка 85

**ПУБЛИКАЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

- А.Г. Аракелян**
Обзор тенденций формирования венчурных систем
финансирования инноваций в мире и России..... 90
- С.С. Гаврина**
Организационное развитие на основе
формирования интеллектуального капитала 98
- Ю.М. Кукушкина**
Значение регулирования торговли в рамках ВТО для
энергодIALOGA России с Европейским союзом..... 104

- Е.В. Чибисова**
Макроэкономические факторы развития
национальной инновационной системы России.... 112

№ 5**АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА**

- Д.Е. Сорокин**
Оптимистический сценарий развития
российской экономики 6
- Н.М. Абдикеев**
Экономика, основанная на знаниях,
и инновационное развитие..... 16

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ
ХОЗЯЙСТВОМ**

- А.К. Соловьев**
Пенсионная реформа в России – новый этап 27
- И.Я. Лукасевич, Н.В. Кузнецов**
Финансирование программы развития
электроэнергетики Российской Федерации
в условиях внешнеполитической и экономической
нестабильности 37
- Г.И. Шепелин**
Развитие рынка электронного страхования 46

**ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
И КРЕДИТ**

- М.А. Абрамова, М.В. Мамута**
«Shadow Banking» в России: факторы
распространения, возможности регулирования 55
- Е.А. Звонова**
Возможности формирования механизмов перехода
к валютно-финансовому союзу стран БРИКС..... 63
- В.Ф. Шаров, А.К. Караев**
Устойчивость бюджетной системы и проблемы
восстановления роста экономики России..... 73

Э.С. Самарина

Актуальные вопросы применения различных методов трансфертного ценообразования84

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Оун О'Лири

Ирландия и ЕС: экономическая интеграция, экономическая трансформация 93

П.В. Трощинский, Ч. Чжучен

Современное право и финансово-банковский сектор Китайской Республики на Тайване99

Г.С. Якубовский

Топливо-энергетический комплекс Испании: тенденции развития, основные проблемы и пути их решения 106

Ж. Вытев

Динамика и структурные изменения банковских кредитов и депозитов домохозяйств в Республике Болгария 118

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

В.М. Гончаренко, И.Е. Денежкина, В.Ю. Попов,

А.Б. Шаповал

О роли математики в современной экономической науке 131

**ПУБЛИКАЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

А.М. Хармат

Современные методы и инструменты регулирования рисков проектного финансирования 137

Г.Т. Дараселия

Ипотечное страхование как инструмент повышения доступности ипотеки 144

Международный финансово-экономический форум 148

№ 6

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

М.А. Эскиндаров

Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности. Первый Международный форум Финансового университета 6

А.И. Татаркин

Социальный вектор смешанной модели экономического развития России10

**ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ**

Б.Е. Одинцов, А.Н. Романов

Проблемы создания информационных систем управления эффективностью бизнеса22

О.В. Лосева, В.А. Дресвянников

Методология оценки интеллектуального потенциала региона в условиях инновационного развития 37

Л.В. Оболенская, М.М. Кандохова

Анализ современной практики классификации субъектов инновационной деятельности по степени использования знаний50

В.Р. Маркарян

Перспективные направления развития регионов на примере Краснодарского края59

**ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
И КРЕДИТ**

И.З. Ярыгина

Межгосударственные кредитные институты в условиях современной России 67

Н.Е. Саввина

Инновации в российском страховании: мода или необходимость?74

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.Н. Сильвестров

Совет по финансовой стабильности как четвертая опора глобальной финансовой системы84

В.Я. Пищик, Е.А. Звонова

Институциональные аспекты регулирования валютно-финансовых отношений в Евразийском экономическом союзе92

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

Г. Краус, Л.А. Чалдаева, А.А. Килячков

Критерии оценки программы антикоррупционного комплаенса на малых и средних предприятиях 101

А.И. Селиванов

Противодействие легализации преступных доходов и коррупции: финансово-экономические аспекты 110

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Е.И. Акулич

Экономические предпосылки финансового обеспечения государственных нужд 118

Н.Е. Котова

Элементы несправедливой конкуренции США и Украины в отношении российских компаний 128